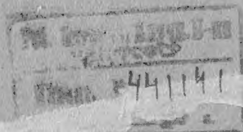

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ

1613—1913.

Юбилейный Альбомъ въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ

Съ рисунками профессора
В. П. Верещагина
и съ историческимъ очеркомъ
магистра И. В. Баженова

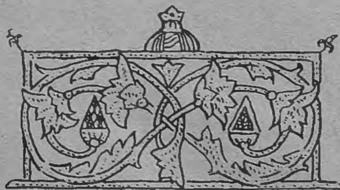
Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12

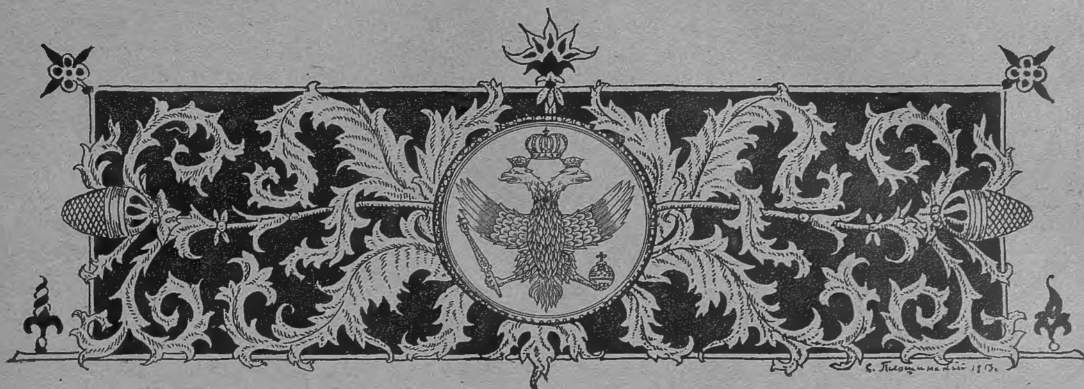
ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ РЯДУ выдающихся событій въ исторіи Россіи XVII вѣка день 14 марта 1613 года является особенно достопамятнымъ для гражданъ ея. Тогда юный бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, вслѣдствіе неотступной просьбы именитаго московскаго посольства, изволилъ въ Троицкомъ соборномъ храмѣ Ипатіева монастыря принять царскій скипетръ всей Россіи. Означенное событіе служитъ нынѣ основаніемъ грандіознаго всероссійскаго торжества—по случаю исполняющагося въ 1913 г. 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Дать возможность читателю надлежаще уразумѣть и достойно оцѣнить великую важность этого юбилейнаго событія и вмѣстѣ возбудить чувство высокой признательности къ Основателю новой національной династіи—Романовыхъ—такова цѣль настоящаго изданія. Въ немъ представлены сначала тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали московскую смуту и характерно показываютъ то крайне бѣдственное, почти погибельное состояніе, до какого Россійское государство было доведено вслѣдствіе неурядицъ и безначалія. Этимъ-то состояніемъ и обусловливалось самое призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова,—съ воцареніемъ котораго начинается лучшій и высшій періодъ въ исторіи Россіи подъ скипетромъ царей изъ Дома Романовыхъ.

Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ несомнѣнно оказаны большія услуги дорогому нашему отечеству: попеченіемъ и энергическою дѣятельностію его Россійское государство выведено на свой историческій путь и получило твердый порядокъ и умиротвореніе. Свыше 32-лѣтнее царствованіе перваго Самодержца изъ Дома Романовыхъ послужило прочнымъ залогомъ послѣдующаго благоденствія, постепеннаго развитія и возвышенія національнаго могущества нынѣ первоклассной державы Всероссійской. Живо воспроизвести въ своемъ сознаніи воспоминаемыя въ юбилейную годовщину какъ призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, такъ и самое его царствованіе составляютъ долгъ каждаго истиннаго гражданина Россіи, и въ немъ чрезъ представленіе всѣхъ тяжелыхъ переживаній смутнаго періода, окончившихся торжествомъ правды надъ кривдою, еще сильнѣе можетъ укрѣпиться любовь къ дорогому нашему отечеству и беззавѣтная преданность Церкви православной и Царю—Помазаннику Божію.

Состояніе Московскаго государства въ смутное время, предъ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича.

Со временъ уже великаго князя Іоанна Даниловича Калиты (1328-1340 гг.), перваго собирателя Руси, явившагося старшимъ княземъ надъ всѣми удѣльными князьями, стала обнаруживаться сильная власть въ Московскомъ государствѣ. Затѣмъ, въ великое княженіе Іоанна Васильевича III (1462–1505 гг.), была настолько полно сосредоточена въ немъ верховная власть, что положенъ конецъ удѣльно-вѣчевому порядку. Далѣе, въ лицѣ Іоанна Васильевича Грознаго (1533–1584 гг.) проявилась во всей силѣ могучая единодержавная власть царская, покорившая Казанское и Астраханское царства и закрѣпившая за Русью отдѣлившіяся было отъ нея области новгородскую и псковскую. Несомнѣнно, великое историческое значеніе для Россіи имѣло единодержавіе и самодержавіе: только оно сообщило политическое единство раздробленнымъ русскимъ областямъ, связывало въ плотную массу племена, разсѣянныя на равнинахъ восточной Европы, давало русскому народу государственное устройство, помогшее ему выйти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими было Русь удѣльно-княжескую. Послѣ Іоанна Грознаго Русь осталась сильная, крѣпкая, единая подъ управленіемъ царя-самодержца всея Руси, однако, на непродолжительное время.

Преемникъ его—сынъ Ѳеодоръ Ивановичъ, весьма набожный, кроткій и добрый, но болѣзненный, мало занимался государственными дѣлами,—а за него вершилъ дѣла въ Московскомъ государствѣ шуринъ, братъ его жены Ирины, «великій ближній бояринъ» Борисъ Годуновъ, дѣловитый, обладавшій большимъ умомъ и значительными административными способностями. Подъ вліяніемъ правителя Бориса совершились два особенно важныя событія: учрежденіе патріаршества (съ 26 янв. 1589 г., первый патріархъ Іовъ) и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ (около 1590 г.). Но эти событія поставлены въ тѣнь мрачнымъ событіемъ: это насильственная смерть въ г. Угличѣ девятилѣтняго царевича Димитрія (15 мая 1591 г.), сына Іоанна Грознаго отъ жены Маріи Нагой, каковая смерть народомъ приписана властолюбивому Борису Годунову—въ цѣляхъ его устранить законнаго претендента на царскій тронъ. Въ 1598 году, 7 января, послѣдовала кончина бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича, который предъ смертію не изволилъ указать престолонаслѣдника. Съ этою кончиною прекратился царственный домъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, основавшій русское государство, и вмѣстѣ вызваны значительныя въ немъ потрясенія, называемыя у насъ смутнымъ временемъ, которыя продолжались 15 лѣтъ, до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, и довели русское государство до совершенной гибели, до полнаго уничтоженія.

За отказомъ отъ трона вдовствующей царицы Ирины, вскорѣ добровольно принявшей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ постриженіе въ инокини, съ именемъ Александры, всѣ въ Мо-

сквѣ, по указанію патріарха Іова, готовы были присягнуть Борису Ѳеодоровичу Годунову, который уже ранѣе состоялъ полнымъ правителемъ государства при богомольномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и лишь не носилъ царскаго титула. Вотъ, Борисъ Ѳеодоровичъ (поселившійся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ сестрой Ириной) земскимъ соборомъ, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и боярами, избранъ 17 февраля на Московскій тронъ и, послѣ двукратнаго отреченія, принялъ 21 февраля царскій вѣнецъ. Борисъ, уже какъ опытный въ правленіи государствомъ, обнаруживалъ въ своихъ дѣяніяхъ великій умъ и добрыя заботы о благѣ народномъ,—однако, не пріобрѣлъ симпатій въ народѣ, и во второй половинѣ семилѣтняго его царствованія, слишкомъ тяжелыми для него оказались вѣнецъ и бармы Мономаха, обагренные царственною кровью Димитрія. Смерть или прекращеніе всѣхъ представителей царскаго рода Іоанна Грознаго стала вызывать смущеніе, «смуту» въ русскихъ людяхъ. Издавна они вѣрили, что надъ царственнымъ домомъ почиваетъ особая милость Божія,—домъ этотъ, казалось имъ, не могъ пресѣчься, благодать Божія не могла изсякнуть для православной Руси. И въ народѣ стали ходить слухи, что царевичъ Димитрій не умеръ, что его спасли отъ злоумышленія Бориса вѣрные люди и затѣмъ быстро увезли далеко отъ людей,—что онъ появится для того, чтобы по праву занять прародительскій престолъ. Этими слухами не преминули воспользоваться тѣ бояре, которые находились во враждѣ съ Борисомъ Годуновымъ и которые уже предъ избраніемъ его въ царя, въ цѣляхъ лишить народнаго благоволенія, распространили молву, что хотѣлъ Борисъ убить царевича Димитрія, но это ему не удалось. Слухъ этотъ упорно держался въ народѣ, который со временемъ повѣрилъ ему, и подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ сталъ признавать, что лишь «прирожденный», а не выборный царь угоденъ Богу. Вотъ, послѣ благополучныхъ первыхъ годовъ правленія Бориса, Россію посѣщаютъ различныя бѣдствія: съ 1601 года начался въ ней страшный неурожай, который продолжался два года подрядъ и вызвалъ сильный голодъ и затѣмъ моръ, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ въ одной Москвѣ погибло до 127 тысячъ человѣкъ. Стали смутно говорить въ народѣ, что эти несчастія посланы Богомъ за неповинную кровь царевича Димитрія. Ни мудрая правительственная дѣятельность Бориса, ни облегченіе народу податей, ни щедрая благотворительность не привязывали къ царю Борису сердца народнаго и не успокаивали никого. При недовольствѣ и къ большему возбужденію народа—раздалась поразительная вѣсть о томъ, что въ 1603 году въ Польшѣ, на самой границѣ Московской Украйны, въ имѣніи князя Адама Вишневецкаго объявился какой-то человѣкъ, называющій себя именемъ Димитрія царевича. По сужденію историковъ, все это появленіе (перваго) самозванца очень ловко было подстроено изъ Москвы самими боярами, недовольными Борисомъ. Они подготовили самозванца и подослали къ Вишневецкому *), зная, что этому пограничному владѣтелю могла оказаться не безвыгодной смута въ Москвѣ. Впрочемъ, и самъ царь Борисъ въ этомъ увидѣлъ злобные замыслы бояръ и даже прямо обвинялъ ихъ въ намѣреніи произвести смуту въ народѣ, и стало мрачно въ душѣ Бориса. Онъ сталъ чувствовать себя непрочнымъ на престолѣ и поэтому сдѣлался подозрительнымъ, недовѣрчивымъ, всюду сталъ видѣть измѣну и открылъ рядъ гоненій на именитыхъ бояръ, которые были прежде близки къ царскому трону. Особенно же тогда пострадали бояре Романовы, родственники угасшаго царскаго рода: неправедно обвиненные въ замыслахъ противъ царя, они всѣ, по приказу Бориса, отправлены въ заточеніе въ разныя мѣста, а наиболѣе царственный изъ нихъ Ѳеодоръ Никитичъ, сынъ Никиты Романовича, брата Анастасіи Р., первой жены царя Іоанна Грознаго, постриженъ въ монахи, съ именемъ Филарета, и сосланъ въ Холмогоры, въ Сійскій Антоніевъ монастырь, супруга же его Ксенія Ивановна также пострижена въ монахини съ именемъ Марѳы, а шестилѣтній ихъ сынъ Михаилъ (будущій царь) съ его теткою и и мужемъ ея, княземъ Черкасскимъ, сосланъ на Бѣлоозеро.

Въ 1604 году самозванецъ Лжедимитрій вторгнулся въ московскіе предѣлы съ небольшимъ войскомъ, но оно стало постепенно увеличиваться всѣми недовольными Борисомъ и смутьянами, замыслившими изъ замѣшательствъ въ своемъ отечествѣ извлечь свои выгоды. Самозванецъ обѣщалъ въ своихъ «прелестныхъ» граматахъ всѣмъ льготы и милости: боярамъ—«честь и повышеніе учинить» и «вотчины прибавить». дворянамъ—«въ царской милости держать», посадскимъ людямъ—«учинить

*) По сужденію Д. И. Иловайскаго, «гнѣздомъ самозванства была Польша съ домами Мнишекъ, воеводы Сендомірскаго, братьевъ Вишневецкихъ и канцлера Льва Сапѣги». («Смутное время Московск. госуд.», ст. 1–4).

ихъ во льготѣ и облегченіи». Вѣсти обо всемъ этомъ доходили съ Москвы и всѣхъ русскихъ привели въ сильное возбужденіе. Чрезвычайно взволнованный ими, царь Борисъ принималъ всяческія мѣры противъ успѣховъ самозванца: велѣлъ охранять отъ перехода польскую границу, издалъ грамату, разоблачавшую самозванство того, кто былъ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ. Патріархъ Іовъ отлучилъ самозванца отъ церкви и предалъ въ храмахъ анаѳемѣ. Вотъ, Лжедимитрій при Добрыничахъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ царскихъ войскъ подъ предводительствомъ князя Василія И. Шуйскаго, но воеводы не воспользовались этой побѣдой и дали Лжедимитрію возможность оправиться при помощи новыхъ подкрѣпленій. Между тѣмъ, въ народѣ уже утратилась вѣра въ законность царствованія Бориса Годунова; число приверженцевъ его уменьшалось, а число сторонниковъ мнимаго царевича Димитрія постепенно возрастало. Среди глубокихъ внутреннихъ волненій личныхъ и въ столь критическое для государства время, Борисъ внезапно и какъ-то загадочно скончался послѣ обѣда, 13 апрѣля 1605 года. Внезапная смерть царя дала совершенно другой оборотъ дѣлу въ государствѣ. Въ самой кончинѣ Бориса народъ увидѣлъ проявленіе суда Божія за неповинно пролитую имъ кровь Димитрія царевича и сталъ объяснять эту кончину въ пользу Лжедимитрія. Наконецъ, съ переходомъ главнаго воеводы Басманова на сторону самозванца, участь Годуновыхъ, въ связи съ постепенно увеличившимся волненіемъ умовъ, была рѣшена. Самозванецъ теперь безпрепятственно направлялся къ Москвѣ, посылая туда свои ласковыя граматы одну за другой, и — подъ вліяніемъ одной изъ такихъ граматъ, прочитанной съ лобнаго мѣста, сынъ Бориса Ѳеодоръ, взволнованный чернью, ворвавшейся во дворецъ, былъ низвергнутъ съ царскаго престола. Затѣмъ Москва отправила посольство къ самозванцу съ повинною, а юный царь Ѳеодоръ, вмѣстѣ съ матерью Маріей, былъ убитъ приверженцами Лжедимитрія. Послѣдній сдѣлался царемъ: чернь и бояре возвели его на тронъ 20 іюня 1605 года.

Но съ пришествіемъ названнаго царя Димитрія на царство началась въ немъ смута и потрясеніе. Новый этотъ царь обнаружилъ необыкновенную дѣятельность: каждый день присутствовалъ въ боярской думѣ, при чемъ показывалъ большую смѣтливость въ государственныхъ дѣлахъ и даръ краснорѣчія; онъ замышлялъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы въ Азію, о сближеніи съ европейскими государствами и о разныхъ преобразованіяхъ. Считая себя утвердившимся на Московскомъ престолѣ, Лжедимитрій вызвалъ изъ Выксунскаго монастыря (въ 500 в. отъ г. Москвы) мнимую свою мать, царицу-инокиню Марѳу (вдову Іоанна Грознаго), самъ торжественно встрѣтилъ ее за городомъ съ сыновними почтеніемъ и нѣжностію. При этой встрѣчѣ свиданія новаго царя съ матерью, народъ сильнѣе убѣдился въ томъ, что онъ былъ истинный царевичъ. Между тѣмъ, бояре стали не долюбливать новаго царя за то, что онъ велъ себя очень самостоятельно, властно, не такъ, какъ полагалось бы вести ставленнику боярскому, и вотъ, бояре начали распускать по г. Москвѣ слухи, что Димитрій есть самозванецъ. Новый царь своимъ необычнымъ для русскаго народа поведеніемъ оттолкнулъ отъ себя и простой народъ, относясь съ пренебреженіемъ къ стариннымъ русскимъ обычаямъ; но болѣе всего возбудилъ онъ неудовольствіе среди духовенства своимъ неуваженіемъ къ православной вѣрѣ (не соблюдалъ постовъ) и приближеніемъ къ себѣ поляковъ, наконецъ—тѣмъ, что вѣнчался (отъ лжепатріарха Игнатія) на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ, притомъ подъ пятницу, наканунѣ (8 мая) празднованія памяти св. Николая Чудотворца. Возбужденное всѣмъ этимъ негодованіе противъ новаго царя перешло уже въ явный ропотъ, особенно въ виду разныхъ безчинствъ и насилій, произведенныхъ въ Москвѣ высокомѣрными поляками, прибывшими въ свитѣ Марины. Все это и выдающаяся привязанность самозванца къ полякамъ болѣе и болѣе разоблачали въ глазахъ русскихъ, что названный Димитрій—обманщикъ, подложный царь, и вмѣстѣ наводили на него роковую грозу. При такихъ обстоятельствахъ уже нетрудно было князю Василію Шуйскому, возвращенному изъ ссылки, подготовить гибель самозванца, привлекши къ этому дѣлу массы войска, бояръ и народа, вообще падкаго до волненій. И вотъ, 17 мая 1606 года народной толпой былъ убитъ этотъ странный пришелецъ на престолъ московскихъ царей. Такъ трагически кончился второй актъ смуты, если первымъ признать гибель Годуновыхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, царемъ провозглашенъ въ Москвѣ престарѣлый, бездѣтный князь Василій И. Шуйскій, возведенный на престолъ только партіей своихъ приверженцевъ. Избранный не всею Русью, а только Москвою, онъ въ глазахъ народа уже былъ запятнанъ ложью при Борисѣ Годуновѣ,

будто царевичъ Димитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, между тѣмъ при Лжедимитріи Шуйскій призналъ въ немъ истиннаго царевича, увѣряя, что онъ спасся бѣгствомъ въ Литву, а вмѣсто него убитъ похожій на царевича. Лишившись нравственнаго довѣрія, Василій Шуйскій не обладалъ всей силой и полнотой власти, къ какой привыкъ народъ. Онъ не былъ самодержецъ, а только полу-царь, потому что далъ боярамъ въ Успенскомъ соборѣ обязательство клятвенное—не рѣшать важныхъ дѣлъ безъ ихъ согласія, не произносить смертныхъ приговоровъ, не налагать ни на кого опалы безъ вины и т. под. Такое избраніе Василія Шуйскаго на тронъ, не предвѣщало прочности его царствованію. Естественно, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Лжедимитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василія И., и въ его личности, и въ его умаленной или ограниченной власти. Въ виду распространившихся убійцей Бориса Годунова, М. Молчановымъ слуховъ о томъ, что онъ спасшійся во время бунта, Димитрій Іоанновичъ, по распоряженію царя Василія, въ цѣляхъ разувѣрить народъ относительно этихъ слуховъ, духовенствомъ, 1 іюня 1606 года, съ торжествомъ перенесены изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія, какъ мученика. И съ извѣстіемъ объ этомъ событіи, царь и духовенство разсылали граматы, однако, онѣ не могли помочь царю В. Шуйскому. Едва онъ сѣлъ на московскій престолъ, замутилось опять на далекой сѣверской окраинѣ. Здѣсь всѣ стояли за старый порядокъ, бывшій при самозванцѣ, такъ какъ не ждали пощады отъ новаго царя. Крѣпостные, бѣглые холопы, вся обездоленная голытьба, недовольная своимъ положеніемъ, возстали противъ боярства и богачей.

Во главѣ этихъ недовольныхъ всталъ въ г. Путивлѣ одинъ изъ бѣглыхъ холоповъ Иванъ Болотниковъ, къ которому «собралися боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ пристали украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки». Болотниковъ разсылалъ особыя граматы или, по выраженію патріарха Гермогена, «воровскіе листы», въ которыхъ «велѣлъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, сулилъ имъ вотчины и помѣстья; безымяннымъ ворамъ велѣлъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и богатство ихъ грабить; звалъ ихъ къ себѣ, обѣщалъ имъ боярства, воеводства и дьячества». При первыхъ же успѣхахъ Болотникова (подъ Кромами и Коломной) надъ царскими войсками во главѣ съ Мих. Воротынскимъ и Ю. Трубецкимъ сильно увеличились войска этого смутьяна. Вотъ, къ нему прибылъ съ юго-востока самозванецъ отъ казаковъ, забытыхъ правительствомъ, голодныхъ и потому озлобленныхъ,—это молодой казакъ Илья Коровинъ, присвоившій себѣ имя Петра, небывалаго сына покойнаго царя Ѳеодора Ивановича. И эта затья нелѣпая имѣла, однако же, большой успѣхъ. Народъ видимо искалъ повсюду «прироженаго» царя и легко поэтому довѣрялся всевозможнымъ самозванцамъ. Первымъ изъ такихъ и явился этотъ лже-Петръ. Подъ покровомъ такихъ самозванцевъ, будтобы затѣмъ, чтобы посадить на царскій тронъ, казаки стали наполнять русскія области; сначала южныя и восточныя, принося съ собою повсюду безчинства, пожары и разореніе. Къ Болотникову также присоединились скоро и дворяне приокскіе, изъ Калуги, Тулы, Рязани и другихъ городовъ. Противъ боярскаго царя Василія Шуйскаго возстали эти дворяне частью оттого, что разорялись подъ гнетомъ боярскаго насилія; частію же потому, что теперь дорога къ повышенію была закрыта тѣмъ, кто изъ нихъ былъ побогаче. Тогда же въ инородческихъ областяхъ: Перми, Вяткѣ и др. возстали крестьяне и холопы. При постепенномъ усиленіи своихъ войскъ Болотниковъ разбивалъ царскія войска и въ октябрѣ 1606 года подступилъ къ самой Москвѣ, при чемъ отправилъ возмутительное воззваніе къ народу. Дѣло Василія Шуйскаго, котораго не любили москвитяне, казалось сразу проиграннымъ. Но на этотъ разъ Шуйскаго спасло разногласіе въ средѣ самихъ бунтовщиковъ. Изъ предводителей мятежныхъ дружинъ Прокопій Ляпуновъ, вождь рязанскій, не желая имѣть ничего общаго съ Болотниковымъ и другими случайными соратниками, перешелъ на сторону царя Шуйскаго, и былъ съ радостью принятъ имъ и награжденъ. Царскія войска стали брать верхъ. Болотниковъ, князь Григорій Шаховской, бывшій главнымъ виновникомъ всего возстанія и лже-Петръ, вынуждены были отступить и заперлись въ г. Тулѣ. Но вскорѣ мятежники должны были сдаться царю Василію, который самъ привелъ большое войско подъ Тулу; по сдачѣ города онъ не преминулъ жестоко усмирить возстаніе. Болотниковъ былъ утопленъ, лже-Петръ повѣшенъ, а Шаховской, хотя всей крови заводчикъ, но какъ знатный бояринъ, отправленъ въ заточеніе. Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву.

Но торжество царя Василія было непродолжительно. Новая опасность для него уже на-

двигалась, когда онъ во время борьбы съ Болотниковымъ въ 1607 году еще осаждалъ Тулу. Въ Стародубѣ-Сѣверскомъ нашелся человѣкъ, который принялъ имя перваго самозванца—Димитрія. Этотъ новый самозванецъ служилъ просто игрушкой въ рукахъ казаковъ, поляковъ и всякихъ смутьянъ-бродягъ, которые собрались подъ его знамена: совершенно не вѣря, что царикъ есть настоящій Димитрій, они смотрѣли на него, лишь какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей, и онъ, въ отличіе отъ другихъ казацкихъ самозванцевъ, получилъ въ простонародьи позорное прозвище «Вора». Съ этимъ-то сбродомъ Воръ сталъ быстро подвигаться къ Москвѣ, всюду распуская молву, что онъ—царевичъ Димитрій, которому удалось спастись во время возстанія въ Москвѣ. За Воромъ шло немало польскихъ отрядовъ подъ начальствомъ пана Лисовскаго и Яна Сапѣги. Послѣ цѣлаго ряда сраженій то удачныхъ, то неудачныхъ для себя, войска самозванца, составившіяся изъ случайныхъ польскихъ шаекъ, казаковъ, запорожцевъ и донцевъ (во главѣ съ Заруцкимъ), лѣтомъ 1608 года расположились лагеремъ уже въ 12-ти верстахъ отъ г. Москвы въ неприступномъ лагерѣ подъ с. Тушиномъ, почему и самозванецъ этотъ получилъ прозвище «Тушинскаго вора».

Тогда осажденные поляками москвичи, изъ недовольныхъ своимъ царемъ Василіемъ, стали толпами переходить въ Тушино, а отсюда опять ѣздили въ Москву, «переметывались», ища всюду только выгодъ, помѣстій да вотчинъ. Весьма много значило для тушинскаго вора то, что при немъ тогда находилась Марина Мнишекъ, которая, бывъ перехвачена самозванцемъ на дорогѣ въ Польшу, имѣла безстыдство признать его за перваго своего мужа. Послѣ того, многіе города, одинъ за другимъ, приняли сторону лже-царя и войска его стали еще болѣе увеличиваться. Тушинскіе воеводы поѣхали на сѣверъ, перенося сюда смуту съ ея печальными послѣдствіями—разореніями, пожарами, поруганіемъ Божіихъ церквей. Отъ Нижняго до Великаго Новгорода все волновались, повсюду происходили стычки рыскавшихъ отрядами тушинцевъ. Въ Москвѣ развилась «шатость» въ умахъ и сердцахъ; положеніе царя Василія Шуйскаго становилось все хуже и хуже: противъ него, какъ бы избраннаго незаконно, лишь одной Москвой, безъ участія другихъ городовъ, составляли заговоры, происходили даже открытыя возстанія недовольныхъ москвитянъ.

Въ такое шаткое и ненадежное для царя Василія время, твердыми опорами его являлись патріархъ Гермогенъ, племянникъ царя, молодой но доблестный князь Михаилъ В. Скопинъ-Шуйскій и обитель преп. Сергія—Троицкая лавра. Гермогенъ горячо поддерживалъ царя и колебавшихся удерживалъ отъ присоединенія къ тушинскому вору. Когда по возбужденію З. Ляпунова, мятежная толпа на Лобномъ мѣстѣ (близъ Успенскаго собора) стала требовать, чтобы патріархъ принялъ участіе въ низложеніи Василія Ивановича съ престола, патріархъ увѣщевалъ бунтовщиковъ и, между прочимъ, сказалъ: «до сего времени ни Тверь, ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Казань, ни Астрахань и никакіе другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала: государь царь и великій князь Василій Ивановичъ избранъ и поставленъ Богомъ, всѣми русскими властями и московскими боярами!»—и патріархъ не благословилъ крамольнаго дѣла. Послѣ того мятежники, не находя ни въ комъ поддержки, бѣжали въ Тушино. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, обезсиленный, не надѣясь на помощь своихъ подданныхъ, царь Василій рѣшился призвать въ помощь шведовъ. Князь Михаилъ В. Шуйскій посланъ былъ царемъ на сѣверъ, чтобы отвлечь тамошніе города отъ самозванца, и заключить союзъ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, ради помощи противъ смутьяновъ и поляковъ, которые поддерживали самозванца и, въ то же время, были во враждѣ со шведами. Между тѣмъ тушинскіе воеводы, Лисовскій и Сапѣга съ 30 тысячнымъ отрядомъ осадили Троице-Сергіевъ монастырь. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ Лавра мужественно выдерживала осаду. Ужасные приступы непріятеля и отважныя дѣйствія его не могли поколебать твердыхъ защитниковъ своей святыни и блага государства. Выдерживая осаду сами, они продолжали содѣйствовать успѣхамъ законнаго царя. Двадцать тысячъ рублей было переслано ими во время осады на помощь В. Шуйскому. Лавра отклоняла усилія непріятелей государства, удерживая подъ стѣнами своими Сапѣгу и тѣмъ разстраивая многіе планы ихъ.—По заключеніи союза, подкрѣпленный пятитысячнымъ отрядомъ шведскаго войска подъ начальствомъ Делагарди, Скопинъ-Шуйскій двинулся на помощь къ Москвѣ, очищая города отъ тушинцевъ, которымъ нанесъ пораженіе подъ Тверью, а подъ Калязинымъ монастыремъ—Сапѣгѣ, который уже ранѣе снялъ съ Троице-Сергіевой лавры свою долговременную и безуспѣшную осаду. Тогда

положеніе тушинскаго вора сдѣлалось еще болѣе опаснымъ, потому что противъ него надвинулась гроза еще съ другой стороны. Польскій король Сигизмундъ III, раздраженный союзомъ царя Василія Ивановича съ шведскимъ королемъ (у котораго Сигизмундъ оспаривалъ право на престолъ), желая воспользоваться бѣдственнымъ состояніемъ Россіи, самъ выступилъ въ походъ противъ Россіи—подъ предлогомъ отмщенія за смерть своихъ подданныхъ, погибшихъ съ первымъ самозванцемъ, и съ большимъ войскомъ (въ 12 тысячъ) двинулся въ сентябрѣ 1609 года на Смоленскъ, который уже былъ осаждаемъ Сапѣгою. Тогда многіе изъ поляковъ, служившихъ самозванцу, оставили его по требованію Сигизмунда для подкрѣпленія его недостаточныхъ наличныхъ силъ, и въ тушинскомъ лагерѣ начались волненія, вслѣдствіе чего самозванецъ, изъ опасенія быть выданнымъ королю, бѣжалъ въ Калугу. Тушинскій лагерь опустѣлъ и гетманомъ Рожинскимъ сожженъ; тогда Москва безъ битвы освободилась отъ тушинскаго вора, и Скопинъ-Шуйскій безпрепятственно вступилъ въ нее, къ великой радости жителей, въ надеждѣ, что смута и польское нашествіе потерпятъ совершенное крушеніе, а Россія вступитъ на путь спокойствія и независимости, по крайней мѣрѣ, подъ властью Скопина-Шуйскаго, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть будущаго царя по смерти стараго бездѣтнаго дяди. Но любимецъ народа кн. Скопинъ неожиданно умеръ въ Москвѣ, какъ говорили, отравленный на пиру виномъ, поданнымъ отъ жены брата царя—Димитрія Шуйскаго, разсчитывавшаго сдѣлаться преемникомъ Василія на царствѣ. По смерти М. Скопина, въ Москвѣ опять открылись волненія противъ царя, на котораго народъ сталъ слагать вину смерти Скопина. Сигизмундъ, между тѣмъ, пользуясь народнымъ волненіемъ, послалъ въ Москву гетмана Жолкевскаго съ повелѣніемъ покорить ее. Московское войско, отправленное противъ поляковъ подъ предводительствомъ Димитрія Шуйскаго, было разбито при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкевскимъ, при чемъ шведы измѣнили, и гетманъ продолжалъ путь къ Москвѣ. Въ это время и самозванецъ успѣлъ собрать себѣ приверженцевъ и поспѣшилъ туда же. Услышавши о такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, москвичи окончательно заволновались. Народъ, по наущенію Ляпунова, Голицына, Хомутова и другихъ бояръ, потребовалъ сверженія царя Василія Ивановича, потому что самъ царь и родъ его—несчастливы. Царь, несмотря на защиту патріарха Гермогена предъ народнымъ собраніемъ, вынужденъ былъ, 17 іюля 1610 года, согласиться и, изъ дворца переѣхалъ въ свой боярскій дворъ на Арбатѣ. Но изъ опасенія, чтобы Василій Шуйскій не могъ, благодаря приверженцамъ, возвратиться на престолъ, чрезъ два дня онъ насильно былъ постриженъ въ монахи, а затѣмъ отвезли его въ Чудовъ монастырь, царицу же оставили въ кремлевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Потомъ Василій Шуйскій былъ отправленъ плѣнникомъ въ Польшу, гдѣ и скончался. Въ концѣ этого же года, какъ увидимъ, не стало и его безпокойнаго соперника—тушинскаго царька: его убили въ Калугѣ.

Съ половины іюля 1610 года наступило на Руси самое страшное время междуцарствія. Правленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы изъ семи знатнѣйшихъ бояръ, во главѣ которыхъ находился князь Мстиславскій. Самое названіе народомъ этого правительства «семибоярщиной» указываетъ на то, что оно было только временное, впредь до врученія власти единому царю. Животрепещущимъ и необходимо требующимъ скорѣйшаго рѣшенія вопросамъ въ боярской думѣ, былъ вопросъ объ избраніи царя, но по этому вопросу народъ раздѣлился на нѣсколько партій. Боярская дума во главѣ съ Мстиславскимъ въ ослѣпленіи согласилась избрать царемъ польскаго царевича Владислава, и объявила о томъ всенародно, вѣроятно, имѣя въ виду тѣ граматы, писанныя Сигизмундомъ къ духовенству и боярамъ русскимъ при самомъ вступленіи его въ Россію,—въ которыхъ онъ обѣщалъ, что сынъ его, въ случаѣ вступленія на русскій престолъ, будетъ короноваться отъ руки московскаго патріарха, соблюдать православную вѣру, произносить судъ по совѣту боярскому и патріаршему и т. под. Одинъ патріархъ Гермогенъ, которому были такъ дороги православіе и народность, догадываясь о коварныхъ замыслахъ Сигизмунда, сильно воспротивился избранію Владислава на царскій тронъ. Вѣроломство и злодѣйства поляковъ во времена Отрепьева давали основаніе патріарху и теперь опасаться за цѣлость вѣры и свободу отечества, а потому онъ убѣждалъ бояръ не жертвовать церковію для временныхъ выгодъ, соединенныхъ, повидимому, съ воцареніемъ королевича Владислава. Проникнутый чувствомъ истиннаго патріотизма, Гермогенъ говорилъ въ думѣ: «нынѣ чего еще чаете отъ поляковъ вы, токмо конечнаго разоренья царству, христіанству и православной вѣрѣ,

или невозможно намъ избрать на царство изъ князей русскихъ? Имѣя на своей сторонѣ многихъ, сочувствовавшихъ избранію новаго царя изъ русскихъ знатныхъ родовъ, патріархъ предлагалъ кандидатовъ на занятіе престола—или 14-лѣтняго Михаила Романова, сына ростовскаго митрополита Филарета (Никитича), или же князя Василія Голицына. Но подъ стѣнами Москвы въ то время стояли войска гетмана Жолкевскаго, а неподалеку отъ Москвы, въ Коломнѣ находился Лжедимитрій, которому желали отдать власть чернь и Захаръ Ляпуновъ; и Жолкевскій и Ляпуновъ предлагали москвичамъ готовыхъ отъ себя царей. Но тушинскій воръ съ своими бродягами и бродяжными боярами былъ ненавистенъ боярамъ думскимъ. Опасаясь, чтобы приверженцы Вора не впустили его тайно въ Москву, бояре и народъ рѣшили признать Владислава царемъ, но съ условіемъ, чтобы онъ, еще до прибытія въ Москву, принялъ православіе и, чтобы власть его была ограничена боярскою думою. Предложенныя боярами условія избранія Владислава царемъ были приняты Жолкевскимъ; только то, чтобы Владиславъ принялъ православіе до прибытія въ Москву, отдали на рѣшеніе королю Сигизмунду. Тогда Жолкевскій отозвалъ поляковъ отъ самозванца и послѣдній ушелъ снова въ Калугу. Патріархъ Гермогенъ, однако же, продолжалъ въ своемъ обращеніи къ народу настаивать «на избраніи царя изъ именитыхъ бояръ православной Руси. Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ также открыто съ лобнаго мѣста говорилъ народу: «не прельщайтесь: мнѣ подлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ московскимъ государствомъ: хочетъ онъ съ сыномъ завладѣть и истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». Но всѣ увѣщанія того и другого святителя не подѣйствовали. Усиленная просьба патріарха Гермогена и ростовскаго митрополита Филарета,—избрать царя изъ русскихъ, окончательно отстранена.

Крайне обиженный невниманіемъ къ своей правой и усиленной просьбѣ, патріархъ, однако же, принялъ дѣятельное участіе въ предполагаемомъ думою избраніи королевича Владислава, чтобы, по крайней мѣрѣ, устранить гибельныя послѣдствія, отстоять неприкосновенность св. вѣры и возможную независимость отечества. Не разъ и не два онъ давалъ отвѣтъ въ родѣ этого: «О, людіе московскіи! пождите, дабы не вскорѣ предатися» чрезъ избраніе царя. Увидѣвши, наконецъ, что дальнѣйшее замедленіе относительно избранія царя можетъ тяжело отозваться на положеніи изстрадавшагося государства, Гермогенъ согласился съ боярами присягнуть королевичу Владиславу лишь подъ условіемъ. «аще буде креститься (Владиславъ) и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю, а аще буде не креститься, то нарушеніе будетъ во всемъ московскомъ государствѣ православной христіанской вѣрѣ и, да не будетъ на васъ наше благословеніе». Благодаря такому энергичному требованію патріарха, бояре рѣшились также настаивать, чтобы первымъ условіемъ избранія Владислава русскимъ царемъ было поставлено принятіе имъ православія. Начавшіеся по этому случаю переговоры бояръ съ гетманомъ Жолкевскимъ, послѣ нѣсколькихъ съѣздовъ, окончились 17 августа 1610 года. По окончаніи ихъ была со всевозможною предусмотрительностью составлена объ избраніи Владислава грамата отъ лица патріарха и всего священнаго собора россійскаго, съ одной стороны, и отъ лица гетмана и всей Польши, съ другой. По утвержденіи переговоровъ, патріархъ Гермогенъ для успокоенія народа рѣшился 27 августа присягнуть новоизбранному царю,—но прежде всего потребовалъ отъ Жолкевскаго торжественной клятвы за короля Сигизмунда, королевича, за себя и войска въ точномъ исполненіи условій договора относительно избранія Владислава русскимъ царемъ. Затѣмъ жители столицы цѣловали крестъ королевичу въ присутствіи патріарха и другихъ епископовъ. При этомъ торжествѣ прежніе враги Москвы и москвичи радостно обнимались, уже какъ бы подданные Владислава.

Но уже чрезъ два дня послѣ этой присяги обнаружились нарушенія условій, подтвержденныхъ ею. Король Сигизмундъ, отецъ Владислава, прислалъ посла къ гетману Жолкевскому съ требованіемъ—упрочить царство русское за нимъ самимъ. Патріархъ Гермогенъ не могъ вскорѣ знать объ этомъ и потому, вмѣстѣ съ гетманомъ и думою боярскою, согласно сдѣланнымъ условіямъ, спѣшилъ отправить пословъ къ Сигизмунду,—каковыми онъ и бояре, отъ лица земли русской, избрали вполнѣ надежныхъ лицъ—ростовскаго митрополита Филарета, новоспасскаго архимандрита Евѳимія, келаря Сергіевой лавры Авраамія Палицына, игумена Іону, вознесенскаго протопопа Кирилла, князя В. Голицына и другихъ важныхъ особъ, и вручили имъ наказъ. Въ послѣднемъ сказано все, что нужно было тогда для государства, такъ что, если-бы наказъ былъ выполненъ, государство россійское ничего не по-

теряло бы. На случай сильнаго сопротивленія со стороны поляковъ, или въ случаѣ несогласія королевича на какую-либо статью, посламъ позволено было нѣсколько умѣрить свои требованія; но уступки никакъ не должны были касаться самой сущности дѣла, изложеннаго въ какой-нибудь изъ статей: въ такомъ случаѣ посламъ приказано настаивать на скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава въ Москву для личныхъ переговоровъ. При этомъ наказѣ Гермогенъ счелъ нужнымъ еще отъ себя послать двѣ граматы. Въ первой граматѣ—къ королю Сигизмунду, онъ, отъ своего лица, просилъ его, согласно желанію всей Россіи,—отпустить сына Владислава на московское государство, а во второй граматѣ—къ самому королевичу, патріархъ, изобразивши величіе Россіи, увѣщевалъ новоизбраннаго царя непремѣнно принять православную вѣру въ Смоленскѣ отъ ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго епископа Сергія и, уже православнымъ, прибыть въ Москву, при чемъ Гермогенъ предупреждалъ, чтобы, состоя на московскомъ престолѣ, Владиславъ благословенія отъ папы не просилъ и, вообще не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній по дѣла вѣры. Напутствованные послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ наставленіями и благословеніями патріарха, послы русскіе 11 сентября 1610 года выѣхали къ Смоленску.

Едва уѣхало туда посольство московское, Жолкевскій началъ склонять бояръ впустить въ столицу поляковъ, какъ доброжелателей, чтобы тѣмъ предотвратить пагубное намѣреніе черни, будто бы готовой призвать самозванца въ Москву. Предугадывая коварныя цѣли гетмана, патріархъ Гермогенъ всенародно и предъ боярами всячески старался разоблачить тайны предстоящаго обмана, и указывалъ на гибельныя послѣдствія вступленія поляковъ въ столицу—полное обладаніе ею и затѣмъ разграбленіе государственныхъ имуществъ. Но осторожнаго старца-святителя не слушали московскіе бояре и даже оскорбили, совѣтуя ему смотрѣть лишь за церковію и въ мірскія дѣла не вмѣшиваться, ибо духовенство прежде будто бы никогда не завѣдывало дѣлами государства. Несмотря на всѣ предостереженія Гермогена, дума боярская, 25 сентября 1610 года, рѣшила впустить поляковъ въ Москву. Быстро занявши всѣ укрѣпленія въ ней и, овладѣвши всѣми воинскими снарядами, поляки сначала вели себя сдержанно и чинно, но по отъѣздѣ гетмана Жолкевскаго къ Сигизмунду стали совершать многія насилія и даже оскорбляли русскую святыню, такъ что новый начальникъ ихъ, Гонсѣвскій признанъ нужнымъ обуздывать ихъ своеволіе. Тогда же изъ другихъ городовъ долетали до Москвы тяжелыя вѣсти въ родѣ слѣдующихъ: «люди литовскіе сожигаютъ селенія, опустошаютъ цѣлые уѣзды, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ плѣнъ людей русскихъ». Въ то же время доходили непріятные слухи о Сигизмундѣ, относительно котораго уже оправдывались опасенія мудраго, проницательнаго Гермогена. Сигизмундъ и гетманъ оказались вѣроломными, клятвопреступниками. Тогда, какъ послы 7 октября прибыли къ королю подъ Смоленскомъ, они не нашли ничего утѣшительнаго: имъ давали неопредѣленные отвѣты и наконецъ прямо объявили, что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и самъ королевичъ, что король дастъ имъ сына въ царя съ согласія польскаго сейма, между тѣмъ онъ требовалъ сдачи Смоленска, продолжалъ настаивать на своемъ,—чтобы русское царство было за нимъ самимъ, и даже прямо сказалъ: «не бывать королевичу на московскомъ государствѣ». Сигизмундъ теперь даже отъ своего имени, какъ бы уже государь московскій, сталъ присылать въ Москву указы. Тогда Москва, за нею же и вся Русь, начали убѣждаться, что поляки—не избавители ея отъ внутреннихъ безпорядковъ, а личные враги, не уважающіе правъ государственныхъ, и что подчиненіе себя иновѣрнымъ можетъ принести сильный вредъ ея православію. И вотъ, народъ московскій пришелъ къ патріарху, «повѣдующе погибель свою» отъ поляковъ, и просилъ его помощи и содѣйствія. Гермогенъ, воодушевляемый любовью къ отечеству, сначала сталъ убѣждать самихъ поляковъ оставить Москву, устрашая, ихъ готовымъ вспыхнуть, поголовнымъ возстаніемъ москвичей противъ нихъ, за претерпѣваемыя великія обиды и насилія. Когда поляки не убоялись этой угрозы, патріархъ обратился къ самимъ обиженнымъ, причемъ пріобрѣлъ себѣ самаго дѣятельнаго сотрудника въ рязанскомъ воеводѣ Прокопіи Ляпуновѣ. Оба они разсылали отъ себя граматы въ разные города, убѣдительно прося жителей возстать за св. православную церковь, вѣру, и совокупными силами прогнать поляковъ. Повсюду, по монастырямъ и церквамъ, областное духовенство стало служить молебны, прося божественнаго содѣйствія въ предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ. Разъединенныя доселѣ области теперь начали пересылать другъ къ другу граматы и, переписавшись между собой, давали присягу—«стоять за московское государство, ко-

ролю и королевичу польскому креста не цѣловати... на польскихъ и на литовскихъ людей стояти за одно»...

Между тѣмъ Сигизмундъ, щедро награждая бояръ и особенно усердныхъ приверженцевъ—М. Салтыкова и Мосальскаго, тѣмъ думалъ подготовить для себя сильную партію въ столицѣ. 30 ноября 1610 года приверженцы короля даже дерзнули придти къ патріарху Гермогену съ просьбою—благословить народъ на присягу самому королю Сигизмунду на томъ будто бы основаніи, что присяга Владиславу оказалась неудачною. Предвидя, какая великая опасность угрожаетъ Россіи и православной вѣрѣ отъ Сигизмунда, который до фанатизма былъ преданъ католицизму, патріархъ Гермогенъ сильными увѣщаніями отклонялъ этихъ крамольниковъ отъ необдуманнаго и опаснаго поступка. Вскорѣ же эти бояре во главѣ съ Мстиславскимъ составили грамату къ московскимъ посламъ подъ Смоленскомъ въ томъ смыслѣ, что имъ слѣдуетъ во всемъ положиться на волю короля Сигизмунда и уступить его требованіямъ. Когда эта грамата была предложена 6 декабря 1610 года патріарху для подписи, онъ спокойно и съ твердостью духа далъ рѣшительный отвѣтъ: «пусть король дастъ сына своего на московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, а королевичъ пусть крестится въ православную христіанскую вѣру; если вы напишете такое письмо, то я къ нему руку свою приложу; а чтобъ такъ писать, чтобы намъ всѣмъ положиться на королевскую волю—этого я никогда не сдѣлаю и другимъ не приказываю такъ дѣлать; если же меня не послушаете, то я наложу на васъ клятву и заповѣдаю всѣмъ подъ московское государство идти и померетъ всѣмъ за православную христіанскую вѣру». Тогда, самый отчаянный изъ мятежниковъ, Салтыковъ началъ позорить и ругать Гермогена, и въ ярости даже вытащилъ ножъ съ цѣлью поразить патріарха. Послѣдній, не потерявши присутствія духа, ножу противопоставилъ крестное знаменіе; осѣняя имъ Салтыкова, онъ громко сказалъ: «не боюсь твоего ножа! крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, да буди ты проклятъ отъ нашего смиренья и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ». Бояре такъ и ушли съ не подписанной граматой и послѣднюю, за отсутствіемъ его подписи, послы московскіе признали незаконной. На другой день Гермогенъ, созвавши народъ въ соборномъ храмѣ, еще разъ увѣщевалъ православныхъ не прельщаться гибельными для отечества и вѣры предложеніями измѣнниковъ. Высокій примѣръ самоотверженія и непоколебимости святителя воодушевилъ лучшихъ русскихъ людей. Послушная паства теперь торжественно отказалась цѣловать крестъ королю Сигизмунду, несмотря на стоявшія у собора толпы вооруженныхъ поляковъ. Послѣ этого иновѣрные стали сильно опасаться стойкаго маститаго патріарха, окружили его стражей и затрудняли доступъ къ нему истинно-русскихъ людей.

Но вотъ, въ самомъ концѣ того же 1610 года, прибыла въ Москву счастливая вѣсть о гибели тушинскаго самозванца. У короля Сигизмунда и его приверженцевъ теперь не стало предлога требовать дальнѣйшаго движенія въ русскія области. Вмѣстѣ съ тѣмъ, россіяне, ранѣе согласившіеся признать царемъ Владислава, лишь изъ опасенія быть побѣжденными самозванцемъ, могли съ большею свободою дѣйствовать противъ поляковъ. Въ глубокой радости православные теперь стремились соединиться своими силами противъ всѣхъ литовскихъ людей и даже цѣловали крестъ, чтобы изгнать ихъ изъ московскаго государства. Убѣдившись въ единомысліи добрыхъ гражданъ, патріархъ Гермогенъ, котораго поляки, изъ опасенія большей народной вражды къ себѣ, уже освободили изъ подъ стражи, созвалъ весь православный народъ и торжественно объявилъ: «если королевичъ не крестится въ православную вѣру и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли,—королевичъ намъ не государь!» То же самое онъ излагалъ въ своихъ граматахъ, которыя разсылалъ въ Новгородъ, Псковъ, Вологду, Нижній, Казань и другіе города. Изобразивши въ нихъ всѣ козни и затаенныя злыя намѣренія поляковъ, Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ отъ данной присяги польскому королевичу и возбуждалъ вѣрныхъ россіянъ твердо вооружиться противъ иноплеменниковъ для независимости отечества и торжества православной вѣры. Только теперь, во все это «безгосударное» время, слово патріарха, какъ первѣйшаго лица въ государствѣ, получило всю свою силу въ глазахъ народа. Переходя быстро изъ города въ городъ, воззванія Гермогена возбуждали великое воодушевленіе и единодушіе въ православныхъ. Вскорѣ почти вся Россія закипѣла возстаніемъ, увѣренная, что «патріархъ приказалъ», «святѣйшій Гермогенъ благословилъ» это благое дѣло. Взоры всей Россіи теперь были обращены къ нему—Гермогену, и отъ него ожидали избавленія отечества отъ иноземнаго ига.

Въ то время, какъ Гермогенъ мужественно и усердно боролся съ приверженцами Сигизмунда, посолъ московскій, Филаретъ, митрополитъ ростовскій и Сергій смоленскій архіепископъ ревностно противостояли самому королю Сигизмунду. Послѣ того, какъ послѣдній успѣлъ пріобрѣсти себѣ приверженцевъ въ Москвѣ, ему оставалось получить согласіе московскихъ пословъ на свои требованія и за воевать Смоленскъ; послѣ чего ему открывался прямой путь къ русскому престолу. Но митрополитъ Филаретъ и, Голицынъ и прочіе послы, бывъ нѣсколько разъ призваны на совѣтъ, несмотря на угрозы и притѣсненія, никакъ не могли согласиться съ требованіями Сигизмунда, не уступали ему на томъ основаміи, что не хотѣли быть нарушителями повелѣній своей законной власти и, главнымъ образомъ, потому, что видѣли въ требованіяхъ короля – «ущербъ православной христіанской вѣрѣ». Получивши отъ думы боярской граматы съ извѣстными уже повелѣніями, не подписанными однако же Гермогеномъ, Филаретъ далъ такой отвѣтъ: «видимъ сіи граматы за руками боярскими, а отца нашего патріарха Гермогена руки нѣтъ... и буде на такую королевскую власть клясться, что королю крестъ цѣловать и литовскимъ людямъ быть въ Москвѣ, того у насъ и въ умѣ нѣтъ, ради бо пострадать и помереть за православную вѣру». Когда же послы, уступая навязчивому требованію Сигизмунда, согласились наконецъ впустить нѣсколько поляковъ въ Смоленскъ, тамошніе архіепископъ Сергій и воевода Шеинъ не согласились на это. Двадцать мѣсяцевъ продолжалась польская осада г. Смоленска. Уже съѣстные и военные запасы, равно и силы истощались, но святитель Сергій продолжалъ воодушевлять свою паству до самой послѣдней минуты. Смольняне сдались не сами собою, а лишь вынужденные крайнею необходимостью.

Между тѣмъ, какъ длилась осада Смоленска и послы продолжали отстаивать права своего отечества, великое предпріятіе доблестнаго патріарха постепенно, но быстро подвигалось далѣе и далѣе. Дѣятельный его сотрудникъ П. Ляпуновъ первымъ по зову Гермогена поднялъ знамя возстанія на защиту отечества, явившись со своей дружиной къ Москвѣ. Подъ его предводительствомъ составилось ополченіе двадцати пяти городовъ; къ нему цѣлыми отрядами стали переходить казаки, служившіе тушинскому вору, и даже служившіе дотолѣ въ войскахъ Сигизмунда бояре русскіе. Почти три мѣсяца собирались ополченія народныя и одновременно, въ мартѣ 1611 года, выступили къ столицѣ для изгнанія измѣнниковъ. Единодушное возстаніе русскихъ и движеніе ихъ полчищъ къ Москвѣ сильно встревожили поляковъ и приверженцевъ короля Сигизмунда. Тогда главные крамольники снова всячески пытались склонить патріарха Гермогена на свою сторону, безуспѣшно употребляя золото и ласки, или же угрожая ему безчестіемъ и страшными мученіями, и затѣмъ къ патріарху, какъ бы къ главному заговорщику, приставили воинскую стражу. Во вторникъ страстной недѣли, 19 марта 1611 года, вслѣдствіе столкновенія королевскихъ войскъ съ жителями вспыхнулъ въ столицѣ мятежъ. Открылась ужасная двухдневная рѣзня, и, несмотря на мужественное сопротивленіе Пожарскаго и Ляпунова, поляки превозмогли. Три дня отъ рукъ поляковъ пылала Москва, кромѣ Кремля и Китай-города, гдѣ они подъ начальствомъ Гонсѣвскаго укрылись отъ огня. Жители Москвы въ паникѣ разбѣжались. Въ это время преданные Сигизмунду бояре, съ торжествомъ возвратившись въ Кремль, свели Гермогена съ патріаршаго престола и 21 того же марта заточили въ Чудовъ монастырь, а потомъ въ Кирилловское подворье, между тѣмъ тотчасъ же возвращенъ былъ на патріаршество извѣстный угодникъ Отрепьева–Игнатій. Съ тѣхъ поръ русское ополченіе продолжало стоять подъ Москвою и вело ожесточенную драку съ поляками, и рѣдкій день проходилъ безъ боя. Положеніе осажденныхъ поляковъ въ Кремлѣ стало довольно крайнее: число ихъ постепенно уменьшалось. Теперь-то Салтыковъ и Гонсѣвскій не разъ пытались и съ угрозами голодной смерти склонить изнуреннаго въ заключеніи патріарха Гермогена къ тому, чтобы онъ отклонилъ возстаніе городовъ на защиту Москвы и пребываніе въ ней ратныхъ людей. Но тщетны были ихъ уговоры и различныя устрашенія.

Вмѣстѣ съ заточеніемъ неустрашимаго патріарха, къ сожалѣнію русскихъ патріотовъ, составленное имъ ополченіе разрознилось изъ-за вражды главныхъ его предводителей–Ляпунова, Трубецкого и атамана Заруцкаго, вслѣдствіе которой Ляпуновъ погибъ отъ руки послѣдняго, и тогда казаки опять стали бунтовать. Разсорившись съ предводителями ополченія, Заруцкій задумалъ о своемъ первенствѣ въ московскомъ государствѣ и для достиженія своей цѣли отыскалъ новаго самозванца въ лицѣ сына Марины отъ Лжеди-

митрія II, намѣреваясь возвыситься съ воцареніемъ его. Казань и Вятка уже признали самозванца своимъ царемъ. Въ виду того, что примѣру ихъ могли послѣдовать многія области и такимъ образомъ угрожали отечеству новыя бѣдствія, Гермогенъ поспѣшилъ тогда послать изъ мѣста своего заточенія грамату въ Нижній-Новгородъ, въ которой предалъ проклятію новаго самозванца, увѣщевалъ и даже приказывалъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи—не признавать его царемъ, и въ заключеніе—напутствовалъ своимъ благословеніемъ всѣхъ защитниковъ отечества и православной вѣры. Это была уже послѣдняя грамата отъ доблестнаго патріарха. Вскорѣ злобою враговъ отечества былъ положенъ конецъ примѣрной ревности первосвятителя къ свободѣ, независимости его и къ сохраненію православія.

Теперь Россія находилась въ особенно бѣдственномъ положеніи,—наступила въ ней окончательная неурядица. Съ запада шелъ гетманъ Ходкевичъ на помощь засѣвшимъ въ Москвѣ полякамъ. Казаки не думали о защитѣ отечества: безчисленныя шайки ихъ бродили внутри самой Россіи и занимались однимъ грабежемъ и опустошеніями. Смоленскъ уже взятъ былъ Сигизмундомъ; Новгородъ, хвалившійся доселѣ ненавистію къ полякамъ, былъ занятъ шведами. Шведскій король Густавъ-Адольфъ задумалъ возвести на новгородскій и московскій престолъ своего брата Карла-Филиппа. Во Псковѣ появился новый Лжедимитрій—какой-то бѣглый дьяконъ Исидоръ. Одновременно симбирскіе татары, черемисы, мордва и другіе, еще недавно покоренные, обнаружили намѣреніе освободиться отъ господства русскихъ, и стали открыто нападать на русскихъ поселенцевъ и опустошать сосѣднія русскія земли. Въ это-то время всеобщаго истребленія и безначалія, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ «лихолѣтья», возстала и успѣшно дѣйствовала на спасеніе отечества и на защиту вѣры православной Троице-Сергіева лавра.

Въ тяжелыя времена русскій, глубоко вѣрующій народъ, не видя нигдѣ земной помощи, искалъ исхода своихъ печалей и бѣдствій въ молитвѣ. Такъ было въ московскомъ государствѣ и въ лихолѣтье 1611 года. На Руси начались видѣнія, показывающія, какъ глубоко было религіозное чувство народа. Народъ ждалъ чего-то чудеснаго, подготовлялся по своему обычаю тяжелымъ постомъ. Такой постъ добровольно наложили на себя русскіе люди по видѣнію какого-то Григорія изъ Нижняго-Новгорода; постановили поститься три дня въ недѣлю—не ѣсть не пить, а два дня «ѣсть сухо», т. е. не ѣсть горячаго. Но не забывали и того, что для общаго дѣла нужно постоять головами своими, и города продолжали пересылаться граматами, укрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ, призывали другъ друга на борьбу какъ съ поляками, такъ и съ казаками. На ряду съ граматами Гермогена ходили по рукамъ и краснорѣчивыя граматы властей Троицкой Лавры. Видя такое страшно тяжелое положеніе русскаго народа, Троицкія власти, въ эти мрачные дни отчаянныхъ ужасовъ, не угасили въ себѣ надежды и вѣры въ возможность спасенія отечества, погибавшаго безвозвратно. Когда голосъ еще живого патріарха Гермогена умолкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ надежный защитникъ Руси—Прокопій Ляпуновъ, тогда настоятель Троицкой лавры, архимандритъ Діонисій беретъ на себя государственную задачу—призвать русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и измѣнниками. Онъ посадилъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ переписывать граматы, въ которыхъ именемъ Пресв. Троицы и преп. Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ людей на подвигъ спасенія столицы, и всего отечества и вѣры отъ иновѣрнаго ига поляковъ, умолялъ служилыхъ и всѣхъ прочихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Монахи на коняхъ развозили трогательныя граматы св. обители; онѣ всюду съ горячимъ и глубокимъ сочувствіемъ читались въ храмахъ и поникнувшій духъ народа поднимали на святое дѣло борьбы за вѣру православную и дорогое отечество.

Вотъ и патріархъ Гермогенъ въ своемъ заключеніи, послѣ побѣды пана Сапѣги 5 августа 1611 года надъ казаками, державшими въ осадѣ московскій кремль, получилъ возможность дать проникшему къ нему въ темницу Родіону Мосѣеву изъ московскихъ патріотовъ грамату къ нижегородскому «міру». Грамата бережно доставлена въ Нижній 25 августа и затѣмъ была распространена по другимъ городамъ. Въ ней, показавши земщинѣ въ истинномъ свѣтѣ поведеніе казаковъ, особенно преступное покушеніе ихъ поставить на царство тушинскаго воренка—Лжедимитрія II, поставить къ власти Маринку (Мнишекъ) съ ея сыномъ, Гермогенъ съ горячимъ воодушевленіемъ приглашалъ города, крѣпко стоять въ вѣрѣ православной, сплотиться на борьбу съ казацкой затѣей, клонившейся къ возобновленію самозванщины, и вмѣстѣ для борьбы съ польскою

властью. Послушные патріаршему слову, города давали другъ другу обѣщаніе: не признавать казачьяго царя и «противу его стояти единодушно». Съ другой стороны, Троицкими властями 6 октября вновь посланы въ города граматы съ извѣщеніемъ жителей о томъ, что къ Москвѣ еще прибыли польскія войска, съ цѣлью отогнать отсюда ратныхъ людей, стоявшихъ за православную вѣру, столицу и отечество, почему жители всѣхъ городовъ призывались придти на помощь ратными людьми, на соединеніе съ московскими воинскими людьми, державшими въ осадѣ враговъ. Эти граматы, особенно же патріарха Гермогена, производили сильное дѣйствіе на жителей городовъ: общій духъ патріотизма и горячей вѣры воодушевилъ гражданъ на великіе подвиги спасенія погибавшаго отечества.

Патріотическое воодушевленіе и затѣмъ ополченское движеніе проявилось прежде всего въ Нижнемъ Новгородѣ. Здѣсь выступилъ нижегородскій гражданинъ, земскій староста, по ремеслу мясоторговецъ, Кузьма Захарьевичъ Мининъ, по прозванію Сухоруковъ. Получивши вѣсти изъ-подъ Москвы о томъ, что казаки, по интригамъ, служившихъ тушинскому вору, князя Трубецкого и Заруцкаго, коварно 25 іюля того же года убили П. Ляпунова, рязанскаго воеводу, храбраго защитника отечества, главнаго виновника крайне стѣснительнаго для своевольныхъ казаковъ приговора отъ 30 іюня 1611 года, затѣмъ, видя, что правительственная власть съ распаденіемъ земскихъ общинъ перешла въ руки казачьихъ бояръ, наконецъ, предусматривая, что съ появленіемъ именъ Марины и Воренка наступаетъ возобновленіе самозванщины, К. Мининъ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ интересахъ общественныхъ слѣдуетъ всячески противодѣйствовать казачьимъ властямъ. Бывшее Минину, еще ранѣе появленія на воеводскомъ дворѣ Троицкой граматы, двукратное во снѣ видѣніе преп. Сергія Радонежскаго, повелѣвшаго ему «казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе московскаго государства»,—внушило ему смѣлость выступить съ призывомъ къ спасенію отечества и вѣры сначала «предо всѣми въ земской избѣ», что близъ церкви Николая Чудотворца «въ торгу». Здѣсь, вѣроятно, написанъ первый «приговоръ всего града за руками» объ особомъ сборѣ «на строеніе ратныхъ людей», при чемъ постановлено жертвовать «по пожиткамъ и по промысламъ» пятую и даже третью деньгу отъ дохода, иногда принимать эти жертвованія натурой, даже устраивать займы у частныхъ лицъ, и этотъ сборъ поручено произвести всѣми уважаемому К. Минину. Затѣмъ, послѣдній собравшемуся совѣту изъ властей духовныхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, головъ и старостъ передалъ, что имъ сдѣлано, какъ посадскій міръ Нижняго уже готовъ къ движенію противъ врага. Совѣтъ одобрилъ всѣ начинанія Минина; но, затѣянное посадскими людьми, дѣло необходимо было вскорѣ же объявить и всему нижегородскому населенію; нужно было, чтобы за это дѣло взялся такой человѣкъ, который бы пользовался уваженіемъ всего города и особенно высшихъ классовъ его. Такимъ мужемъ былъ протопопъ Савва Евѳимьевъ. И вотъ, когда на слѣдующій непраздничный день, по звону большого колокола, всѣ нижегородцы прибыли въ Спасо-Преображенскій соборъ, протопопъ Савва съ амвона прочиталъ приглашенному сюда народу грамату Троицкихъ духовныхъ властей (вѣроятно, отъ 6 декабря), призывавшую народъ на помощь «московскому государству», и потомъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призывалъ всѣхъ православныхъ постоять за чистую Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ умиленіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ. Когда же всѣ выходили изъ храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью К. Минина. «Православные!—говорилъ онъ,—если хотимъ помочь московскому государству, не пожалѣемъ ничего: дома и дворы свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, ктобы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся,—другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ»!

Воодушевленные энергичною рѣчью Минина, нижегородскіе граждане,—богатые и бѣдные, стали приносить разнообразныя и значительныя пожертвованія на городскую площадь для найма ратныхъ людей: одни отдавали все свое имущество, другіе—половину или треть его; женщины жертвовали отъ себя кольца и серьги; нищіе отдавали послѣднія копѣйки. Тогда же рѣшено сдѣлать г. Нижній сборнымъ пунктомъ всѣхъ дружинъ. Затѣмъ, послѣ предварительныхъ между собою переговоровъ,

воеводою надъ этими дружинами былъ согласно избранъ стольникъ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который хорошо былъ извѣстенъ по своей вѣрной службѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Василіи Шуйскомъ и главное по военному таланту. Когда царя Василія свели съ престола, Д. Пожарскій, какъ всѣ лучшіе люди своего времени, сталъ считать патріарха Гермогена за главу государства, и одинъ изъ первыхъ бросился подъ Москву на зовъ патріарха. Ему тогда удалось прорваться въ Москву, окопаться у Срѣтенска и долго сдерживать здѣсь поляковъ. Но многочисленныя раны, полученныя имъ въ бояхъ съ поляками и измѣнниками, заставили его отступить, и самъ онъ больной увезенъ сначала въ Троице-Сергіевъ монастырь, бывшій при архимандритѣ Діонисіи какъ бы госпиталемъ, а позднѣе—въ свою вотчину, сельцо Мугрѣево, на р. Лухѣ, въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Сюда-то къ Пожарскому, на отдыхѣ оправляющемуся отъ ранъ, прибыло изъ Нижняго посольство «изо всѣхъ чиновъ всякихъ лучшихъ людей» во главѣ съ архимандритомъ Печерскаго монастыря Ѳеодосіемъ и сыномъ боярскимъ Жданомъ—Болотинымъ. Князь Пожарскій охотно согласился на просьбы депутатовъ—быть вождемъ земскаго ополченія и посовѣтовалъ избрать особое лицо для завѣдыванія казною; при чемъ указалъ на К. З. Минина. Въ концѣ октября 1611 года, онъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ великимъ почетомъ. Вскорѣ же начались здѣсь работы по организаціи общеземскаго ополченія. Первыми ратниками новаго ополченія были служилые люди литовскаго рубежа, смольняне, вязьмичи, дорогобужцы, которые послѣ того, какъ нападеніе Сигизмунда лишило ихъ земель, послѣ долгихъ скитаній оказались неподалеку отъ Нижняго; ихъ пожаловали денежнымъ жалованьемъ, по тому времени очень большимъ, отъ 30 до 50 рублей въ годъ.

Начало зимы 1611 года уходитъ на сношенія съ поволжскими городами Низа, изъ которыхъ самымъ главнымъ была, конечно, Казань. Съ этимъ городомъ прежде всѣхъ городовъ необходимо было уладить дѣла, въ виду того, что если бы воевода Казани Морозовъ, бывшій съ ополченіемъ тогда подъ Москвою и, какъ-то уживавшійся съ казаками, сталъ за казаковъ, а за нимъ и вся Казань, тогда въ тылу у Нижняго для молодого ополченія—оказался бы врагъ и весьма опасный. Вотъ чрезъ особое посольство въ Казань уже въ февралѣ была обезпечена помощь ея, и тогда Пожарскій обратился къ «верховымъ» или сѣвернымъ городамъ, прежде всего къ главнымъ—Вологдѣ и Ярославлю съ торжественной граматой, призывая ихъ на подвигъ очищенія Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей, для прекращенія воровства и грабежей подмосковныхъ казаковъ, при чемъ предложено прислать въ Нижній деньги и ратныхъ людей, и для совѣта—выборныхъ лицъ, чтобы затѣмъ всею землею избрать новаго государя «кого намъ Богъ дастъ». Грамата кн. Пожарскаго, распространяясь по городамъ, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ, желавшихъ возстановленія порядка не съ казачьимъ правительствомъ, и вмѣстѣ заставила послѣднее дѣйствовать. Вскорѣ же изъ многихъ мѣстъ собрались въ Нижнемъ ратные люди и привезли съ собой «большое количество казны». Тогда городское движеніе Нижняго быстро выросло въ областное. Князь Пожарскій уже собирался пойти на Москву, но обстоятельства заставили его повернуть круче на сѣверъ и идти на Ярославль. Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1612 года Пожарскаго извѣстили, что Иванъ Заруцкій, предводитель казаковъ, безнаказанно грабившихъ города, и причинявшихъ разныя насилія и убійства, послалъ изъ-подъ Москвы на г. Ярославль многихъ казаковъ и, что Андрей Просовецкій идетъ съ ратными людьми захватить Ярославль, чтобы не допустить нижегородскому ополченію соединиться съ ярославцами и ратями другихъ городовъ. Тогда нижегородскій вождь, еще прежде прибытія туда Просовецкаго и казаковъ, «наскоро» отправилъ передовой отрядъ во главѣ съ княземъ Д. П. Лопатой—Пожарскимъ, съ ратными людьми въ г. Ярославль, и послѣдній успѣлъ захватить этотъ важнѣйшій узелъ сѣверныхъ путей ранѣе, чѣмъ туда явились большія казачьи силы.

Вслѣдствіе быстро распространившихся слуховъ объ ополченіи нижегородцевъ, всполошились въ Москвѣ поляки, а подъ Москвой—казаки, уже присягнувшіе было московскому самозванцу и понимавшіе, что имъ болѣе не позволятъ грабить и разбойничать. Тогда поляки еще разъ рѣшились испытать патріарха Гермогена просьбами и угрозами, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу и разстроилъ ополченіе князя Пожарскаго. Но, вѣрный себѣ до послѣдней минуты, святитель мужественно произнесъ благословеніе новымъ защитникамъ отечества. Тогда московскіе измѣнники рѣшили уморить непоколебимаго патріарха и перестали

приносить ему пищу. Болѣе девяти мѣсяцевъ томясь въ тяжкомъ заточеніи въ подземельи Чудова монастыря, страдалецъ, величайшій изъ русскихъ патріотовъ, 17 февраля 1612 года скончался голодною смертью, «меташа бо ему не человѣческую пищу: на недѣлю снопъ овса и мало воды, и тако претерпѣлъ близъ годичнаго времени *). Имя патріарха Гермогена должно остаться безсмертнымъ въ исторіи Россіи и русской церкви по безцѣннымъ его заслугамъ для нихъ. Въ самыя критическія времена, когда отечеству угрожала явная опасность подпасть подъ власть Польши и папства, и потерять свою самостоятельность, онъ явился вѣрнымъ руководителемъ народа, и съ безпримѣрною ревностію и съ непоколебимымъ мужествомъ стоялъ за отечество и вѣру православную. Современники высоко цѣнили подвиги и добродѣтели первосвятителя Гермогена, называли его «твердымъ адамантомъ и непоколебимымъ столпомъ, крѣпкимъ поборникомъ по православной вѣрѣ».

За передовыми войсками къ Ярославлю двинулись во главѣ съ самими кн. Д. М. Пожарскимъ и К. З. Мининымъ и главныя силы нижегородскаго ополченія, пользуясь еще зимнимъ путемъ. Онѣ шли по правому берегу р. Волги, въ свое патріотическое движеніе вовлекая ближайшіе къ Нижнему и дальнѣйшіе города. Прежде всего, ополченцы прибыли въ г. Балахну и отъ жителей его получили вспоможеніе деньгами. Отсюда ополченіе выступило въ предѣлы нынѣшней Костромской губерніи въ г. Юрьевецъ. Здѣсь, оно было принято также съ честью, и жители города дали ему казны въ подмогу; въ Юрьевцѣ къ ополченію нижегородскому присоединились даже татары юрьевецкіе, которымъ за то назначено было жалованье. Изъ Юрьевца ополченіе передвинулось въ Рѣшму. Здѣсь, между прочимъ, узнали о появленіи новаго самозванца во Псковѣ и о томъ, что ополченіе, стоявшее подъ Москвой, цѣловало ему крестъ. Заруцкій и Трубецкой прислали въ Рѣшму пословъ къ Пожарскому и Минину сказать: «прельстились мы, что цѣловали крестъ самозванцу во Псковѣ, а нынѣ опять мы всѣ цѣловали крестъ, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единомысліи, и чтобы вы шли въ Москву безъ опасенія». Но Пожарскій и Мининъ съ недовѣріемъ приняли это раскаяніе казаковъ и отпустили пословъ, сказавъ: «мы не имѣемъ никакого опасенія, но всю надежду возлагаемъ на Бога и вскорѣ прибудемъ къ Москвѣ». Изъ Рѣшмы нижегородское ополченіе прибыло въ Кинешму и здѣсь было принято съ радостію и почетомъ. Кинешемцы также дали казны въ подмогу и всѣ ратные изъ нихъ присоединились къ ополченію. Отсюда ополченцы нижегородскіе вмѣстѣ съ дружинами, юрьевецкой и кинешемской двинулись къ г. Костромѣ. Многіе жители послѣдняго, не желавшіе имѣть царемъ польскаго королевича Владислава, которому вслѣдъ за Москвой присягнула и Кострома, встрѣтили нижегородскую союзную рать еще въ Плесѣ, и здѣсь поспѣшили извѣстить кн. Пожарскаго о томъ, что воевода ихъ Иванъ Шереметьевъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу, не хочетъ пустить ополченіе въ г. Кострому. Пожарскій, по совѣщаніи съ Мининымъ, рѣшился, однако же, идти къ Костромѣ, увѣренный въ томъ, что найдетъ въ городѣ многихъ себѣ приверженцевъ. Поставленный на воеводство московскими боярами, И. Шереметьевъ пробовалъ было не впускать въ свой городъ нижегородцевъ съ дружинами, и даже вознамѣрился отбиваться отъ нихъ силою. Прибывшіе ополченцы нижегородскіе вынуждены были остановиться вблизи посадовъ г. Костромы. Но въ противность Шереметьеву большинство обывателей этого города и ратныхъ людей вышли на встрѣчу кн. Пожарскому и Минину, просили ихъ прибыть въ городъ и обѣщали стать съ ними заодно. Вскорѣ Пожарскій и Мининъ со всѣмъ ополченіемъ вступили въ г. Кострому,—костромичи же яростно бросились на воеводскій дворъ, низложили Шереметьева и убили бы его, если бы не выступилъ на защиту кн. Пожарскій. Жители г. Костромы затѣмъ просили у Пожарскаго—поставить другого воеводу, и онъ назначилъ имъ князя Романа Гагарина и дьяка Андрея Подлѣсова. Когда союзное нижегородское ополченіе стало выступать въ Ярославль, костромичи, по примѣру другихъ, также въ подмогу снабдили ополченіе деньгами и ратными людьми и съ честью проводили его. Пожарскій самъ повелъ ополченіе въ г. Ярославль и пришелъ туда въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1612 года, былъ принятъ съ любовію. Сюда уже изъ разныхъ поволжскихъ

---

*) Спустя 40 лѣтъ по кончинѣ, страдальческое тѣло священномученика обрѣтено было нетлѣннымъ, и изъ Чудова монастыря перенесено въ Успенскій соборъ въ февралѣ,—гдѣ съ торжествомъ было положено поверхъ помоста въ ящикѣ, обитомъ фіолетовымъ бархатомъ, подлѣ мѣднаго шатра для Ризы Господней. Во время разгрома этого собора въ 1812 году, французы, предполагая найти скрытыя въ этомъ ящикѣ сокровища, вскрыли его. По изгнаніи ихъ изъ Москвы, мощи святителя Гермогена были найдены на полу храма. Въ состояніи совершеннаго нетлѣнія онѣ почиваютъ и нынѣ въ скромной гробницѣ на правой сторонѣ Успенскаго собора.

городовъ стали стекаться ратные люди и съ собою привозить казну для союзнаго ополченія. Чтобы разстроить ополченіе, атаманъ Заруцкій отправилъ въ Ярославль убійцъ къ кн. Пожарскому. Однажды, во время осмотра здѣсь пушекъ, злодѣи подкрались къ нему въ толпѣ народа, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ ударить князя ножемъ, но промахнулся и попалъ въ ногу своему товарищу. Тутъ подосланныхъ злодѣевъ перехватали и они во всемъ своемъ замыслѣ сознались. Послѣ этой неудачи, Заруцкій вмѣстѣ съ Мариной Мнишекъ и ея сыномъ удалился изъ-подъ Москвы къ Астрахани, а вмѣстѣ съ нимъ отправилась толпа самыхъ отчаянныхъ казаковъ.

Въ Ярославлѣ Пожарскій съ ополченіемъ простоялъ съ апрѣля до августа 1612 года. По прекращеніи раздоровъ, происшедшихъ между главными предводителями ополченія, здѣсь Пожарскій и военный его совѣтъ рѣшили созвать земскій соборъ, который управлялъ бы всей страной. Въ земскій соборъ уже со временъ Іоанна Грознаго входили: все высшее духовенство, все царское правительство, чины думные и чины московскіе, т. е. тѣ государевы слуги, которые или сидѣли у царя въ думѣ, или служили при подмосковномъ помѣстьи и всегда при особѣ государевой, кромѣ того, «выборные отъ городовъ и уѣздовъ, отъ дворянъ и посадскихъ». 7 апрѣля Пожарскій съ военнымъ своимъ совѣтомъ, въ количествѣ до 50 человѣкъ, разсылаетъ граматы по городамъ, гдѣ говорятъ и о земскомъ соборѣ. «И по всемірному вашему совѣту,—писали они,—пожаловати бы вамъ прислати къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками, а прислати бы, господа, вамъ для земскаго совѣту къ намъ вскорѣ... Вамъ бы, помня Бога и свою православную вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща Государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами вѣдаете, господа, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ»... Совѣтъ, дѣйствительно, образовался и заступилъ мѣсто временного правительства. Во главѣ освященнаго собора находился митрополитъ ростовскій и ярославскій Кириллъ; была и боярская дума,—въ которую входили два боярина, окольничій, кромѣ того ратные начальники, и прежде всего главный воевода, князь Д. М. Пожарскій, также выборные отъ городовъ и уѣздовъ, дворяне и посадскіе. Это временное соборное правительство начинаетъ пока борьбу на двѣ стороны. На совѣтѣ оно ведетъ переговоры съ Новгородомъ, который присоединился было къ Швеціи, какъ самостоятельная область. Ярославское правительство пока медлило, не желало вступать съ шведами въ открытую вражду. Съ другой стороны, въ отношеніи казаковъ оно твердо и ясно постановило: прежде чѣмъ идти для освобожденія Москвы отъ поляковъ, нужно очистить Россію отъ смуты, отъ казаковъ. Посылая ратные отряды противъ послѣднихъ, Пожарскій отбираетъ отъ нихъ и Суздаль, Пошехонье и Переяславль-Залѣсскій, разбиваетъ ихъ подъ г. Угличемъ. Но въ то же время, онъ охотно принимаетъ казаковъ къ себѣ на службу, жалуетъ ихъ денежнымъ жалованьемъ; онъ только подчиняетъ ихъ порядку, не даетъ грабить. Третій же врагъ—поляки пока не представлялся опаснымъ для ярославскаго ополченія. Временное правительство намѣревалось въ Ярославлѣ даже выбрать царя. Но въ это время, изъ казачьихъ таборовъ пришло извѣстіе, что на помощь осажденнымъ полякамъ идетъ въ Москву гетманъ Ходкевичъ, и Пожарскому пришлось спѣшно отправиться къ Москвѣ—на помощь кн. Трубецкому, все еще защищавшему ее. Но уже по прибытіи въ Троицкую лавру, по пути изъ Ярославля въ Москву, между новыми ополченцами произошло нестроеніе великое: одни хотѣли идти подъ Москву; а другіе не желали—изъ опасенія, что тамъ казаки хотятъ коварно убить кн. Пожарскаго, какъ убили П. Ляпунова. Но А. Палицынъ успѣлъ отстранить это затрудненіе, и тогда Пожарскій съ своимъ ополченіемъ отправился изъ Сергіевой лавры.

Подойдя къ Москвѣ, кн. Пожарскій съ нижегородскимъ ополченіемъ сталъ особо станомъ у Арбатскихъ воротъ. Сюда же на другой день гетманъ Ходкевичъ привелъ вспомогательное войско польскому отряду, сидѣвшему въ Кремлѣ и Китай-городѣ и готовившемуся къ вылазкѣ. 21 августа 1612 года начался ожесточенный бой, который продолжался съ перерывами нѣсколько дней. Здѣсь еще разъ понялъ Пожарскій, что надѣяться на казаковъ было опасно или невозможно: то помогали они, то опять отступали. Говорятъ, что К.召召Мининъ рѣшилъ побѣду: выпросивши у кн. По-

Пожарскаго нѣсколько сотенъ отборнаго войска, онъ неожиданно напалъ съ ними на врага. Поляки обратились въ бѣгство и тогда много ихъ здѣсь было убито. Къ утру Ходкевичъ долженъ былъ отступить. Но тѣ поляки, которые сидѣли въ Кремлѣ, не сдались; хотя у нихъ былъ страшный голодъ, они все-таки держались въ осадѣ подъ начальствомъ храбраго Николая Струся. Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Въ это время казаки, значительно подкрѣпившіе армію Пожарскаго, опять стали враждовать съ земскимъ ополченіемъ изъ-за жалованья. Вслѣдствіе этого, одни изъ нихъ задумали оставить ополченіе, а другіе намѣревались напасть на дворянъ и ограбить ихъ. Пожарскій въ виду этого не могъ сдѣлать рѣшительнаго натиска и обратился за содѣйствіемъ къ, бывшему въ то время въ Москвѣ, келарю Троицкой лавры Авраамію Палицыну. Послѣдній предотвратилъ раздоръ: онъ отправился въ Лавру и, по его представленію, Троицкія власти, за неимѣніемъ денегъ, прислали къ казакамъ въ залогъ богатыя церковныя ризы. Это такъ тронуло казаковъ, что они отослали ризы въ Лавру и дали обѣщаніе—во что-бы то ни стало очистить г. Москву отъ поляковъ. Дѣйствительно, при ихъ содѣйствіи Пожарскому, но только чрезъ два мѣсяца послѣ отступленія Ходкевича, удалось взять приступомъ Китай-городъ. Вслѣдъ затѣмъ, страшный голодъ заставилъ и «кремлевскихъ сидѣльцевъ»—поляковъ сдаться, и 22 октября знамя ополчившихся на защиту отечества и вѣры православной уже развѣвалось на стѣнахъ Кремля. Послѣ этого поляки вскорѣ удалились изъ Россіи. Въ память этого освобожденія Москвы заступленіемъ Казанской иконы Божіей Матери, которая, по завѣщанію Гермогена, была носима предъ войсками, въ православно-русской церкви установлено въ честь Ея празднество 22 октября. Такъ дѣло очищенія г. Москвы отъ враговъ—поляковъ было закончено. Правда, на помощь полякамъ спѣшилъ было къ Москвѣ самъ король Сигизмундъ, но, дорогою, узнавъ о сдачѣ Кремля, возвратился назадъ. Замутилъ было Заруцкій съ казаками, но его разбилъ М. Бутурлинъ и Заруцкій бѣжалъ. На Москвѣ теперь хотя на время стало спокойно. Хотя еще долго не усмирялись домашніе бунтовщики или мятежники, въ частности «казацкая вольница», но лишь междоусобные споры между старинными и новыми боярами за свои права отчасти поддерживали оставшееся неустройство и волненіе въ теперешней Руси. Несомнѣнно однако же, что злое лихолѣтіе теперь пришло къ своему концу, благодаря общеземскому ополченію. Москва снова стала средоточіемъ самобытной русской государственной жизни. Оставалось теперь всенароднымъ земскимъ избраніемъ царя—государя въ самой Москвѣ довершить великій общеземскій подвигъ, что и совершилось вскорѣ, ко благу Россіи.

Призваніе Михаила Θеодоровича Романова на царство.

По освобожденіи Москвы отъ поляковъ, вступило въ полную силу временное московское правительство во главѣ съ князьями Д. М. Пожарскимъ и Трубецкимъ. Въ горячей заботливости о благѣ государства, это правительство разослало по городамъ граматы съ приглашеніемъ прислать изъ каждаго города по десяти властей и выборныхъ въ Москву «для великаго дѣла». Въ граматахъ, между прочимъ, было сказано, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ государя московскому государству стоять нельзя, вдосталь московское государство раззорилось все: безъ государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится». Въ виду этого, бояре и воеводы приглашали, «чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго собранія всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры». Уже въ январѣ 1613 года съѣхалось въ Москву довольно много властей и выборныхъ людей. Назначенъ былъ трехдневный постъ, и потомъ общеземскій соборъ приступилъ къ главному вопросу, кого избрать государемъ земли Русской.

Небезынтересно возстановить общій ходъ бывшихъ на соборѣ преній и вмѣстѣ указать послѣдовательность избирательной мысли, какъ она пришла къ личной Михаила Θеодоровича Романова, какъ главнаго и законнаго кандидата на царскій тронъ. Прежде всего, на соборѣ стали разсуждать о томъ, выбирать-ли царя изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или «среди своихъ», избрать своего природнаго русскаго, и порѣшили—«литовскаго и шведскаго короля, и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ, не-христіанской вѣры греческаго закона на владимірское и московское государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король московское государство раззорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Отстранивъ всѣхъ иноземныхъ претендентовъ, какъ уже довольно омерзѣвшихъ, хотя мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ именно у боярства, надѣявшагося лучше устроиться при иноземномъ, чѣмъ при русскомъ царѣ изъ боярской среды, стали выбирать своихъ на занятіе царскаго трона, стали намѣчать кандидатовъ изъ коренныхъ русскихъ знатныхъ родовъ. «Говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ московскомъ государствѣ и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ быть государемъ». Но тутъ-то, при разсужденіи о русскихъ кандидатахъ, и пришла главная смута, начались среди бояръ козни и волненія: одни предлагали того, другіе, по своей мысли, хотѣли другого и всѣ гово-

рили разно, «и тако проводиша немалые дни», говоритъ лѣтописецъ. Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе сочувствовалъ, въ силу-ли его нравственныхъ качествъ, или въ силу его высокаго положенія или просто изъ своихъ личныхъ выгодъ. По указанію лѣтописца, избиратели дѣйствовали не совсѣмъ безкорыстно: «многіе отъ вельможъ желающи, царемъ быть, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары». Преданіе въ числѣ кандидатовъ въ царя называетъ именитыхъ: Ѳ. И. Мстиславскаго, В. В. Голицына, В. И. Шуйскаго, И. М. Воротынскаго, Д. М. Трубецкого и Д. М. Пожарскаго; бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, женатый на племянницѣ Филарета Никитича, княжнѣ Черкасской, хлопоталъ за родню, Михаила Ѳеодоровича Романова.

Казалось, говоритъ нашъ историкъ, толковать было не о чемъ,—напередъ можно было знать, кого выберутъ. Не было тогда никого милѣе народу русскому, какъ родъ Романовыхъ *). Ужъ издавна онъ былъ въ любви народа, въ глазахъ котораго большое значеніе имѣло его родство съ послѣдними государями изъ династіи Владиміра Великаго. Отецъ Михаила Ѳеодоровича приходился двоюроднымъ братомъ царя Ѳедора Ивановича, племянникомъ первой жены царя Ивана В. Грознаго, Анастасіи Романовны, которую народъ помнилъ, и за ея добродѣтели почиталъ чуть не святою. Помнили и не забыли ея добраго брата Никиту Романовича, и соболѣзновали о его дѣтяхъ, которыхъ интриганъ—царь Борисъ Годуновъ перемучилъ и перетомилъ въ изгнаніи. Уважали митрополита Филарета, т. е. бывшаго боярина Ѳедора Никитича, который уже съ сентября 1610 года, со времени отправленія въ числѣ пословъ къ царю Сигизмунду, по вопросу объ избраніи царемъ сына его Владислава, находился въ плѣну въ Польшѣ и русскимъ казался мученикомъ за правое дѣло. Шестнадцатилѣтній его сынъ—Михаилъ, вмѣстѣ съ матерью инокинею Мароою и дядею Иваномъ Никитичемъ, до 25 октября 1612 года сидѣлъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ прочими боярами, пока бояре, владѣвшіе Москвою, не были изгнаны. Еще когда Василія И. Шуйскаго низложили съ престола (17 іюля 1610 г.), многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ желали Михаила Ѳеодоровича посадить на московскомъ престолѣ; но онъ тогда былъ еще малъ, да главное, поляки тогда помѣшали, навязывая Москвѣ въ царя польскаго королевича Владислава. Огромное большинство среднихъ классовъ и простого народа оказалось рѣшительно на сторонѣ Михаила Ѳеодоровича, потому что онъ принадлежалъ къ любимой и всѣми уважаемой семьѣ, несчастія которой и несправедливо претерпѣнныя гоненія еще усилили народное къ ней расположеніе. Боярское большинство, т. е. самое вліятельное сословіе, также Мининъ и Пожарскій, въ рукахъ которыхъ пока оставалось распоряженіе значительною ратною силою, также склонились къ избранію Михаила. Духовенство, вѣрное завѣту патріарха Гермогена, особенно было расположено къ Филарету Никитичу и его сыну, и своимъ вліяніемъ много способствовало послѣднему. Нѣкоторыя высшія духовныя лица (Ефремъ, митрополитъ казанскій, Кириллъ, митрополитъ ростовскій) разсказывали о бывшихъ имъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, которыя указывали тоже на Михаила Ѳеодоровича; а народное воображеніе было такъ настроено, что подобные разсказы производили свое дѣйствіе. Теперь, на общеземскомъ соборѣ, какъ только стали разсуждать о выборѣ царя, сразу заговорили о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, и вотъ, 7 февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать его царемъ, и тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ царское прирожденіе, былъ отраслію царскаго рода. По одной лѣтописи (Забѣлинъ), первый на соборѣ заговорилъ о немъ какой-то дворянинъ изъ г. Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно по праву избрать царемъ. Раздались голоса недоброжелателей, которые грозно спросили: «кто принесъ такую грамату, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Д. М. Пожарскій.—«Писаніе о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Отъ разныхъ служилыхъ и земскихъ казаковъ написаны были челобитныя, что вся земля хочетъ имѣть царемъ Михаила Романова, и они подали свои граматы келарю Авраамію Палицыну, чтобы онъ желаніе ихъ представилъ выборной думѣ. Тутъ же кстати пришли челобитныя изъ Калуги и

*) Романовы—чисто русскаго происхожденія; самымъ виднымъ и наиболѣе извѣстнымъ предкомъ ихъ является Андрей Кобыла, бояринъ временъ Симеона Гордаго, въ первой половинѣ XIV вѣка; потомство его съ теченіемъ времени такъ развѣтвилось, что насчитываютъ болѣе 20 происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ; кромѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ сюда относятся Шереметевы, Жеребцовы, Колычевы, Ладыгины, Неплюевы и др.

другихъ сосѣднихъ городовъ; и оттуда люди всѣмъ міромъ заявляли, что не хотятъ другого государя, кромѣ Михаила Ѳеодоровича. Казаки вскричали, что и они хотятъ царемъ только Романова. Казацкимъ голосомъ нельзя было пренебречь: если выбрать царя не по мысли и желанію казаковъ, тогда можно было ожидать большихъ смутъ. Съ избраніемъ же Михаила Романова выходило такъ хорошо, что и земскіе люди и казаки могли быть довольны. И на соборѣ 7 февраля состоялось единодушное, хотя пока еще предварительное, избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова русскимъ царемъ.

Но въ это время, на совѣтѣ московскомъ находились не всѣ выборные изъ городовъ и даже изъ знатныхъ бояръ. И вотъ, послали гонцовъ звать ихъ прибыть въ Москву для общаго дѣла: также отправили надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ разузнать мнѣніе народа относительно новаго избранника, и окончательный приговоръ для большей крѣпости былъ отложенъ на двѣ недѣли, отъ 7 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ пріѣхали въ Москву и запоздавшіе выборные,—возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ и сѣверскіе города съ радостію желаютъ видѣть Михаила Ѳеодоровича Романова царемъ. Въ недѣлю православія, т. е. въ первое воскресенье великаго поста, состоялось въ Успенскомъ соборѣ торжественное и послѣднее засѣданіе: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными—всѣ чины единогласно указывали на одного избранника—Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій П. Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, во множествѣ наполнявшаго Красную площадь: «кого они хотятъ въ цари?» Народъ въ одинъ голосъ закричалъ: «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь московскому государству и всей русской державы!» Послѣ этого совершено молебствіе о здравіи новоизбраннаго царя Михаила, и всѣ въ Москвѣ присягнули ему. Извѣстясь грамотами отъ 25 февраля объ избраніи царя, различные города также и вскорѣ присягали ему и подписывали разосланныя крестоцѣловальныя записи Михаилу Ѳеодоровичу. По общему представленію, государя Михаила самъ Богъ избралъ, онъ—«царь по усмотрѣнію Всевышняго Бога», и вся земля русская теперь радовалась и ликовала по случаю согласнаго рѣшенія важнѣйшаго вопроса о царскомъ избраніи.

Теперь дѣло оставалось только за согласіемъ самого Михаила Ѳеодоровича, и для полученія его соборъ назначилъ ѣхать къ новоизбранному Михаилу въ качествѣ челобитчиковъ: Ѳеодориту, архіепископу рязанскаму, троимъ архимандритамъ—чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ, боярамъ, Ѳедору Ивановичу Шереметьеву, князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Ѳедору Головкину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Земскій соборъ не зналъ доподлинно, гдѣ въ это время находился новоизбранный государь, и въ наказѣ, данномъ посламъ, назначено: «ѣхать къ государю-царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ Государь будетъ». Это незнаніе соборомъ мѣстопребыванія своего новаго государя лучше всего говоритъ за то, что не Романовы искали престола, а престолъ искалъ Романовыхъ. Посланные челобитчики должны были, по наказу соборному, «бивъ челомъ» новоизбранному государю и его матери, говорить такъ: «Всякихъ чиновъ, всякіе люди бьютъ челомъ, чтобы тебѣ великому государю умилиться надъ остаткомъ рода христіанскаго,—многорасхищенное православное христіанство россійскаго царства отъ растлѣнія сыроядцевъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей, собрать во единство,—принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть и пожаловать бы тебѣ великому государю ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бояръ бѣдъ и скорбей; а какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то прослыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами, и животворящимъ крестомъ,

по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ, государю, и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніе наказа говорилось: «если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ,—былъ Государемъ-Царемъ и ѣхалъ въ Москву вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ и ему на московскомъ государствѣ быть нельзя для того; чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ литовскому королю, за отца его даютъ въ обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей.

Между тѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью—инокинею Марѳою, по освобожденіи 25 октября 1612 года изъ польскаго плѣна въ московскомъ Кремлѣ, въ которомъ польскіе начальники держали ихъ вмѣстѣ съ дядей Иваномъ Никитичемъ въ качествѣ заложниковъ, поселились тогда въ Костромской своей вотчинѣ (доставшейся Марѳѣ Ивановнѣ отъ дѣда ея Василія Михайловича и отца Ивана Васильевича Шестовыхъ)—селѣ Домнинѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Костромы) въ полной надеждѣ, что они достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и отъ вражескихъ нападеній, и не вѣдалъ о совершившемся въ Москвѣ избраніи его на всероссійскій престолъ. Но, прежде чѣмъ представительное московское посольство успѣло прибыть въ г. Кострому, для предложенія короны Михаилу Ѳеодоровичу, послѣдній подвергался великой опасности отъ поляковъ. Узнавши вскорѣ о томъ, что на московскомъ земскомъ соборѣ рѣшительно избранъ царемъ юный Михаилъ, вмѣсто ранѣе предположеннаго польскаго королевича Владислава, поляки составили дерзкій умыселъ, въ цѣляхъ воцаренія Владислава, отнять у Россіи новоизбраннаго царя православнаго. Одному изъ польско-литовскихъ отрядовъ, продолжавшихъ бродить для грабежа въ мѣстахъ приволжскихъ и заволжскихъ, поручено было тайно проникнуть въ вотчинное село Домнино, чтобы внезапнымъ нападеніемъ тамъ захватить Михаила Ѳеодоровича, и отправить его въ Польшу, а въ случаѣ сопротивленія даже убить его. Но жизнь этому всенародному избраннику на царство спасла извѣстная патріотическая хитрость старосты крестьянина Ивана Осиповича Сусанина. Бывъ встрѣченъ отрядомъ поляковъ вблизи своей деревни Деревенищъ, въ трехъ верстахъ отъ Домнина, Сусанинъ, послѣ уклончивыхъ отвѣтовъ на разспросы поляковъ о мѣстопребываніи Михаила Романова, вынужденъ былъ, по ихъ приказу, явиться невольнымъ проводникомъ къ вотчинной усадьбѣ Романовыхъ. И вотъ, догадавшись о зломъ умыслѣ поляковъ, И. Сусанинъ, какъ бы съ цѣлью указать надлежащую дорогу къ Домнину, намѣренно заводитъ спутниковъ въ лѣсную глушь, подальше отъ большой туда дороги. Ночью же въ мѣстности лѣсистой и занесенной снѣгомъ, во время сна утомившихся поляковъ, Сусанинъ нашелъ возможность съ большою осторожностью передать разыскавшему его здѣсь зятю Богдану Сабинину о предстоящей опасности для Михаила Ѳеодоровича и матери его, причемъ просилъ какъ можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ. Затѣмъ утромъ И. Сусанинъ снова повелъ поляковъ блуждать по лѣснымъ чащамъ и замерзшимъ болотамъ, повидимому, стараясь отыскать затерянную дорогу къ с. Домнину. Наконецъ, при полной своей увѣренности, что Б. Сабининъ уже успѣлъ выполнить данное порученіе о предувѣдомленіи Романовыхъ, доблестный старецъ-патріотъ неустрашимымъ своимъ признаніемъ разрѣшилъ самъ догадку поляковъ, что они обмануты своимъ проводникомъ, и тогда Сусанинъ, послѣ многихъ пытокъ, былъ убитъ поляками близъ села Исупова, въ 10 верстахъ отъ Домнина *), близъ болота «Чистое».

*) Собиратели преданія о подвигѣ И. Сусанина и излагатели этого преданія въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ указывали, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ спрятанъ имъ въ подземныхъ тайникахъ усадебнаго, въ с. Домнинѣ господскаго дома. Мѣстные историки Костромского края (князь А. Козловскій, протоіерей М. Діевъ, В. Самаряновъ) въ виду этого сказанія не преминули, однако же, упомянуть о томъ, что относительно собственно мѣста укрытія будущаго царя Михаила существовало и другое преданіе, именно—что онъ ночью ушелъ глубокимъ и лѣсистымъ оврагомъ къ деревнѣ Перевозу, и отсюда пришелъ къ Деревнищамъ—къ дому И. Сусанина, котораго и просилъ укрыть отъ поляковъ, и былъ временно скрытъ И. Сусанинымъ въ ямникѣ сгорѣвшаго у него наканунѣ овина, который для этого былъ заваленъ обгорѣлыми бревнами, и будто въ Деревенищахъ, а не среди лѣсныхъ болотъ, погибъ Сусанинъ, который, несмотря на жестокія пытки при разспросахъ, не сказывалъ злодѣямъ, куда укрылся юный Михаилъ Романовъ. Слѣдуя убѣжденіямъ маститаго историка Д. И. Иловайскаго и другихъ авторитетовъ, мы не считаемъ правдоподобными сказанія эти;—но, не входя въ разсмотрѣнія ихъ по существу, признаемъ очень важнымъ то, твердо выраженное въ нихъ, убѣжденіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ тогда находился въ своемъ вотчинномъ Домнинѣ, и это убѣжденіе раздѣляется всѣми историками. Оно же подтверждается свидѣтельствомъ о томъ, что существующая въ с. Домнинѣ церковь построена на мѣстѣ бывшихъ тутъ до пожара 1780 года тѣхъ самыхъ хоромъ, въ которыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерію-инокинею проживалъ во

Получивши въ своемъ Домнинскомъ помѣстьи чрезъ Богдана Сабинина страшное извѣстіе о столь близкой опасности отъ злодѣевъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и его мать сочли для себя небезопаснымъ не только дальнѣйшее пребываніе въ селѣ Домнинѣ, но и вообще укрывательство въ какомъ-либо глухомъ или провинціальномъ монастырѣ. При такомъ опасномъ положеніи для Романовыхъ, не могъ представить надежное убѣжище напр. Желѣзноборовскій монастырь, гдѣ юный Михаилъ и мать его инокиня иногда жили нѣсколько времени. Монастырь этотъ отстоитъ на 15 верстъ отъ Домнина и тогда находился въ трудно проходимой чащѣ лѣсной. Для сына и матери Романовыхъ не было никакого резона тогда избрать этотъ монастырь для своего убѣжища, такъ какъ здѣсь жизнь ихъ не была обезопашена вслѣдствіе безыскусственнаго укрѣпленія обители, притомъ малобратственной. Также въ пустынномъ или малолюдномъ мѣстѣ находился Макаріевъ-Унженскій монастырь, въ которомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ малолѣтнимъ, во время пребыванія родителей въ ссылкѣ сохранялся подъ покровительствомъ строителя изъ бояръ—старца Давида Хвостова. И въ Макарьевскомъ монастырѣ, который отстоялъ отъ Домнина на 120 верстъ и отъ г. Костромы на 186 верстъ, или на 5—6 дней пути, Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его, по той же причинѣ, не могли чувствовать себя безопасными отъ погибели со стороны злобно преслѣдовавшихъ враговъ-поляковъ. Въ виду этого, слѣдуетъ полагать такъ, что, по извѣщеніи Б. Сабининымъ о покушеніи поляковъ на жизнь Михаила Ѳеодоровича, Романовы тотчасъ рѣшили и, конечно, вовремя успѣли быстро уѣхать въ г. Кострому, который представлялъ собой, несомнѣнно, устойчивое мѣсто въ защитно-боевомъ отношеніи.

Гдѣ-же въ Костромѣ они пребывали или, точнѣе, укрывались отъ преслѣдованій поляковъ въ началѣ 1613 года? Такимъ мѣстомъ могъ бы быть Костромской Кремль, въ которомъ находился дворъ Марѳы Ивановны; за посадами же города крѣпкую защиту могли представлять Ипатіевъ и Богоявленскій монастыри. По хранящейся въ Костромской Архив-

время покушеній на него поляковъ въ началѣ 1613 года. Такъ, при кладкѣ каменныхъ стѣнъ для церкви въ 1817 году найдены срубы, бревна, ямы, какъ явный знакъ бывшей ранѣе постройки; по преданію, прахъ И. Сусанина погребенъ подъ этою же церковію (но, по другому преданію, тѣло Сусанина, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, было перенесено въ Ипатіевскій соборъ,—но гдѣ онъ здѣсь погребенъ, не сохранилось сказаній).

ной Комиссіи рукописи 1840-хъ годовъ—«Михаилъ Ѳеодоровичъ помѣстился въ мужскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, огражденномъ каменною стѣною съ башнями и стрѣльницами, на проживательство въ безопасности, а въ Богоявленскомъ монастырѣ, тоже окруженномъ толстыми каменными стѣнами и башнями, со стрѣльницами и желѣзными воротами, остаться не разсудилъ, по причинѣ недавняго избіенія въ немъ братіи злодѣями-поляками». Изъ остальныхъ же двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ Ипатіевъ монастырь представлялся болѣе безопаснымъ, надежнымъ для убѣжища, чѣмъ Костромской Кремль, какъ въ этомъ можетъ насъ убѣдить, современное разсматриваемымъ обстоятельствамъ, внѣшнее состояніе Кремля, съ одной стороны, и Ипатіева монастыря, съ другой. Костромской Кремль, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ г. Костромы отъ 1628—30 годовъ, состоялъ тогда изъ земляныхъ валовъ, окопанныхъ глубокими рвами, осыпь же была окружена деревянною стѣною на протяженіи $511\frac{1}{4}$ саженъ; стѣны устроены съ 3 воротами и 14 башнями; «башни рублены всѣ клѣтками въ борозду; вышина острогу двѣ сажени съ полусаженью; подъ верхомъ были полати съ боемъ и подкотками»; стѣны и башни вооружены были огнестрѣльными орудіями—затинными пушками, коваными пищалями, волконями. Этотъ, повидимому, хорошо устроенный кремль, однако же, не могъ являться прочнымъ; какъ видно изъ подрядныхъ записей, онъ скоро приходилъ въ ветхость и часто требовалъ ремонта своихъ стѣнъ деревянныхъ и осыпей земляныхъ и, какъ такой, Костромской Кремль, естественно, не могъ въ началѣ 1613 года представлять собой безусловно надежное вполнѣ, безопасное убѣжище для бояръ Романовыхъ, вынужденныхъ въ настоящемъ критическомъ положеніи спасаться отъ враговъ-поляковъ. Между тѣмъ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ уже съ 1586—1590 годовъ потомками основателя его (мурза Чета въ сороковыхъ годовъ XIII вѣка) боярами Годуновыми Димитріемъ и Иваномъ Ивановичами и конюшимъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ была сооружена на протяженіи 243 саженъ, окружавшая четыреугольное пространство, крѣпкая каменная ограда съ 6 хорошо вооруженными башнями съ переходами по внутренней сторонѣ и амбразурами. Такая ограда представляла собою для тѣхъ временъ безусловно укрѣпленное мѣсто, несомнѣнно, болѣе устойчивую твердыню, чѣмъ деревянный Кремль Костромской. Въ каменныхъ стѣнахъ Ипатіевой обители, служившей военною крѣпостью, уже ра-

ніе часто съ монахами вмѣстѣ сидѣли взаперти и отстрѣливались то вѣрные слуги и защитники царя Василія Шуйскаго, то поляки или измѣнники, присягнувшіе Лжедимитрію II. Такъ, вооруженныя стѣны Ипатіевскаго монастыря перенесли въ 1609—10 годахъ нѣсколько военныхъ осадъ, однако, послѣ того онѣ не потерпѣли существенныхъ поврежденій и продолжали въ началѣ 1613 года представлять собою несомнѣнно сильную крѣпость. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ то, что когда «для осаднаго времени въ 127 (1619) году совершалось вообще укрѣпленіе Костромского Кремля, даже былъ вновь построенъ посадскими людьми «новый городъ» въ видѣ «тарасъ косыхъ, какъ ставится острогъ лежачей» (Писц. кн.),—тогда признано было совершенно достаточнымъ для Ипатіева монастыря произвести (въ 1612 г.) лишь небольщую надстройку, надъ крѣпкими по себѣ оградными стѣнами, и онѣ отнюдь не были переустроены или не были замѣнены новыми *). Отсюда небезосновательнымъ является тотъ выводъ, что Михаилу Ѳеодоровичу съ инокинею Марѳою въ началѣ 1613 года естественнѣе всего было признать болѣе безопаснымъ убѣжищемъ не Костромской Кремль, съ осаднымъ въ немъ дворомъ Марѳы Ивановны, а Ипатіевъ монастырь, съ его незыблемою крѣпостію, въ которомъ они, вѣроятно, не разъ бывали на богомольѣ, хотя бы на короткое время, и тогда уже хорошо понимали важное значеніе его, какъ военной крѣпости.

Правда, въ недостаточно укрѣпленномъ г. Костромѣ была внутренняя смута; какъ уже намъ извѣстно изъ предыдущаго, даже воевода города Иванъ Шереметьевъ былъ приверженцемъ польскаго королевича Владислава и, повидимому, нельзя было разсчитывать, что г. Кострома и Ипатіевскій монастырь могутъ быть надежной тогда защитой для бояръ Романовыхъ. Но внутренняя смута въ г. Костромѣ имѣла свое мѣсто лишь въ началѣ марта 1612 года. Когда же Шереметьевъ, по вступленіи кн. Пожарскаго и Минина съ ратнымъ ополченіемъ въ Костромской Кремль, былъ тотчасъ низложенъ самими костромичами, весьма расположенными къ великому патріотическому предпріятію, и по ихъ просьбѣ Пожарскій назначилъ князя Романа Гагарина воеводой г. Костромы,—уже тогда совершенно прекратилась внутренняя смута въ городѣ. Послѣ того какъ въ октябрѣ 1612 года произошло очищеніе столицы государства отъ враговъ, въ Костромѣ совсѣмъ не было приверженцевъ королевича Владислава, и, стало быть, некому было извѣщать поляковъ о временномъ укрывательствѣ Михаила Ѳеодоровича вообще въ г. Костромѣ или, точнѣе, въ Ипатіевомъ монастырѣ. Если же искомые поляками Романовы, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня, почему-либо не могли оставаться для поляковъ неизвѣстными по пребыванію въ этомъ монастырѣ, какъ находящемся рядомъ съ большимъ городомъ, то нельзя при этомъ опускать изъ вида то обстоятельство, что поляки бродили тогда партіями, отрядами, и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что какая-либо польско-литовская шайка теперь въ концѣ февраля, или въ самомъ началѣ марта 1613 года, не могли осмѣлиться, на вѣрную гибель свою, произвести осаду, крѣпкаго по стѣнамъ и хорошо вооруженнаго, Ипатіева монастыря.

Но извѣстно, что Ипатіевъ монастырь пользовался покровительствомъ бояръ Годуновыхъ, изъ коихъ Борисъ Ѳеодоровичъ сдѣлался врагомъ Шестовыхъ-Романовыхъ, какъ уже показано, устранивъ ихъ изъ Москвы, какъ имѣвшихъ право на царскій тронъ, на который между тѣмъ претендовалъ тогда и затѣмъ получилъ самъ Борисъ Годуновъ. Отсюда же Ипатіевъ монастыръ въ царствованіе Бориса—покровительствуемый его боярами Годуновыми, конечно, не могъ бы считаться надежнымъ убѣжищемъ или безопаснымъ пріютомъ для Михаила Ѳеодоровича и матери его инокини, такъ какъ, несомнѣнно, монастырь этотъ былъ близокъ и самому Борису Ѳеодоровичу. Но если у послѣдняго, изъ династическихъ разсчетовъ, существовали враждебныя отношенія къ боярамъ Романовымъ, то со смертью Бориса 13 апрѣля 1605 года у бояръ Годуновыхъ, притомъ въ началѣ 1613 года, могли быть совершенно иныя отношенія къ Романовымъ, не враждебнаго характера. Въ это-то время, избирая убѣжищемъ для себя Ипатіевъ монастырь, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа не могли представлять или ожидать для себя никакихъ опасностей со стороны Годуновыхъ.

Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что со смертію Ѳедора Борисовича Годунова (1 іюня 1605 г.) и жены царя Бориса Маріи, считавшихся попечителями Ипатіева монастыря, послѣдній поступалъ на попеченіе уже Ѳедора Никитича Романова—въ

*) Къ этой надстроенной оградѣ произведена въ 1642—43 годахъ пристройка новой каменной ограды на четыреугольномъ пространствѣ въ 144 сажени, съ двумя башнями по угламъ и третьею по срединѣ западной стѣны, т. н. «зеленою».

иночествѣ Филарета, такъ какъ ему этотъ монастырь подаренъ Лжедимитріемъ (Д. Иловайскій, С. Платоновъ), который въ день своего коронованія 30 іюля 1605 г. назначилъ Филарета ростовскимъ митрополитомъ, при чемъ къ его епархій принадлежалъ и этотъ монастырь. Отъ Филарета Никитича, который и вторымъ самозванцемъ утвержденъ во владѣніи Ипатіевымъ монастыремъ, послѣдній естественно поступилъ на ближайшее попеченіе сына его Михаила Θеодоровича. Къ этому же юному Романову родственные Борису бояре Годуновы, уже явно утратившіе государственное свое значеніе, не могли питать вражды, нерасположенія теперь, спустя почти семь лѣтъ по смерти Бориса—главнаго врага Романовыхъ, тѣмъ болѣе, что Годуновымъ не были неизвѣстны почти всеобщія симпатіи и выборные въ Москвѣ голоса въ пользу Михаила Θеодоровича. Отсюда и монахи Ипатіевой обители, при всемъ традиціонномъ уваженіи къ фамиліи Годуновыхъ, какъ благотворителей ея, теперь не могли рѣшиться отказать въ благосклонномъ пріемѣ попечителю монастыря Михаилу Романову. Подтвержденіе того, что онъ фактически состоялъ попечителемъ или былъ какъ бы хозяиномъ Ипатіева монастыря, представляетъ, какъ увидимъ далѣе, самое назначеніе инокини Марθы и вмѣстѣ Михаила московскому посольству совершить пріемъ его въ этомъ монастырѣ, какъ своемъ. Такимъ образомъ, по самому праву, и притомъ безъ всякихъ опасеній за злобныя къ себѣ отношенія со стороны Годуновыхъ и самихъ монаховъ, юный Михаилъ и мать его инокиня въ началѣ 1613 года, въ критическое для нихъ время, избрали убѣжище въ монастырѣ, который покровительствуемъ и украшаемъ былъ и Борисомъ Годуновымъ. Къ тому же, съ 15 февраля того года наступилъ Великій постъ, на какое время цари и бояре, по древнему благочестивому обычаю, нерѣдко помѣщались въ монастыряхъ для душеспасенія, для сохраненія или поддержанія добраго христіанскаго покаяннаго настроенія. Такъ и это теперь приводило Романовыхъ въ Ипатіевскій монастырь *),

*) Нельзя представлять дѣло такъ, какъ будто, когда получилось извѣстіе, что московское посольство приближается къ г. Костромѣ, Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью Марθою Ивановною, по просьбѣ костромичей, переѣхалъ для пріема посольства въ келіи Ипатіевскаго монастыря. При такомъ допущеніи, пребываніе ихъ въ этой обители пришлось бы считать не болѣе, какъ только перемѣщеніемъ ихъ сюда; а тогда самъ собою возникаетъ вопросъ: ужели переселились они—Романовы для того только, чтобы въ этомъ монастырѣ принять именитое московское посольство для большей торжественности при соединеніи московской и костромской крестной процессій?! Не представлялось-ли болѣе удобнымъ и какъ бы естественнымъ совершить такой пріемъ въ самомъ Костромскомъ Кремлѣ, гдѣ сосредоточены были всѣ гражданскія власти, и гдѣ въ Успенскомъ соборномъ храмѣ издревле пребывала и пребываетъ великая Костромская святыня—чудотворная Θеодоровская икона Божіей Матери?!

Различные документы *), также древніе и новые историки одинаково свидѣтельствуютъ, что шестнадцатилѣтній Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ съ матерію-инокинею Марθою въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1613 года нашли, и имѣли для себя вполнѣ безопасное убѣжище, дѣйствительно, въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Не приводя свидѣтельствъ изъ мѣстныхъ изслѣдованій (прот. М. Діева, прот. П. Островскаго, В. Самарянова) не изъ сочиненій выдающихся историковъ Россіи (Н. Устряловъ, С. Соловьевъ, Н. Костомаровъ, А. Трачевскій, В. Казаревскій и др.) мы ограничимся указаніемъ лишь на два мѣста. Въ книгѣ «Лекціи по русской исторіи», С. Θ. Платонова (изд. 1901 г.), сказано на 253 страницѣ такъ: «изъ Домнина Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатіевскій монастырь, который поддерживался вкладами Бориса и при Лжедимитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ, за все претерпѣнное ими отъ Бориса». Почтенный историкъ Д. И. Иловайскій съ особенною выразительностью утверждаетъ, что по извѣщеніи Собининымъ объ угрожающей опасности отъ поляковъ «старица Марθа уѣхала съ сыномъ своимъ въ городъ Кострому; но они поселились не въ самомъ городѣ, а укрылись за каменными стѣнами Ипатіевскаго монастыря». — Цѣлая плеяда весьма авторитетныхъ и самостоятельныхъ историковъ русскихъ категорически признаетъ лишь Ипатіевъ монастырь — мѣстомъ временнаго и надежнаго убѣжища Михаила Θеодоровича съ матерію-инокинею—по удаленіи ихъ изъ Домнина, и нѣтъ возможности или резоновъ не довѣрять согласнымъ свидѣтельствамъ ихъ, основаннымъ на документахъ. Отсюда же очевиднымъ представляется великое историческое значеніе Ипатіева монастыря, поскольку въ немъ въ началѣ 1613 года нашелъ для себя безопасное убѣжище отъ преслѣдованій злобныхъ поляковъ Михаилъ Θеодоровичъ, родоначальникъ Царствующаго Дома,—въ этомъ монастырѣ спасена или сохранена жизнь цѣлой династіи Романовыхъ. Вотъ почему и царственные потомки Михаила Θео-

*) Изъ подлинныхъ граматъ о призваніи Михаила Θеодоровича на царство (см. Дворц. Разр. I т. 1850 г., 55 и 1066 стр.), изъ Троицкаго лѣтописца (256 л.) Авраамія Палицына и другихъ извѣстій XVII и XVIII вѣковъ ясно видно, что Михаилъ Θ. Романовъ, во время прибытія къ нему московскаго посольства съ предложеніемъ царской короны, пребывалъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

доровича всегда обнаруживали особенное благорасположеніе и великую щедродательность къ этой обители (изъ нихъ въ исторіи запечатлѣны по этому: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, Екатерина II, Николай I, Александръ II, Александръ III и Николай II).

Когда представилась неотложная нужда юному Михаилу Ѳеодоровичу вмѣстѣ съ инокинею *) укрыться отъ враговъ въ крѣпкихъ, вооруженныхъ стѣнахъ Ипатіевскаго монастыря, имъ были отведены для временнаго пребыванія келарскія **) или намѣстническія (съ 1598 г.) кельи, какъ наиболѣе удобныя и благоустроенныя. Кельи эти были устроены задолго до 1613 года усердіемъ бояръ Годуновыхъ—Димитрія Ивановича и его племянника Бориса Ѳеодоровича, именно въ 1586–1597 годахъ. Изъ сохранившихся доселѣ отъ 1742 г. смѣтъ на исправленіе и ремонтъ священныхъ и прочихъ зданій Ипатіева монастыря видно, что намѣстничьи кельи имѣли два аппартамента (этажа) съ деревянными на задней сторонѣ сѣнями. съ кладовыми чуланами, длиною $15^1/_2$ саженъ, шириною и съ сѣнями 17 аршинъ, при высотѣ $3^1/_2$ саженъ отъ основанія до крыши. При кельяхъ крыльцо устроено съ восточной стороны деревянное о двухъ площадяхъ; кельи крыты тесомъ. Въ каждомъ аппартаментѣ келарскихъ келій—верхнемъ и нижнемъ, по 9 окошекъ, обращенныхъ внутрь монастыря (на восточную сторону и отчасти на южную), вышиною по 1 арш., шириною по 12 вершковъ.

Въ верхнемъ этажѣ этихъ келарскихъ келій оконныя рамы были со стеклами, между тѣмъ во всѣхъ прочихъ зданіяхъ монастыря окончицы были слюдныя. Вѣроятно, весь этотъ корпусъ цѣликомъ былъ предоставленъ Михаилу Ѳеодоровичу, особенно въ виду того, что съ нимъ пребывала и мать его инокиня Марѳа, четыре комнаты которой были на половинѣ—съ правой стороны изъ сѣней. Этимъ намѣстничьимъ кельямъ съ конца XVII вѣка

*) По записанному въ Отечеств. Запискахъ, 1820 г. № 1, преданію, раздѣляемому и кн. Козловскимъ («Взглядъ на исторію г. Костромы» 1840 г. 83 и 149 примѣч. 55), инокиня Марѳа Ивановна пребываніе свое имѣла близъ Успенскаго собора въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ, а въ Ипатіевскій монастырь перешла, «незадолго до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство», (Козловскій) ради безопасности отъ нашествія поляковъ. Это видно изъ настѣннаго письма на паперти Костромского Успенскаго собора, которое отъ пожара въ 1763 году потемнѣло.

**) Келарь въ древнерусскихъ монастыряхъ исполнялъ должность казначея, эконома и благочиннаго,—былъ вторымъ лицомъ послѣ настоятеля, какъ и намѣстникъ въ обителяхъ, имѣвшихъ настоятельство со степенью архимандритовъ.

усвоено названіе «царскихъ чертоговъ» и «дворца царя Михаила Ѳеодоровича» *).

Когда въ Ипатіевской обители пребывалъ въ полной безопасности Михаилъ Ѳеодоровичъ съ инокинею Марѳою, и было отправлено 2 марта 1613 года вообще въ Костромскую вотчину Романовыхъ великое московское посольство съ граматою отъ имени всего россійскаго государства о предложеніи Михаилу Ѳеодоровичу царской короны. Несмотря на большую свою спѣшность, въ виду особенной важности порученнаго дѣла, именитое посольство имѣло возможность лишь 13 марта прибыть въ Новоселки (что нынѣ Селища, на нагорномъ берегу р. Волги, почти противъ Ипатіева монастыря). Здѣсь находился домъ князя Ивана Михайловича Глинскаго, родного дяди царя Іоанна IV, и отъ него-то московскому посольству стало извѣстно теперь опредѣленно о временномъ пребываніи всероссійскаго избранника на царскій тронъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Прибывши въ Новоселки уже въ позднее время, къ вечернямъ, московское посольство, для большей торжественности предстоящей процессіи, пригласило Костромскихъ воеводу и видныхъ властей гражданскихъ и духовныхъ. Въ одно мгновеніе узнали во всей Костромѣ о прибытіи и причинѣ московскаго посольства, и весь городъ быстро пришелъ въ движеніе. Въ тотъ же день костромичи, глубоко уважавшіе Михаила Ѳеодоровича, спѣшили въ Новоселки, чтобы сопутствовать свитѣ въ Ипатіевъ монастырь, гдѣ въ келарскихъ кельяхъ имѣлъ пребываніе юный избранникъ на царство. Но посольство и костромскіе представители, согласно полученному отъ инокини Марѳы и Михаила Ѳеодоровича назначенію, совмѣстно рѣшили уже на другой день переправиться въ г. Кострому, для того, чтобы доложить Михаилу о состоявшемся на Московскомъ Земскомъ Соборѣ избраніи его россійскимъ государемъ и предложить ему царскую корону. 14 марта, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, состоявшій во главѣ посольства архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ съ освященнымъ собо-

*) По изволенію въ 1859 г. императора Александра II, посѣтившаго въ 1837 и 1858 годахъ этотъ дворецъ, произведена реставрація его въ древнемъ видѣ, по плану архитектора Московской дворцовой конторы Рихтера, съ тѣмъ, чтобы кельи на самомъ дѣлѣ напоминали царскій дворецъ въ стилѣ XVII в. При возобновленіи ихъ повелѣно было взять за образецъ принадлежавшій Михаилу Ѳеодоровичу древній домъ въ Москвѣ, существующій доселѣ на Варваринской улицѣ. Реставрація окончена осенью 1863 г. и 30 сентября новый дворецъ торжественно освященъ костромскимъ архіепископомъ Платономъ въ присутствіи президента Московской дворцовой конторы князя Н. Трубецкого, всѣхъ властей города и всего городского духовенства.

ромъ, въ преднесеніи хоругвей,—принесенныхъ изъ Москвы святынь—Животворящаго Креста, Владимірской иконы Божіей Матери и иконъ св. Московскихъ Чудотворцевъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ въ Новоселкахъ, открылъ торжественное шествіе отсюда къ Ипатіеву монастырю. И, вотъ, эта духовная процессія прослѣдовала по р. Волгѣ и затѣмъ прибыла къ устью р. Костромы, гдѣ на нѣкоторое время пріостановилась.

Между тѣмъ, сюда же, при величественномъ колокольномъ звонѣ во всѣхъ костромскихъ церквахъ, уже направлялся изъ Успенскаго соборнаго храма торжественный крестный ходъ въ преднесеніи св. крестовъ, чудотворнаго Ѳеодоровскаго образа Богоматери и другихъ св. иконъ. Крестное шествіе сопровождалось облаченнымъ въ свящ. дорогія одежды соборнымъ и городскимъ духовенствомъ во главѣ съ протоіереемъ Алексѣемъ и богоявленскимъ игуменомъ Арсеніемъ, вмѣстѣ съ множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и жителей города. Костромской крестный ходъ двинулся изъ Костромского Кремля чрезъ Спасскія въѣзжія ворота и прослѣдовалъ Спасскимъ деревяннымъ на клѣткахъ мостомъ, чрезъ бывшій прежде тутъ ровъ. Мостъ этотъ находился противъ нынѣшней, принадлежащей Богоявленскому монастырю, часовни во имя Христа Спасителя и по противоположному направленію къ соборной часовнѣ. Затѣмъ крестная процессія слѣдовала по возвышенной той линіи, гдѣ нынѣ дорога между Гостинымъ дворомъ и Прянич нымъ рядомъ, далѣе—мимо Предтеченской церкви, а потомъ или внизъ—по пути къ нынѣшней дух. семинаріи или, вѣроятнѣе, прослѣдовала далѣе на Мшанскую улицу до деревянной Ѳеодоровской на Сулѣ соборной церкви, которая тогда уже довольно обветшала, ибо спустя 15 лѣтъ, по извѣстію писцовыхъ книгъ 1628–1630 г.г., стояла «безъ пѣнія» (Ѳеодоровская церковь была вблизи нынѣшней Богоотцовской церкви, пристроенной съ 1768 по 1771 г. въ подворьѣ Симеоновскаго монастыря, упраздненнаго въ 1761 году). Отсюда крестный ходъ поворотилъ по направленію къ р. Волгѣ—внизъ по Симеоновской улицѣ—что нынѣ отъ Богоотцовской церкви, по линіи къ женской гимназіи, и прибылъ къ устью рѣки Костромы, впадающей въ р. Волгу, и здѣсь-то соединился съ Московскимъ крестнымъ ходомъ.

Отъ этого какъ бы сборнаго пункта, соединенная процессія священныхъ соборовъ, въ совокупности Московскихъ и Костромскихъ великихъ святынь, въ сопровожденіи множества сановниковъ и народа, величественно, при умилительномъ пѣніи священныхъ пѣснопѣній, съ подобающимъ священной важности благолѣпіемъ, слѣдовала по льду р. Костромы до самаго Ипатіева монастыря, къ которому и прибыла—съ восточной стороны каменной его ограды, гдѣ одни *) ворота, надъ коими въ 1586–87 годахъ устроенъ былъ храмъ во имя св. м. Ѳеодора и св. м. Ирины (вѣроятно, въ честь тезоименитства царя Ѳеодора Ивановича и супруги его Ирины), назывались святыми. Какъ только крестный ходъ оказался напротивъ этихъ св. воротъ—восточныхъ **), раздался стройный звонъ колоколовъ, на устроенной въ 1603 году Д. И. Годуновымъ звонницѣ, возвѣщая о приближеніи крестныхъ шествій къ самому монастырю. И вотъ, на встрѣчу соединеннымъ крестнымъ ходамъ выступила изъ Троицкаго соборнаго храма духовная процессія во главѣ съ архимандритомъ монастыря Кирилломъ, и вмѣстѣ благовѣрные инокиня Марѳа и сынъ ея Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Вблизи самаго входа въ св. врата, инокиня и Михаилъ Ѳеодоровичъ съ благоговѣніемъ поклонились великимъ святынямъ и смиренно приняли благословеніе отъ архіепископа Ѳеодорита, и затѣмъ, несомнѣнно, чрезъ эти восточныя святыя ворота ***) послѣдовало торжественное шествіе процессіи въ монастырь. По вступленіи въ св. обитель, посольство тотчасъ же въ лицѣ представителя синклита боярина Ѳ. И. Шереметева привѣтствовало Романовыхъ и объявило имъ, зачѣмъ прислано. Но, къ удивленію и горести московскаго посольства, избранники Романовы со смиреніемъ, но рѣшительно отказались принять столь почетныя предложенія, причемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ не соглашался принять на себя тяжелое бремя правленія по своей молодости и неопытности въ управленіи при столь бѣд-

---

*) Другія ворота вблизи ихъ, по срединѣ ограды были въѣзжія съ привратными кладовыми и назывались водяными воротами, такъ какъ выходили на берегъ р. Костромы.

**) Во второй половинѣ XVIII вѣка эти ворота, несмотря на свою историческую знаменитость, были закрыты въ виду обветшалости ихъ. Во исполненіе Высочайшей воли отъ 1834 г., эти св. ворота, какъ историческій памятникъ государства, вновь заложены 25 іюня 1840 г. по плану архитектора Тона, съ возведеніемъ надъ ними церкви во имя св. Хрисанѳа и Даріи, празднуемыхъ 19 марта, въ каковой день совершился въѣздъ царя Михаила Ѳеодоровича (чрезъ западныя ворота, гдѣ зеленая башня) въ г. Москву, при чемъ послѣ молебна, по случаю этой закладки, воспѣта, послѣ многолѣтій, вѣчная память въ Бозѣ почившему Михаилу Ѳеодоровичу. Церковь эта, устроенная съ 25 іюня до октября, обрушилась, но вновь устроена по указу Св. Сѵнода отъ 25 марта 1854 г. и освящена 10 мая 1859 года.

***) Нынѣшнія сѣверныя ворота устроены въ 1766–67 годахъ епископомъ Дамаскинымъ, по случаю прибытія императрицы Екатерины II въ 14–15 дняхъ мая, вмѣсто уже ранѣе существовавшихъ небольшихъ воротъ частныхъ.

ственномъ состояніи Россіи, раззоренной и измученной поляками, шведами и русскими крамольниками, а мать его Марѳа прибавила, что не благословляетъ сына на царство. Послы тогда стали просить обоихъ Романовыхъ—стать на первомъ мѣстѣ въ священной процессіи, чтобы съ нею слѣдовать въ Троицкій соборный храмъ монастыря, и они, внявъ этой просьбѣ, послѣдовали сюда за святынями. Здѣсь посольство поднесло Михаилу Ѳеодоровичу грамату объ избраніи его на россійскій престолъ, по прочтеніи длинной рѣчи по наказу, подало инокинѣ Марѳѣ грамату просительную о благословеніи сына ея на царство. Марѳа тогда говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть Государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались,—давъ свои души прежнимъ Государемъ; не прямо служили». Марѳа упомянула объ измѣнѣ Б. Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, о сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ В. Шуйскаго; потомъ продолжала: «видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному Государю Государемъ? Да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей раззорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и запустошены, и служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть Царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа говорили, «что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство—только на гибель; кромѣ того, отецъ его, митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненіи, и какъ свѣдаетъ король, что на московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя».

Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, «чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанію: положилъ Богъ единомышленно на сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка—разстрига своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василія выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею, да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». Послы продолжали молить и бить челомъ Михаилу Ѳеодоровичу и матери его съ третьяго часа до девятаго,—говорили, чтобъ онъ воли Божіей не противился, былъ на Московскомъ царствѣ государемъ. Однако, юный Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что «Богъ взыщетъ на немъ конечное разоренье государства». Когда человѣческія убѣжденія и здѣсь оказались безуспѣшными предъ непреклонною волею юнаго Михаила,—архіепископъ Ѳеодоритъ и келарь А. Палицынъ прибѣгли къ содѣйствію Царицы Небесной. Взявши честные кресты и чудотворныя иконы,—Ѳеодоритъ Влад. икону Богоматери, написанную св. митрополитомъ Петромъ, а Авраамій Палицынъ—икону Трехъ Московскихъ святителей, они приблизились къ Михаилу Ѳеодоровичу, при чемъ архіепископъ твердымъ голосомъ произнесъ: «Не будь противенъ волѣ Божіей! не мы предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія Матерь возлюбила тебя,—устыдись пришествія Ея!» Эта столь торжественная минута рѣшила участь россійскаго государства. При воззрѣніи на ликъ Богоматери, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа потрясены были до глубины души; твердость ихъ поколебалась. Проникнутая дивною преданностію волѣ Всевышняго, инокиня-старица наконецъ выразила свое согласіе и внушительно сказала сыну: «Исполни волю Божію! Это—Божье дѣло, а не человѣческій разумъ!» Тогда лишь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъявилъ свое согласіе принять скипетръ русскаго самодержавія: «Буди тако, если на это дѣло есть воля Божія!» сказалъ онъ. Вслѣдъ за этимъ инокиня Марѳа, взявши сына за руку

и вмѣстѣ съ нимъ въ рыданіи преклонивши колѣна предъ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Божіей Матери, произнесла: «се Тебѣ, о Богомати, въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое! наставь его на путь истинный, устрой ему полезная и всему православному христіанству!» Несомнѣнно, надобно было имѣть много героизма, чтобы въ виду смутъ и ужасающихъ умъ и сердце неурядицъ, отдать сына на служеніе Россіи, благословить на расшатанный престолъ, окруженный хотя и раскаявшимися, но все же клятвопреступниками. Тотчасъ же былъ возложенъ на Михаила Ѳеодоровича Животворящій Крестъ, поднесенъ ему царскій скипетръ и предложенъ царскій тронъ, на которомъ самодержецъ всей Россіи и выслушалъ бож. литургію, а по окончаніи ея, торжественное молебствіе о царскомъ здравіи, съ возглашеніемъ многолѣтія царю богоизбранному, благородному и благовѣрному великому государю—царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, самодержцу всея Россіи.

Съ тѣхъ поръ, по случаю этого воцаренія при явной волѣ Божіей, день, 14 марта доселѣ празднуется православною русскою церковію въ честь Ѳеодоровской иконы Божіей Матери. Описанное событие издревле изображено фресками въ галлереѣ Успенскаго соборнаго храма въ трехъ картинахъ, съ объясненіемъ ихъ въ особомъ между ними клеймѣ. Въ первой картинѣ представлено шествіе въ Ипатіевъ монастырь московскаго посольства, и костромского церковнаго чина, и народа въ преднесеніи святынь Московскихъ и Костромской Ѳеодоровской иконы Богоматери; во второй картинѣ—ходатайство представителей Россіи предъ инокинею Мареою о дарованіи ею согласія и благословенія юному ея сыну Михаилу на принятіе самодержавства россійскаго, а въ третьей картинѣ изображено самое воцареніе Михаила Ѳеодоровича въ Троицкомъ храмѣ Ипатіева монастыря. Въ этомъ монастырѣ памятниками великаго историческаго событія 14 марта 1613 года являются, хранящіеся въ ризницѣ, несенные въ процессіи московскаго посольства, Владимірская икона Божіей Матери съ изображеніемъ 8 святыхъ въ дробницахъ и крестъ деревянный въ басемномъ окладѣ—обѣ святыни съ рукоятками; также большой фонарь изъ желѣза на деревянной рукояти, по слюдѣ обложенный мѣдными бордюрами, съ шатровымъ верхомъ въ видѣ короны съ 10 зубцами, завершенными каждый грушеобразною главою. Чрезъ знаменательное для всей России событіе воцаренія Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ, послѣдній пріобрѣлъ себѣ, несомнѣнно, важное историческое значеніе, а вмѣстѣ—и г. Кострома. Представляется справедливымъ сказать, что если, по суду исторіи, Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелью монархіи, Кіевъ знаменитъ купелію христіанства въ Россіи, а въ Москвѣ спаслись отечество и вѣра, то въ 1613 году и знаменитость Новгорода и честь Москвы совокупно перешли на г. Кострому, изъ котораго вышелъ на спасеніе отечества и вѣры родоначальникъ царственнаго, благословеннаго Богомъ, державнаго Дома Романовыхъ.

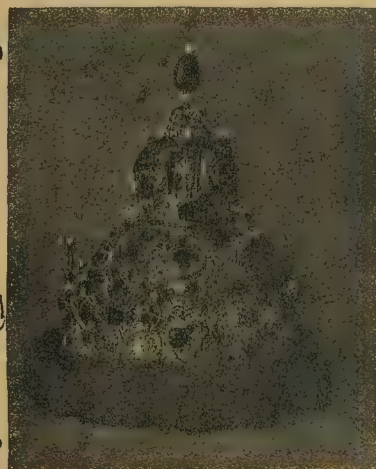
По воцареніи Михаила Ѳеодоровича въ Троицкомъ Ипат. храмѣ, московское посольство стало просить его, поспѣшно ѣхать въ Москву, и онъ, отпустивъ пословъ, сказалъ, что «поѣдетъ въ Москву скоро». 19 марта царь Михаилъ Ѳеодоровичъ торжественно былъ сопровождаемъ до, т. н. Зеленой башни Ипатіева монастыря и затѣмъ отправился въ Москву чрезъ Ярославль. Спрашивается теперь: долго ли Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 г.? Извѣстно, что, по освобожленіи изъ польскаго заключенія въ Москвѣ въ октябрѣ 1612 года, Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа отправились на жительство въ свою Костромскую вотчину—Домнино. Отсюда они, несомнѣнно путешествовали на Унжу, въ Макарьевскій монастырь для поклоненія св. мощамъ преп. Макарія. Паломническое путешествіе это было тогда, когда отецъ Михаила—митрополитъ Филаретъ пребывалъ еще въ Польшѣ, оставленный поляками въ видѣ заложника, или, точнѣе, послѣ того, какъ они въ самомъ концѣ октября или въ началѣ ноября 1612 года прибыли въ с. Домнино изъ Москвы. Если примемъ во вниманіе, что путешествіе въ Макарьеву обитель требовало времени, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько недѣль, то, судя по одному этому должны заключить, что Михаилъ и инокиня Романовы, для безопасности отъ нападеній поляковъ, могли переселиться въ Ипатіевъ монастырь отнюдь не ранѣе самаго конца 1612 года или, вѣрнѣе, въ началѣ 1613 года. Съ другой же стороны, польскій отрядъ получилъ порученіе отъ своихъ командировъ отыскать и схватить будущаго русскаго царя Михаила Ѳеодоровича, и затѣмъ прибылъ съ этой цѣлью въ Костромскую его вотчину, конечно, тогда, когда онъ былъ намѣченъ царемъ не ранѣе 7 февраля, а, можетъ быть, когда онъ былъ уже избранъ на

царство въ Москвѣ 21 февраля 1613 года. Слѣдовательно, поляки до февраля 1613 года, не имѣли повода разыскивать всероссійскаго избранника на царство, и были въ Домнинѣ, или не ранѣе какъ въ первой половинѣ февраля, или даже въ началѣ марта 1613 года. По всѣмъ же историческимъ памятникамъ Михаилъ Θеодоровичъ оставилъ свое вотчинное село Домнино только съ появленіемъ искавшихъ его поляковъ, по извѣщеніи Сабининымъ объ опасности немедленно уѣхавъ окрестными дорогами въ Ипатіевъ монастырь. Если такъ, то Михаилъ Θеодоровичъ со времени укрывательства въ этомъ монастырѣ до своего отбытія изъ него въ Москву 19 марта 1613 г. пребывалъ немного больше, если только не меньше, одного мѣсяца, приблизительно съ половины февраля (времени нашествія поляковъ въ Домнино) до 19 марта 1613 года, въ какой день онъ съ матерью инокинею отправился въ столицу государства.

Путешествіе царя Михаила Θеодоровича въ Москву было чрезвычайно медленное, такъ какъ раззоренныя дороги долго не могли служить удобнымъ путемъ. Когда онъ прибылъ въ г. Ярославль, остановившись въ Спасскомъ монастырѣ, здѣсь стали стекаться изъ сосѣднихъ городовъ на поклонъ ему — государю, многіе дворяне, дѣти боярскія, торговые люди и вообще народъ большими толпами, выражая свои симпатіи молодому царю. Въ Ярославлѣ онъ оставался мѣсяцъ, частію изъ-за весенней распутицы, частію въ виду происходившихъ въ Москвѣ неустройствъ, давая возможность дѣламъ придти въ большій порядокъ, а столицѣ приготовиться къ должному принятію новоизбраннаго царя, почему между Михаиломъ Θеодоровичемъ и Великою Земскою Думою происходили дѣятельныя сношенія и взаимная пересылка граматами. Уже въ срединѣ апрѣля, когда прошелъ ледъ и сбыла вода, царь съ своею свитою двинулся дальше къ Москвѣ, потребовавши, чтобы къ его пріѣзду приготовили ему помѣщеніе. Путь Михаила Θеодоровича въ Москву былъ настоящимъ торжественнымъ шествіемъ: народъ выходилъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало при церквахъ съ хоругвями и иконами. Проѣхавши черезъ Ростовъ и Переяславль Залѣсскій, царь Михаилъ Θеодоровичъ 26 апрѣля былъ уже около Троице-Сергіева монастыря. Въ послѣднемъ онъ молился чудотворнымъ иконамъ и покланялся многоцѣлебнымъ мощамъ. Наконецъ, въ воскресенье 2 мая, Москва, съ освященнымъ соборомъ и со крестами, съ боярами, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, за городомъ торжественно и восторженно встрѣтила юнаго царя. Съ матерію инокиней Марθою, они прибыли прямо въ Успенскій соборъ, гдѣ совершены были молебны,—отсюда прошли въ Архангельскій и потомъ Благовѣщенскій соборы. Затѣмъ Михаилъ Θеодоровичъ расположился въ Кремлевскомъ дворцѣ въ ремонтированномъ верхнемъ теремѣ царицы Анастасіи Романовны,—а для старицы Марθы приготовлены были хоромы въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ 11-й день іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило вѣнчаніе Михаила Θеодоровича на царство.

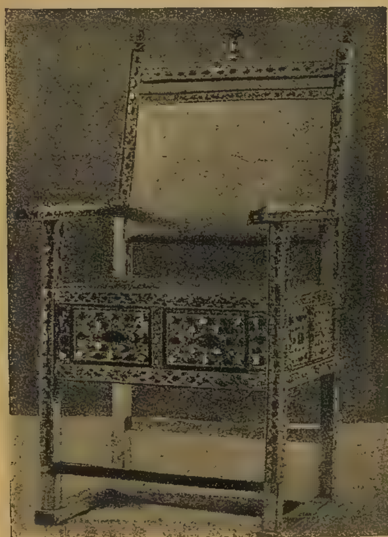
Священнодѣйствіе царскаго вѣнчанія Михаила Θеодоровича было совершено Ефремомъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ, по тому же уставу, по какому оно съ обычными обрядами и церемоніями было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Θеодоромъ Ивановичемъ. Предъ выходомъ на коронованіе въ соборную церковь государь сѣлъ въ золотой (расписанной по золотому полю) палатѣ на царскомъ мѣстѣ, и соизволилъ пожаловать въ боярскій санъ двухъ стольниковъ: свойственника семьи Романовыхъ, князя Ивана Б. Черкасскаго и знаменитаго воеводу князя Димитрія М. Пожарскаго. Сперва предъ литургіей, торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ Успенскій соборъ. Предъ началомъ литургіи на него возложенъ былъ царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ совершено надъ Михаиломъ Θеодоровичемъ священное мѵропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадлежалъ римскому императору Августу, и изъ котораго донынѣ помазываются на царство наши государи. Потомъ, Богомъ вѣнчанный и помазанный Царь пріобщился Тѣла и Крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ—корону и шапку Мономахову бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, скипетръ—князь Димитрій Тим. Трубецкой, державу (яблоко)—Дм. Мих. Пожарскій. Послѣ вѣнчанія на царство старѣйшій бояринъ князь Θ. И. Мстиславскій три раза осыпалъ государя золотыми: въ Успенскихъ дверяхъ, потомъ въ дверяхъ при выходѣ изъ Архангельскаго собора и послѣ выхода изъ Благовѣщенскаго собора, на Золотой лѣстницѣ подлѣ Грановитой палаты. Въ этой палатѣ были устроены

Михаилъ Θеодоровичъ,
(первый царь изъ Дома Романовыхъ).

Царскій вѣнецъ.

Скипетръ, тронъ и держава царя Михаила Θеодоровича.

пиршественные столы для духовенства, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. Въ слѣдующее число — 12 іюля, Государь праздновалъ день своего ангела, и въ этотъ день пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне. Три дня шумно и радостно праздновала Москва вступленіе Михаила на престолъ. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ Михаила на царство», говорилъ народъ. Коронаціей Михаила Θеодоровича начинается въ Россіи новый періодъ, и вмѣстѣ кончается смутная эпоха.

Теперь, бросая бѣглый взглядъ на, предшествовавшій воцаренію Михаила Θеодоровича, смутный періодъ, мы не можемъ не сказать, что основная причина смуты заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудности найти основателя новой царской династіи такого,—какому были-бы вполнѣ подходящи шапка и бармы Мономаха, вѣнчавшія наслѣдственныхъ, прирожденныхъ государей нашихъ. Если бы царь Θеодоръ Ивановичъ предъ смертію указалъ патріарху преемника себѣ въ лицѣ царственнаго и любимаго народомъ боярина Θеодора Никитича Романова, тяжкій вопросъ о новомъ царѣ и царствующемъ домѣ тогда же разрѣшился-бы: и смуты не послѣдовало бы, той смуты, которая дошла до междуцарствія, до лихолѣтья, до полнаго разрушенія россійскаго государства. Но Θеодоръ Ивановичъ не сдѣлалъ этого: онъ не указалъ и на своего шурина, тогдашняго правителя государства Бориса Θ. Годунова. И народъ, по необходимости, долженъ былъ самъ, въ лицѣ высшихъ правительственныхъ лицъ, рѣшать трудный вопросъ, — кому вручить верховную власть въ государствѣ. По взгляду историка Д. И. Иловайскаго, «вообще на смутное время можно смотрѣть, какъ на историческое горнило или тяжелое испытаніе, ниспосланное русскому народу, которое онъ выдержалъ до конца, и въ которомъ еще болѣе закалились его терпѣніе и преданность Божественному Промыслу. Отъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ въ эту эпоху Русь освободилась одними собственными силами, безъ всякой посторонней помощи, какъ и отъ ига татарскаго. Смута дала возможность обнаружиться и высказаться всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ государственной и народной жизни и всѣмъ другимъ сокамъ, накопившимся въ теченіе предыдущаго періода» (267 стр. Смутное время Московскаго Государства, М., 1894 г.). К. С. Аксаковъ видитъ въ смутѣ торжество «земли», и послѣдствіемъ смуты считаетъ укрѣпленіе союза «земли» и «государства» или правительства; во время смуты, «земля» встала какъ единое цѣлое и возстановила государственную власть, спасла государство и скрѣпила свой союзъ съ нимъ. Но этотъ смутный періодъ, составляющій самое тяжкое во всей россійской исторіи пятнадцатилѣтіе, ясно показалъ, что народъ русскій безусловно чуждъ революціонныхъ стремленій и представляетъ поразительную преданность чистой, неограниченной, безъ смѣшенія къ народовластіемъ, наслѣдственной самодержавной монархіи, какъ увидимъ въ концѣ третьей главы, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была многовѣковымъ историческимъ трудомъ ко времени Іоанна III, и въ какомъ существовала при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ IV и сынѣ его Θеодорѣ Ивановичѣ.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

(1613—1645).

Въ самомъ началѣ, и вообще въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича, Россійское государство находилось въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Смутное время сильно раззорило Россію, обезлюдило ее,—города и селенія были тогда выжжены и множество полей оставалось въ запустѣніи. Государственная казна была совершенно пуста; даже милостей и льготъ Михаилъ Θеодоровичъ не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія; нечѣмъ было не только жаловать служилыхъ людей, но даже отстроить кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Вся Москва, раззоренная поляками, находилась въ развалинахъ. И вотъ, московское правительство при царѣ Михаилѣ прежде всего озаботилось о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ государства. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя въ Москву, соборомъ въ маѣ 1613 года приговорили: собрать недоимки, пригласить, особенно торговыхъ людей, по мѣрѣ силъ вносить въ казну деньгами, хлѣбомъ, сукнами и другими товарами на жалованье ратнымъ людямъ; также просить денегъ взаймы у немногихъ людей достатка; приходилось просить даже у торговыхъ иностранцевъ, и отъ Англіи принять заимообразно денежное пособіе въ 20 тысячъ рублей. Особая грамата отъ царя и особая отъ собора московскаго были отправлены въ Сольвычегодскъ къ извѣстнымъ солепромышленникамъ Максиму Я., Никитѣ Г. и Петру С. Строгановымъ съ просьбой о денежной помощи раззоренному государству. И они въ 1614 году прислали добровольно три тысячи рублей, представлявшихъ для тогдашняго времени довольно значительную сумму. Годъ спустя, указомъ государя и приговоромъ великой земской думы назначенъ по крайней необходимости сборъ «пятой доли» и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества посадскихъ людей, т. е. гостей, торговыхъ и черныхъ людей, а уѣздные люди, крестьяне обложены были по 120 рублей съ сохи «живущей» или обрабатываемой (соха равнялась 800 десятинамъ приблизительно). Строгановымъ приходилось по разверсткѣ приплатить 13.800 рублей; въ 1616 году предписано имъ прислать въ Москву полные 16 тысячъ рублей, а затѣмъ постановлено взыскать со Строгановыхъ еще 40 тысячъ рублей въ счетъ будущихъ съ нихъ податей и пошлинъ, и царь Михаилъ Θеодоровичъ просилъ ихъ «не пожалѣть животовъ своихъ».

Насколько села и деревни вообще были раззорены и земля обезлюдѣла, достаточно видно изъ сообщеній иностранныхъ пословъ о томъ, что, проѣзжая сотни верстъ, они встрѣчали сильно разоренные села и города съ домами, наполненными трупами; въ домахъ же нельзя было отъ трупнаго запаха пріютиться на ночлегъ и приходилось ночевать въ полѣ. Такъ, одинъ изъ голландскихъ пословъ, пріѣзжавшій въ это время въ Москву, пишетъ, что на пути изъ Ревеля въ Новгородъ гол-

ландцы нигдѣ не находили селеній, и почти всегда должны были ночевать въ лѣсу; лишь изрѣдка встрѣчался имъ гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. На пути изъ Новгорода въ Москву, они также находили много необитаемыхъ хижинъ, ночевали въ опустѣлыхъ деревняхъ и прежде, нежели пріютиться въ избѣ, вынуждены были выносить изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками. Чтобы имѣть наглядное, вполнѣ вѣрное представленіе о степени опустошенія Россіи, приведемъ подлинное донесеніе изъ Углича. «На Угличѣ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцовъ и вортниковъ нѣтъ ни одного человѣка, только шесть человѣкъ пушкарей да и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ Углическаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; зелейной пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди отъ кабацкаго недобора и отъ великой хлѣбной дороговизны, съ женами и дѣтьми побрели розно, а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены и разорились безъ остатка, а изъ уѣзда сошные люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не поѣдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ». По словамъ историка С. Соловьева, ни одинъ Угличъ, а многіе города, въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича находились въ точно такомъ же положеніи.

Слишкомъ мало было въ Россіи всякихъ средствъ и самыхъ людей для государственныхъ нуждъ, между тѣмъ враговъ было очень много, и они, по воцареніи Михаила Θеодоровича, продолжали терзать Русь и внутри и извнѣ. Внутри государства казацкія шайки и разные воры и разбойники продолжали бродить повсюду и все грабили и опустошали. Но особенный страхъ наводилъ неутомимый польскій наѣздникъ Лисовскій, который съ необыкновенной быстротой переходилъ изъ одного края Руси въ другой, и на своемъ пути все истреблялъ безпощадно. На юговостокѣ Россіи злодѣйствовалъ атаманъ Заруцкій, при которомъ находилась жена Лжедимитрія съ трехлѣтнимъ сыномъ Ивашкой, котораго Заруцкій мечталъ посадить на московскій престолъ, чтобы его именемъ управлять государствомъ. Города пограничные находились въ рукахъ враговъ: Кексгольмъ, Орѣшекъ и самый Новгородъ были заняты шведами, и ихъ король Густавъ Адольфъ, желая возвести на московскій тронъ своего брата Филиппа, осаждалъ Псковъ, Смоленскъ, Дорогобужъ; Черниговъ занимали поляки. Владиславъ королевичъ грозилъ юному Михаилу Θеодоровичу отнять у него врученный ему царскій скипетръ. Тула съ трудомъ защищалась отъ татаръ крымскихъ и ногайскихъ. Казань волновалась. Шайки запорожцевъ, отряды поляковъ и татаръ бродили внутри Россіи, большею частію опустошенной.

При такомъ безотрадномъ состояніи Михаилъ Θеодоровичъ, несмотря на свою неопытность при молодости, устремился къ освобожденію Россіи отъ враговъ и насажденію въ ней порядка, разрушеннаго въ смутное время. Возстановивъ средства государственной казны, установленнымъ сборомъ податей и недоимокъ, также займомъ отъ Строгановыхъ значительной суммы денегъ, царь Михаилъ началъ дѣйствія противъ внутреннихъ враговъ, изъ нихъ же Заруцкій являлся наиболѣе опаснымъ, и потому на него прежде всего было обращено главное вниманіе.

Вскорѣ послѣ того, какъ Москва праздновала возвращеніе государства къ порядку, и послѣ ряда случайныхъ похитителей трона наконецъ увидѣла царя, избраннаго всей землей и, слѣдовательно, вполнѣ законнаго, оказалось, что на югѣ государства поднималась опять воровская смута. Атаманъ казаковъ Заруцкій и Марина Мнишекъ не переставали провозглашать трехлѣтняго мнимаго царевича Ивана (Димитріевича) наслѣдникомъ россійскаго престола и призывали къ себѣ вольницу. Казаки великорусскіе въ большинствѣ уже обращались къ новоизбранному царю Михаилу Θеодоровичу, надѣясь, что, онъ, избранный съ участіемъ ихъ, будетъ царемъ желаннымъ и для нихъ; но по Московской Руси тогда бродило множество черкесъ (малоруссовъ): они были чужіе Московскому государству и по сердцу, и по преданіямъ и готовились терзать его. Они стеклись къ Заруцкому. Еще на своемъ пути въ Москву молодой царь Михаилъ потребовалъ отъ бояръ посылки войска противъ Заруцкаго, который съ своими казацкими шайками держался на Рязанской и Тульской окраинѣ. Противъ него отправили войско подъ предводительствомъ князя Одоевскаго, и оно послѣ упорной битвы разбило вольницу Заруцкаго подъ Воронежемъ и заставило ихъ предводителя и Марину съ Ивашкою убѣжать на Донъ, къ Медвѣдицѣ. Это

пораженіе Заруцкаго было первою побѣдою новаго царя, и о Заруцкомъ больше не стали думать, полагая, что онъ не будетъ больше вредить Россіи.

Но Заруцкій, къ веснѣ 1614 года, оказался въ Астрахани и тамъ нашелъ себѣ притонъ, при чемъ старался привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обольщая ихъ надеждою на богатую добычу и обѣщаніями всякихъ вольностей. Набравши себѣ вольницы многое множество, Заруцкій изъ Астрахани уже выступилъ съ широкой затѣей. Онъ задумалъ накликать на Русь силы персидскаго шаха Аббаса, вовлечь въ дѣло и Турцію, поднять юртовскихъ татаръ, ногаевъ, волжскихъ казаковъ, стянуть къ себѣ всѣ бродячія шайки черкесъ и воровъ Московскаго государства, и со всѣми ими идти вверхъ по Волгѣ—покорять своей власти города. Заруцкій желалъ склонить персидскаго шаха обѣщаніемъ отдать г. Астрахань, но шахъ не захотѣлъ ссориться съ Московскимъ государствомъ, и людей и казны Заруцкому не далъ. У донскихъ казаковъ Заруцкій встрѣтилъ мало симпатій: они остались вѣрны Михаилу Ѳеодоровичу; склонилась же на его сторону лишь часть волжскихъ казаковъ,—сбродъ разныхъ бѣглецовъ, жившихъ станицами по берегамъ Волги, ниже истребленнаго тогда г. Саратова. Терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались Заруцкому. Московское правительство хорошо понимало, что казаки представляютъ собой большую силу, и потому затѣя Заруцкаго съ казаками не могла оставаться безъ вниманія со стороны правительства. Вновь посланъ былъ воевода князь Одоевскій для очищенія Астрахани и Поволжья отъ злодѣевъ, разорявшихъ города и проливавшихъ кровь. Заруцкій, между прочимъ, особенно неистовствовалъ надъ духовенствомъ,—топилъ священниковъ и монаховъ, грабилъ ихъ жилища, и въ поруганіе святыни приказалъ сдѣлать себѣ стремена изъ серебрянаго кадила Троице-Сергіева монастыря.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, посылая Одоевскаго противъ атамана Заруцкаго, не хотѣлъ проливать крови христіанской, а потому Заруцкому была отправлена увѣщательная грамата отъ царя и освященнаго собора духовенства и великой земской думы. Въ царской граматѣ было, между прочимъ, писано къ Заруцкому,—«чтобы онъ отъ такихъ неприличныхъ дѣлъ отсталъ»: государь обѣщалъ «по своему царскому милостивому праву отдать вины Заруцкому и поправить ихъ царскимъ милосердіемъ». Вмѣстѣ съ граматами къ Заруцкому отправлены были граматы къ донскимъ и волжскимъ казакамъ съ увѣщаніемъ ихъ—не вѣрить «злодѣйской прелести Ивашки Заруцкаго и Сендомирской дочери, быть въ состояніи неотступномъ со всѣмъ великимъ Россійскимъ Государствомъ, и итти на государеву службу на спѣхъ за православную вѣру и за роззореніе великихъ Россійскихъ государствъ и за свою христіанскую природу и за отечество». Увѣщанія эти подкрѣплялись посылкою на Донъ и Волгу царскихъ подарковъ деньгами, сукнами, хлѣбными и военными припасами. Воевода И. Одоевскій и окольничій С. Головинъ прибыли въ Казань и стали ожидать ратныхъ людей изъ сосѣднихъ городовъ. Между тѣмъ, съ сѣвера шла голытьба на помощь Заруцкому, но была перехвачена на полупути. Въ Астрахани произошло возмущеніе противъ него—вслѣдствіе его жестокихъ казней недовольныхъ гражданъ и грабежа ихъ имущества, и небольшой, въ 700 человѣкъ стрѣлецкій отрядъ подъ начальствомъ В. Хохлова, выгнавъ его изъ астраханскаго кремля, гдѣ атаманъ заперся съ 800 волжскихъ казаковъ и нѣсколькими сотнями другихъ мятежникевъ, разбилъ его. Заруцкій бѣжалъ въ маѣ 1614 года и былъ взятъ на Яикѣ, на Медвѣжьемъ островѣ—въ острожкѣ вмѣстѣ «съ Маринкою и Ивашкою». 6 іюля эти плѣнники привезены въ Астрахань, откуда 13 іюля «съ великимъ береженьемъ скованныхъ» ихъ отправили въ Казань, а оттуда по государеву указу въ Москву. Вскорѣ, по пріѣздѣ сюда послѣдовала казнь Заруцкаго: его посадили на колъ, Марина же, по свидѣтельству русскихъ, окончила свое бурное, полное великихъ превратностей, существованіе въ тюрьмѣ—отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ, а по свидѣтельству поляковъ, была умерщвлена. Четырехлѣтній сынъ ея Ивашка былъ повѣшенъ.

Уничтоженъ былъ внутренній врагъ Заруцкій, одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ; умиротворены Волга и Донъ; оставалось покончить съ воровскими казачьими шайками, которыя разсѣялись по всѣмъ областямъ государства, всячески громили Русь внутри страны и на сѣверѣ (особенно на верхнемъ Поволжьи, въ Пошехоньи, Бѣлозерскомъ, Бѣжецкомъ и другихъ сосѣднихъ краяхъ). Земскій соборъ 1 сентября 1614 года, по предложенію царя обсуждая вопросъ о мѣрахъ противъ воровскихъ казаковъ, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія суздальскаго архіепископа Герасима и князя Б. М. Лыкова. Отправленный по рѣ-

шенію собора, Лыковъ извѣщалъ, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ главный казацкій атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ, послѣ переговоровъ съ Лыковымъ, порѣшила идти къ Москвѣ, говоря, что хочетъ бить челомъ государю. Подойдя къ ней, казаки остановились по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ, и отсюда прислали къ государю бить челомъ, что они хотятъ ему служить; когда начали составлять списки тѣхъ, которые отстанутъ отъ воровъ, чтобы служить и прямить государю, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то же время, пришелъ къ Москвѣ съ сѣвера князь Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы окольничій Измайловъ, и вмѣстѣ они напали на казаковъ. Послѣдніе нѣсколько разъ на голову были разбиты царскимъ войскомъ, послѣ чего значительная часть казаковъ присягнули на вѣрную службу, а другіе разбѣжались. Часть казаковъ (болѣе 3 тысячъ) была переловлена и разослана по тюрьмамъ, Баловень былъ схваченъ и казненъ чрезъ повѣшеніе.

Одновременно съ Заруцкимъ и казаками московское государство терпѣло разоренія отъ литовскихъ шаекъ, благодаря тому, что начатая въ смутное время Сигизмундомъ III война съ Москвою не прекращалась. Самымъ отчаяннымъ и неугомоннымъ хищникомъ въ это время явился отважный полковникъ Лисовскій, который раньше занималъ псковскіе пригороды съ свою хищною дружиною, явившеюся грабить Россію въ годы смутнаго времени. Тогда, какъ бродившіе по Россіи отряды были въ то время стѣснены царскими войсками, только съ шайкой Лисовскаго никакъ не могли справиться: онъ былъ неуловимъ съ своей хищной дружиной «лисовчиковъ», состоявшихъ изъ людей разныхъ націй. Противъ Лисовскаго въ іюнѣ 1615 года отправленъ былъ знаменитый князь Д. М. Пожарскій, и онъ съ 15 тысячами ратныхъ людей долго преслѣдовалъ его дружину, но безуспѣшно. Около Орла Пожарскій столкнулся съ Лисовскимъ и вступилъ въ бой; здѣсь передовые отряды перваго не выдержали и обратились въ бѣгство; но Пожарскій устоялъ на мѣстѣ, имѣя съ собою 600 человѣкъ, и едва не погибъ отъ 3000 лисовчиковъ. Пожарскій тогда огородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ, а Лисовскій, не зная, что у него такъ мало людей, не осмѣлился напасть; къ утру же къ Пожарскому явилось значительная помощь. Смѣлый наѣздникъ Лисовскій отступилъ и, преслѣдуемый погоней, искусно и чрезвычайно быстро пробирался между городами, опустошая все на своемъ пути и дѣлая обширный кругъ: онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромой по Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тверью и Серпуховымъ до Алексина и т. д. вокругъ Москвы. Когда Пожарскій тяжко заболѣлъ, и былъ отвезенъ въ Калугу, и другіе воеводы выступили противъ Лисовскаго уже не съ такой энергіей, послѣдній сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе; даже Москва не разъ вооружалась въ ожиданіи нападенія его. Наконецъ Лисовскій, много разоривъ и награбивъ, благополучно ушелъ въ Литву послѣ своего изумительно скораго перехода. Внезапная смерть Лисовскаго избавила Россію отъ этого опаснаго врага: въ 1616 году онъ, вслѣдствіе паденія съ лошади, сломалъ себѣ шею въ день, посвященный памяти преп. Сергія Радонежскаго чудотворца, который, по взгляду современниковъ, «наказалъ его за осаду Троицкой лавры».

Очищая московское государство отъ враговъ внутреннихъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не упускалъ изъ вида сильныхъ и грозныхъ враговъ внѣшнихъ, шведовъ и литво-поляковъ, съ которыми и былъ вынужденъ вести войны одновременно. Эти, враждебные сосѣди Россіи, не только старались удержать въ своихъ рукахъ захваченныя ими русскія области, но и отстаивали своихъ претендентовъ на московскій престолъ и не хотѣли признавать Михаила Ѳеодоровича законно-избраннымъ царемъ. Хотя наиболѣе опаснымъ врагомъ внѣшнимъ была Польша, но приходилось прежде считаться съ Швеціей, которая начала серьезную войну еще осенью 1614 года. Непріятности съ Швеціей царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ возможность прекратить однакоже скорѣе, чѣмъ съ Польшей. Король Густавъ-Адольфъ, со времени избранія Михаила на царство, лишился надежды доставить русскій престолъ брату своему Карлу-Филиппу, но, нуждаясь въ средствахъ, Густавъ подъ предлогомъ вознагражденія за понесенные убытки, вознамѣрился, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, присвоить нѣкоторыя изъ русскихъ областей (Новгородъ, г. Тихвинъ и др.). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ подъ Новгородъ противъ шведовъ большое войско подъ предводительствомъ князя Д. Т. Трубецкого, но полководецъ ихъ Делагарди разбилъ

его на голову при Бронницахъ. Задумавши присвоить новгородскую область, самъ король шведскій явился въ сѣверо-западной Руси, взялъ Гдовъ (1614 г.), а въ іюлѣ 1615 года выступилъ въ походъ противъ г. Пскова. Начальствовавшие въ этомъ городѣ воеводы В. П. Морозовъ и А. Бутурлинъ мужественно отразили всѣ нападенія шведовъ, которые три дня громили Псковъ, но безуспѣшно; даже въ одной изъ вылазокъ былъ убитъ храбрый шведскій фельдмаршалъ Э. Горнъ. Неустрашимая оборона Пскова принудила короля Густава при его недостаточныхъ силахъ снять осаду и вступить въ мирные договоры, тѣмъ болѣе, что шведское государство принуждено было тогда уже вести войну и съ Польшей, изъ-за притязаній Сигизмунда на корону шведскую. Переговоры продолжались цѣлый годъ, съ января 1616 года по февраль 1617 года, сначала въ Дедеринѣ (между Осташковымъ и Старой Руссой), а потомъ въ Столбовѣ. Слѣдствіемъ переговоровъ, при дѣятельномъ посредничествѣ англійскаго агента Джона Мерика, хлопотавшаго въ видахъ торговыхъ о скорѣйшемъ прекращеніи войны, было заключеніе мира въ деревнѣ Столбовѣ (близъ Тихвина) въ 1617 году.

По Столбовскому договору Густавъ-Адольфъ уступилъ русскимъ занятые шведами города: Новгородъ-Великій, Старую Руссу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу, а Россія уступила Швеціи—Иванъ-городъ, Ямбургъ и всю Ингерманландію (нынѣшнюю Петербургскую губернію), заплативъ, сверхъ того, 20 тысячъ серебряныхъ рублей: при этомъ Филиппъ, братъ Густава, отказался отъ притязаній на россійскій престолъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ не скорбѣть о потерѣ прибалтійскихъ областей, сближавшихъ торговлю и сношенія Россіи съ европейскими государствами, но, несмотря на это пожертвованіе, считалъ окончаніе войны съ Швеціей радостнымъ событіемъ, потому что къ Москвѣ возвратилась, имѣющая большое для нея значеніе, древняя Новгородская область, притомъ же однимъ претендентомъ на тронъ, какъ и однимъ врагомъ, стало меньше. Теперь возможно было смѣлѣе обращаться съ Польшей, усилить русское войско и употребить всѣ свои силы противъ упорнѣйшаго врага Россіи—короля Сигизмунда, почему царъ Михаилъ праздновалъ торжественно Столбовскій миръ. Густавъ-же Адольфъ остался очень доволенъ этимъ договоромъ, поскольку очень хорошо понималъ всю важность того обстоятельства, что въ рукахъ шведовъ оставалось все теченіе р. Невы, и русскіе теперь были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря. На сеймѣ въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ по поводу Столбовскаго договора, онъ хвастливо говорилъ такъ: «Россія болѣе не опасный сосѣдъ для шведовъ... Теперь безъ нашего позволенія русскіе не могутъ выслать ни одной лодки въ Балтійское море. Насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера: Ладожское и Пейпусъ, Нарвская долина, болота въ 30 миль шириною и сильныя крѣпости... Слава Богу, теперь у русскихъ отнятъ доступъ къ англійскому морю, и я надѣюсь, что русскимъ не такъ-то легко будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ», отнявъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи, и здѣсь уже болѣе 200 лѣтъ назадъ царь Петръ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Послѣ заключенія мира со шведами, возобновилась съ новой силой война съ поляками. Польская война требовала еще большаго напряженія, чѣмъ шведская, какъ по относительному тогда могуществу польско-литовскаго государства, такъ и по упорству, съ которымъ поляки не хотѣли признать Михаила Ѳеодоровича царемъ, настаивая на бывшей присягѣ москвичей королевичу Владиславу. Въ первые четыре года по вступленіи Михаила на престолъ, между нимъ и королемъ польскимъ Сигизмундомъ не было большихъ военныхъ дѣйствій. Въ Польшѣ были недовольны Сигизмундомъ за то, что онъ, замысливъ достать московскій престолъ для себя, лишилъ возможности сына Владислава достигнуть этого престола, на которомъ теперь прочно сидѣлъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Сигизмундъ желалъ поправить свою ошибку и начать вновь борьбу съ Россіею; но внутренее устройство Польши препятсвовало ему въ томъ. Обстоятельства эти были причиною того, что около четырехъ лѣтъ король не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ Россіи, между тѣмъ это обстоятельство дало возможность русскимъ безъ большихъ потерь управиться съ Заруцкимъ и примириться со шведами. Сигизмундъ, въ стѣсненномъ своемъ положеніи, вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости; онъ предложилъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено суду цезаря Матѳія, въ расположеніи котораго онъ былъ увѣренъ. Но бояре Михаила Ѳеодоровича, съ которыми происходили переговоры, не приняли такого предложенія и въ отвѣтъ исчислили неправды Сигизмунда; вѣроломное занятіе и разрушеніе Москвы, плѣнъ царя Василія Шуй-

скаго, пословъ Голицына и Филарета, смерть патріарха Гермогена, разореніе Россіи и поруганіе ея храмовъ, присовокупивъ, что Владиславу не царствовать въ Москвѣ, и что всѣ русскіе поклялись умереть за царя Михаила Ѳеодоровича. Уполномоченные съѣзжались нѣсколько разъ, но безуспѣшно. Послы польскіе утверждали, чти единственное средство къ примиренію—возвести Владислава на престолъ россійскій, а русскіе представители требовали возвращенія Смоленска, вывода польскихъ войскъ изъ Россіи, признанія Михаила царемъ, да сверхъ того, чтобы Польша заплатила милліонъ рублей за убытки. Между тѣмъ, частныя непріязненныя дѣйствія продолжались. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Сигизмунда, спѣшилъ возвратить русскіе города, коими овладѣли поляки именемъ Владислава. Уже въ 1614 году отправлена была для этого большая рать и воеводы—послы русскіе, князья Д. М. Черкасскій и И. Ѳ. Троекуровъ заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую и подступили къ Смоленску, но здѣсь потерпѣли пораженіе отъ литовскихъ отрядовъ. Около того времени открылся подъ Смоленскомъ съѣздъ уполномоченныхъ съ московской и польско-литовской стороны съ ноября по январь 1616 года для заключенія договора или перемирія; но на всѣхъ совѣщаніяхъ стороны не пришли къ соглашенію, и военныя дѣйствія продолжались съ новымъ рвеніемъ въ разныхъ мѣстахъ. Но главная борьба происходила подъ Смоленскомъ, отъ котораго, наконецъ, отступили начальствовавшіе надъ ратью стольники М. Бутурлинъ и И. Погожевъ.

Въ 1616 году король Сигизмундъ успѣлъ склонить сеймъ къ возобновленію войны съ Россіею для возведенія Владислава на престолъ московскій. Варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить самого королевича Владислава добывать Москву, но дѣйствовать поляки не спѣшили и много силъ не тратили. Королевичъ выступилъ только чрезъ годъ съ небольшимъ войскомъ, всего въ 11 тысячъ человѣкъ. Архіепископъ—примасъ Варшавскій, при отправленіи Владислава въ походъ противъ Россіи, сказалъ ему напутственную рѣчь, въ которой королевичу поручалъ «навести заблудшихъ (схизматиковъ—москвичей) на путь мира и спасенія»; на что Владиславъ, не скрывая надежды на распространеніе католической вѣры въ Восточной Руси, рыцарски отвѣчалъ, что главной задачей онъ почитаетъ «славу Господа Бога» и также выгоды республики, «питавшей его и отправляющей теперь для пріобрѣтенія славы». Во главѣ польскаго войска противъ Россіи шелъ самъ королевичъ, при чемъ предпослалъ своему походу окружную грамату къ московскому народу, въ особенности къ служилымъ людямъ (отъ 15 декабря 1617 года), въ которой, сказавъ о своихъ правахъ на россійскій престолъ, объявлялъ себя царемъ россійскимъ; но военными дѣйствіями руководили литовскій гетманъ Хоткевичъ и Л. Сапѣга. Въ войскѣ Владислава, вслѣдствіе неполученія жалованья, вскорѣ начались волненія, даже бунтъ и грабежи; королевичъ просилъ и ожидалъ помощи изъ Польши; наконецъ, сеймъ ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же 1616 г. Между тѣмъ, воззваніе Владислава къ русскому народу о томъ, что онъ—законный царь Россіи, не осталось безъ вліянія на умы нѣкоторыхъ смутьяновъ. Однимъ изъ такихъ былъ воевода Дорогобужа Иванъ Ададуровъ, который измѣнилъ царю Михаилу, и сдалъ этотъ городъ Владиславу, и со всѣми воеводами всталъ подъ его знамена. Дорогобужъ былъ занятъ безъ труда, затѣмъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, взята Вязьма, воевода которой князь П. Пронскій и товарищи его князья М. Бѣлосельскій и Н. Гагаринъ бѣжали въ Москву. Полякамъ еще удалось взять Мещовскъ и Козельскъ; но въ Калугѣ они были отбиты княземъ Д. М. Пожарскимъ. Непріятели осадили Можайскъ. Владислава остановилъ подъ Можайскомъ лѣтомъ 1618 года бояринъ Б. Лыковъ, прославившійся борьбою съ казацкими шайками; онъ съ войскомъ сидѣлъ въ Можайскѣ. Владиславъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ, но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло семь мѣсяцевъ. Лыковъ вмѣстѣ съ Пожарскимъ не допустилъ Владислава двигаться далѣе и заставилъ его остаться на зимовкѣ въ Вязьмѣ. Здѣсь войско Владислава терпѣло голодъ и холодъ. Сеймъ потребовалъ отъ него начать переговоры о мирѣ, но царь Михаилъ не хотѣлъ и слышать о немъ, пока поляки не выступятъ изъ предѣловъ Россіи, и въ то же время принималъ мѣры къ защитѣ столицы.

Поляки не могли открыть себѣ путь къ Москвѣ. Происходили у нихъ безпрестанные споры; войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать и разбѣгалось толпами. У Владислава осталось не болѣе тысячи человѣкъ регулярнаго войска. Онъ уже думалъ отступить, какъ вдругъ, неожиданно прибылъ къ нему запорожскій гетманъ Конашевичъ-Са-

гайдачный съ 20 тысячами казаковъ,—котораго Сигизмундъ склонилъ дарами идти на помощь королевичу. Въ сентябрѣ 1618 года поляки и запорожцы съ Сагайдачнымъ двинулись на Москву и соединились съ Владиславомъ, который расположился лагеремъ въ Тушинѣ. Идя къ Москвѣ, королевичъ вновь граматами требовалъ сдачи ея, именуя себя царемъ московскимъ, при чемъ особенно настаивалъ на томъ, что его напрасно обвиняютъ «совѣтники Михаила Романова», будто онъ намѣренъ истребить православную вѣру. Услышавъ о походѣ Владислава къ Москвѣ, царь Михаилъ созвалъ 9 сентября по этому случаю земскую Думу и просилъ у нея совѣта, какъ оборонить святую Церковь и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ своего недруга, королевича Владислава. Тутъ всѣ единодушно дали обѣтъ Богу «за православную вѣру и за ихъ государя стоять и съ недругомъ его биться, не щадя головъ своихъ». Извѣстно, что русскіе люди съ озлобленіемъ затерли дегтемъ титулъ московскаго царя на граматѣ Владислава и возвратили ее назадъ. Соединенное войско поляковъ и казаковъ попыталось было взять Москву ночнымъ штурмомъ, но было отбито, потому что москвичи успѣли дружно приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ, потерявшій здѣсь до трехъ тысячъ войска, въ смущеніи отъ неудачнаго приступа отступилъ отъ Москвы и направился сначала въ Тушинъ, а затѣмъ къ Троицкой лаврѣ и требовалъ ея сдачи; но также и здѣсь онъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе со стороны монастырскихъ властей—архимандрита Діонисія и келаря А. Палицына. Наконецъ Владиславъ, вслѣдствіе военныхъ неудачъ, наступившихъ морозовъ, недостатка въ продовольствіи и волненія наемныхъ жолнеровъ, изъ-за неуплаты жалованья, вынужденъ былъ вступить въ переговоры о мирѣ, которые привели лишь къ перемирію на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Договоръ былъ заключенъ 1 декабря 1618 года въ селѣ Деулинѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкой лавры.

По Деулинскому договору Владиславъ отказался отъ притязаній на московскій престолъ и долженъ съ польскими, литовскими, нѣмецкими и черкасскими полками немедленно оставить литовскіе предѣлы; Москвѣ возвращены: Козельскъ, Можайскъ, Вязьма, Мещерскъ; Россія уступила завоеванныя поляками области—Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую. Тогда же договоренъ былъ и размѣнъ плѣнныхъ, который произошелъ, однако, лишь 1 іюня 1619 года на пограничной рѣчкѣ Поляновкѣ (между Дорогобужемъ и Вязьмою). На ней были устроены два моста: по одному проѣхалъ на русскую сторону въ колымагѣ ростовскій митрополитъ Филаретъ, за которымъ шли пѣшіе тѣ члены великаго посольства, которые послѣ 9-лѣтняго плѣненія дожили до этого времени: Томила Луговской, твердый и честный дѣятель посольства, М. Шеинъ, защитникъ посольства, и др., и по другому мосту въ это время шли въ противоположную сторону польскіе полонянники—Струсь и Будила съ товарищами. Митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву только 14 іюня 1619 года и 24 іюня былъ поставленъ въ патріархи. Слѣдуетъ замѣтить, что по смерти Гермогена въ Москвѣ намѣренно не замѣщали патріаршій престолъ, потому что патріаршество давно назначалось Филарету; государеву отцу. Возвращеніе Филарета Никитича изъ плѣна сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь Михаилъ съ освященнымъ соборомъ и всенароднымъ множествомъ встрѣтилъ отца на рѣчкѣ Прѣснѣ, и при свиданіи ихъ произошло умилительное зрѣлище. Оба пали другъ предъ другомъ на землю и нѣсколько минутъ оставались въ такомъ положеніи: одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ царя, другой—своего родителя. Филаретъ осѣнилъ сына-царя крестнымъ знаменіемъ, поднялъ, привлекъ въ свои объятія, и оба заплакали. Бояре, воины, народъ, видя это, плакали въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи, возведенъ былъ въ санъ патріарха всероссійскаго іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, въ это время пребывавшимъ въ Москвѣ для сбора милостыни. Въ память возвращенія родителя изъ плѣна, царь Михаилъ заложилъ церковь во имя св. пророка Елисея, память котораго празднуется православною церковію въ день 14 іюня; простилъ всѣхъ опальныхъ и растворилъ темницы заключеннымъ. Въ знакъ особаго почтенія царя Михаила къ родителю, Филаретъ патріархъ, какъ мужъ сильнаго ума, крѣпкой воли и многотруднаго опыта, былъ назначенъ соправителемъ сыну и пользовался титуломъ «Великаго Государя». Поэтому всѣ граматы писались отъ имени двоихъ государей по слѣдующей формѣ: «Великій Государь Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси и отецъ его Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руси указали»... и т. дал.

Несмотря на Деулинское перемиріе, отношенія Россіи къ Польшѣ продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Владиславъ все еще не отказывался отъ своихъ мнимыхъ правъ на московскій престолъ и продолжалъ носить титулъ царя. Съ другой стороны, царь Михаилъ и вся Россія не могли не помышлять о возвращеніи отъ Польши уступленныхъ ей коренныхъ русскихъ областей, особенно же г. Смоленска, древняго и славнаго достоянія Россіи; царь стремился возстановить Россію въ томъ положеніи, въ какомъ она была при послѣднемъ царѣ Рюрикова дома, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Поэтому царь Михаилъ Ѳеодоровичъ сталъ дѣятельно готовиться къ новой войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе; зная недостатокъ военнаго искусства у московскихъ ратныхъ людей и превосходство въ этомъ отношеніи западныхъ европейцевъ, вербовалъ въ свою службу большое количество иностранныхъ офицеровъ и солдатъ, приказалъ исправлять пограничныя крѣпости. Моментъ для объявленія войны Польшѣ былъ вполнѣ благопріятный. Польша находилась въ войнѣ съ Турціей и Швеціей; противъ поляковъ вооружался и ханъ Крымскій. Къ тому же, въ Польшѣ за смертію короля Сигизмунда (20 апр. 1632 г.) возникли безпорядки по случаю избранія новаго короля. Въ 1632 году царь Михаилъ объявилъ войну Польшѣ за разныя мелкія нарушенія (уже съ 1621 года) мирнаго договора въ Деулинѣ, и поспѣшилъ двинуть русскія войска къ предѣламъ Польши, съ цѣлью возвратить г. Смоленскъ. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ М. Шеинъ, прежній знаменитый защитникъ этого города, и войска двинулись въ походъ въ августѣ 1632 года. Сначала дѣла русскихъ пошли очень удачно: въ теченіе ноября и декабря были отняты у поляковъ нѣкоторые русскіе города и затѣмъ былъ крѣпко осажденъ Смоленскъ. Томимые голодомъ, и не имѣя достаточно боевыхъ запасовъ, жители его были готовы уже сдать городъ; но на помощь къ нимъ явились поляки, а 25 августа 1633 года прибылъ и самъ, уже въ короли избранный, Владиславъ съ большимъ войскомъ; расположившись станомъ подъ Смоленскомъ, онъ подкрѣпилъ его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары, подкрѣпленные поляками, напали на южныя русскія области (Украйна), и многіе ратные люди, узнавши о томъ, что татары разоряютъ селенія и грабятъ имѣнія, ушли изъ русскаго лагеря для защиты своихъ земель. Шеинъ оказался въ крайне стѣсненномъ положеніи; въ войскѣ среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; иноземные полковники нерѣдко отказывались повиноваться Шеину. Вслѣдствіе этого, послѣдній долженъ былъ снять осаду Смоленска и заключиться въ обозѣ. Но тутъ онъ былъ окруженъ поляками, которые притомъ успѣли захватить Дорогобужъ со складомъ провіанта. Въ войскахъ Шеина, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и отъ холода, открылись страшныя болѣзни и смертность была большая. При такихъ обстоятельствахъ Шеинъ, не надѣясь пробиться сквозь полки поляковъ, доведенный до крайности, началъ переговоры о перемиріи. Поляки 16 февраля 1634 года, согласились выпустить Шеина, съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ всю артиллерію и весь обозъ, отпуститъ иностранцевъ и выполнитъ унизительную церемонію преклоненія русскихъ знаменъ предъ поляками. По возвращеніи въ Москву съ остатками войска, Шеинъ вмѣстѣ съ товарищами былъ преданъ суду особой комиссіи по обвиненію въ измѣнѣ и 18 апрѣля приговорено имъ отрубить головы. Причиною столь строгаго приговора были преимущественно позорное поведеніе Шеина, явившееся главною виною несчастнаго исхода войны и гибели многочисленной, храброй и хорошо вооруженной русской арміи, и отчасти месть бояръ Шеину за его непомѣрную гордость и презрительное отношеніе къ товарищамъ, высказанное имъ предъ отправленіемъ въ походъ. Находясь у цѣлованія руки царской, онъ хвастался тогда своими заслугами, говорилъ, что прежнею службою онъ выше всей своей братіи бояръ, что «въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре по-запечью сидѣли и сыскать было немочно». По слѣдамъ Шеина король Владиславъ теперь двинулся къ самой Москвѣ. Но войско страдало отъ холода и голода. Сверхъ того, до Владислава дошли слухи, что къ предѣламъ Польши приближаются съ юга турецкія войска; на сѣверѣ истекалъ срокъ перемирія со Швеціей; войско роптало на неуплату жалованья. Тогда онъ, при такомъ стѣснительномъ положеніи, поспѣшилъ заключить миръ въ маѣ 1634 года при рѣчкѣ Поляновкѣ на условіяхъ—совершенно отказаться отъ притязаній на московскую корону и подтвердить Деулинское перемиріе, при чемъ Смоленскъ опять остался за Польшей.

Видимо, трудно было Россіи и въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича

поправиться послѣ смутнаго времени. И, дѣйствительно, Россія была еще слаба и даже настолько, что не въ состояніи была удержать за собою крѣпость Азовъ, завоеванную донскими казаками. Эти казаки, жившие въ предѣлахъ Московскаго государства, не признавали надъ собою почти ничьей власти и дѣйствовали по своему произволу. Въ 1637 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника, и съ помощью запорожцевъ взяли приступомъ сильную турецкую крѣпость Азовъ и засѣли въ ней, а затѣмъ извѣстили царя Михаила о своихъ подвигахъ. Царь не могъ не радоваться взятію Азова, но былъ очень недоволенъ самовольной расправой, почему онъ прислалъ донскимъ казакамъ строгую грамату, въ которой говорилъ, что нигдѣ не принято убивать пословъ даже во время войны и осуждалъ ихъ за самовольное взятіе Азова, безъ царскаго повелѣнія. Завладѣть Азовомъ было бы весьма выгодно для московскаго правительства, осебенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ частыхъ набѣговъ на Украинскіе города, но пришлось бы тогда вступить въ борьбу съ сильной турецкой имперіей. Царь Михаилъ счелъ нужнымъ увѣдомить султана, что казаки убили посла самовольно, какъ и городъ захватили, и просилъ его не имѣть «нелюбья» противъ Россіи.

Въ Константинополѣ эти извѣстія вызвали великоа негодованіе, и вотъ, въ 1641 году, турки, освободившись отъ войны съ персами, послали на южно-русскіе предѣлы крымцевъ и ногайцевъ, а сами съ двухсотъ-тысячнымъ войскомъ на корабляхъ и съ сильной артиллеріей осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донскихъ казаковъ съ нѣсколькими сотнями своихъ женъ и тысячью запорожцевъ тогда проявили удивительное геройство: они геройски отбили 24 турецкихъ приступа, истребили 20 тысячъ турокъ и чрезъ четыре мѣсяца заставили турокъ снять осаду и съ потерею почти половины войска возвратиться восвояси. Донцы затѣмъ немедленно прислали пословъ въ Москву, бить челомъ царю Михаилу, чтобы принялъ Азовъ подъ свою крѣпкую державу назначеніемъ воеводы съ ратью. Царь прислалъ казакамъ похвальную грамату съ жалованьемъ въ 5 тысячъ рублей и писалъ имъ: мы васъ за вашу службу, радѣнье, промыселъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ». Но, воздавши казакамъ должное за ихъ геройство, царь для обсужденія важнаго дѣла о принятіи Азова созвалъ въ январѣ 1642 года выборныхъ людей (свыше 200 человѣкъ) на великій земскій соборъ. На рѣшеніе были поставлены вопросы: «Государю Царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли?» Если принять, то войны не миновать: и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы надобны многіе и не на одинъ годъ. И такъ великія деньги и многіе запасы гдѣ брать? Выборные въ своихъ отдѣльныхъ письменныхъ отвѣтахъ по этимъ вопросамъ предоставляли окончательное рѣшеніе всего этого дѣла волѣ государя, и всѣ изъявляли готовность служить и жертвовать всѣмъ, даже жизнью. Но въ то время, какъ большинство земскаго собора, въ особенности служилое сословіе, склонялось въ пользу принятія Азова подъ московскую державу, многіе изъ дворянъ сѣверныхъ и южныхъ городовъ, также торговые люди указывали на разные безпорядки и злоупотребленія, отъ которыхъ они страдаютъ и бѣднѣютъ. Сотскіе, старосты и всѣ тяглые люди жаловались на разореніе отъ тяжкихъ податей и повинностей. Отвѣты выборныхъ показали, что русское государство далеко еще не оправилось и находится не въ такомъ состояніи, чтобы могло выдержать крупную борьбу съ могущественной турецкой имперіей, и еще сильною крымскою ордою. Поэтому царь Михаилъ, на волю котораго выборные отдавали въ существѣ дѣла окончательное рѣшеніе вопроса, отдалъ, въ концѣ апрѣля 1642 года, приказаніе казакамъ немедленно оставить Азовъ и отойти къ своимъ старымъ куренямъ, причемъ казакамъ за то обѣщано государево жалованье. Они повиновались царскому приказу, но предъ выходомъ изъ Азова такъ разорили его, что туркамъ остались только однѣ развалины.

Но если внѣшнія войны съ поляками и шведами оказались не вполнѣ удачными, то внутренняя дѣятельность въ правленіе Михаила Θеодоровича была, несомнѣнно, самая многосторонняя и сопровождалась добрыми послѣдствіями въ отношеніи упорядоченія и вообще умиротворенія въ самомъ государствѣ. Михаилъ Θеодоровичъ вступилъ на престолъ шестнадцатилѣтнимъ, былъ умный, мягкаго характера и легко доступенъ былъ стороннимъ вліяніямъ. Ближайшее и сильное вліяніе на него оказывала энергичная мать, изъ воли которой Михаилъ, вѣроятно, и теперь не выходилъ, и дѣйствовалъ по ея совѣтамъ. Старица Марθа, какъ царственная монахиня, занималась болѣе всего, конечно, благочестивыми дѣлами, но имѣла также большое вліяніе на дворцовую

жизнь, направляла ее и вліяла на государственную жизнь того времени, причемъ возвышала и ставила своихъ родственниковъ у дѣлъ государственныхъ. Въ помощь молодому царю Михаилу служили земскіе соборы, на коихъ и рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла, представляемыя на разсмотрѣніе администраціей. Нельзя не обратить вниманія на то, что по пріѣздѣ въ Москву, Михаилъ Ѳеодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей, и они оставались въ Москвѣ до 1615 года, когда были замѣнены другими, и такъ дѣло шло до 1622 года: одинъ составъ собора смѣнялся другимъ, одни выборные уѣзжали изъ Москвы къ своимъ дѣламъ и хозяйствамъ, и замѣнялись другими. Такъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ Москва имѣла постоянный соборъ, и такая мудрая политика была подсказана правительству самой жизнью: смута еще не прекратилась совершенно и безпорядки продолжались; при общемъ въ Россіи разореніи, при казачьихъ грабежахъ и безсиліи противъ нихъ Москвы снова могли, на взглядъ современника, одолѣть и поляки и казаки. Противъ такихъ-то внутреннихъ враговъ сторона порядка и сплотилась, выражая свое единодушіе земскимъ соборомъ при своемъ царѣ. Власть и земля тогда были въ союзѣ для того, чтобы бороться противъ общаго врага за существованіе съ проявленіями смутъ и обезпечить въ государствѣ миръ. И молодой царь понималъ всю важность дѣйствовать заодно съ избравшими его на тронъ и охотно опирался на земскій соборъ, какъ на средство лучшаго управленія, при чемъ чрезъ выборныхъ отъ сословій удобно было узнать истинныя нужды народа.

Въ отношеніи внутренняго устройства у московскаго правительства было двѣ задачи: во-первыхъ, собрать въ казну какъ можно больше средствъ и, во-вторыхъ, построить служилыхъ людей или устроить войско. Для первой изъ этихъ задачъ земскій соборъ назначилъ два раза, въ 1615 и 1616 годахъ, сборъ пятой деньги, т. е. 20% «съ двора», — съ годового дохода плательщика и «посошное» въ 1616 году по 120 руб. съ каждой сохи или съ мѣры пахатной земли. Сверхъ того, своимъ чередомъ платились обычныя подати, которыя собирались съ обычною тогда жестокостью, и, конечно, очень большимъ бременемъ ложились на народъ. Для второй же цѣли правителство посылало не разъ въ разныя мѣстности бояръ «разбирать» служилыхъ людей, принимать въ службу дѣтей дворянъ, годныхъ къ ней, и надѣлять ихъ помѣстной землей. И для первой и для второй цѣли необходимо было знать положеніе частной земельной собственности въ государствѣ, и вотъ посылались «писцы» и «дозорщики» для описи и податной оцѣнки земли. Но всѣ намѣренія правительства въ этомъ отношеніи исполнялись небрежно, со многими злоупотребленіями со стороны администраціи и населенія: писцы и дозорщики къ однимъ были снисходительны, другихъ же притѣсняли, брали взятки; и само населеніе, съ цѣлью избавиться отъ податей, часто обманывало писцовъ, скрывало свое имущество и этимъ достигало льготной для себя, неправильной оцѣнки.

Таково было положеніе дѣлъ до 1619 года, когда молодой царь не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ. Но дѣла въ Москвѣ перемѣнились, когда пріѣхалъ государевъ отецъ Филаретъ, мужъ умный, способный и опытный въ государственныхъ дѣлахъ. Съ пріѣздомъ его началось, такъ наз., двоевластіе: царь Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца-патріарха. Всѣ иностранныя посольства представлялись или обоимъ государямъ вмѣстѣ, или каждому отдѣльно, важнѣйшіе доклады представляемы были тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дѣятельности. Преимущественно трудами и государственными способностями Филарета Никитича, на сторонѣ котораго была такая могущественная сила, какъ народное сочувствіе, было возстановлено и укрѣплено значеніе самодержавной власти своего сына. Въ немъ — новомъ Великомъ Государѣ Филаретѣ, Москва имѣла большое пріобрѣтеніе, получивъ то, въ чемъ болѣе всего нуждалась, — умнаго администратора и надежнаго совѣтника. Какъ только Филаретъ поставленъ въ патріархи, онъ возбуждаетъ уже важнѣйшіе государственные вопросы, и ставитъ ихъ на разрѣшеніе великаго земскаго собора (Думы) въ іюнѣ 1619 года и, прежде всего, по возстановленію государственнаго хозяйства, разстроеннаго внутренними смутами.

Въ отношеніи приведенія въ порядокъ хозяйственной части, собору были поставлены на видъ указанія, сдѣланныя царю патріархомъ, и соборъ, по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ, составилъ соотвѣтственныя опредѣленія. Такъ, напр., указано, что съ разоренной земли взимались подати крайне неравномѣрно, — однѣ изъ разоренныхъ земель облагались податью по дозорнымъ книгамъ или по оцѣнкѣ имуществъ сообразно ихъ благоустроенности, при чемъ

принимались въ расчетъ обстоятельства, могущія дать льготы по уплатѣ податей (долги, пожары, разореніе отъ враговъ и т. п.); другія же земли, не менѣе разоренныя облагались податными тягостями по писцовымъ или переписнымъ книгамъ, по простой податной оцѣнкѣ имуществъ, при которой обращалось вниманіе на благосостояніе плательщиковъ. Въ виду этой неравномѣрности взиманія податей соборъ постановилъ — произвести снова перепись въ мѣстностяхъ неразоренныхъ, сдѣлать точныя росписи тяглыхъ земель или «писцовыя книги» и распредѣлить подати, сообразно съ имуществомъ жителей. А какъ при переписи земель допускались постоянныя злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ, то постановлено выбрать ихъ изъ надежныхъ людей, подъ присягой взять съ нихъ обѣщаніе, подъ страхомъ жестокаго наказанія, писать безъ взятокъ и дозирать по совѣсти «вправду». Такія писцовыя книги составлялись нѣсколько лѣтъ. Получивши точныя свѣдѣнія—росписи, правительство знало, что съ кого требовать и въ соразмѣрности того увеличивало доходы и опредѣляло число войскъ. Каждый помѣщикъ имѣлъ опредѣленный рубежъ, далѣе котораго не могъ простирать своего права, отчего пресѣкалось много споровъ и тяжбъ. Далѣе, собору поставлены на видъ постоянныя злоупотребленія со стороны тяглыхъ людей, которые избавили себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что заложились или записывались въ кабалу за боярами, духовенствомъ или за монастырями, пользовавшимися привилегіями, и тѣмъ самымъ освобождались отъ тягла и выходили изъ общины, или же просто убѣгали изъ своей общины, переѣзжали въ Москву и ближайшіе города и укрывались здѣсь у родственниковъ или друзей, между тѣмъ община, въ силу круговой поруки, должна была платить подать за нихъ—выбывшихъ своихъ членовъ. Въ виду этого земскимъ соборомъ постановлено—тяглыхъ людей, выбѣжавшихъ и «заложившихся» за боярами, духовенствомъ, монастырями сыскивать чрезъ мѣстныя власти и возвращать назадъ въ свои общины, а на тѣхъ, кто ихъ держалъ, налогать штрафы или взыскивать происшедшіе отъ того убытки казны, т. е. неуплаченныя подати. Кромѣ этихъ податныхъ злоупотребленій указано, что многіе просятъ «отъ сильныхъ людей оборонить ихъ»: ибо сильные, т. е. власти, вліятельные бояре и другіе «чинятъ имъ насильства и обиды». Относительно жалобъ на обиды отъ сильныхъ лицъ царскимъ указомъ и соборнымъ приговоромъ поручено боярамъ И. Черкасскому и Д. Мезецкому сыскивать про обиды «сильныхъ людей».—Сверхъ того, для прекращенія злоупотребленій воеводъ и ихъ чиновниковъ правительство охотно выдавало граматы, дававшія право судиться и управляться посредствомъ своихъ выборныхъ губныхъ старостъ, какъ это было при І. Грозномъ. Но такъ какъ сборъ податей, который возлагался на отвѣтственность выборныхъ, былъ тогда очень затруднителенъ, то во многихъ мѣстахъ никто не соглашался быть выборнымъ начальникомъ. Вслѣдствіе этого уже отъ правительства были назначаемы воеводы во многія и такіе города, которые прежде управлялись выборными старостами. Къ этому же времени относится слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждаго города прислать въ Москву выборныхъ «для вѣдомости и устроенія» по одному человѣку—изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей—«добрыхъ и разумныхъ». Эти выборные, по пріѣздѣ въ Москву, должны были сообщить правительству вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи областей, объ обидахъ, притѣсненіяхъ и разореніяхъ и о способахъ помочь разореннымъ жителямъ, посовѣтовать, какъ Московское государство поправить и «ратныхъ людей пожаловать». Новая земская Дума, составленная изъ свѣдущихъ людей, могла собраться въ Москвѣ въ самомъ концѣ 1620 года и ею до нѣкоторой степени были выполнены тѣ важныя и обширныя мѣры, которыя постановлены предыдущимъ соборомъ 1619 года и немало содѣйствовали возстановленію экономическаго порядка и общественныхъ отношеній, нарушенныхъ событіями и разореніями смутной эпохи.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постепенно возстановлялось въ Москвѣ центральное управленіе, государственные и общественные порядки, временно нарушенные смутною эпохою,—возстановлялось по старымъ образцамъ—XVI вѣка въ формѣ старыхъ приказовъ, и только потребностями времени вызывались къ жизни новые приказы съ извѣстною отраслью вѣдѣнія, которыхъ тогда было много учреждено. Въ центрѣ же управленія по прежнему (и въ теченіе шести—до возвращенія Филарета Н. изъ плѣна) оставалась и всѣмъ руководила, какъ высшее правительственное и судебное учрежденіе, государева боярская Дума, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей—совѣтоваться о дѣлахъ съ старшею дружиною. Она

входила при Михаилѣ Өеодоровичѣ и въ земскую Думу, какъ ея главная составная часть, и являлась дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ совѣтомъ государевымъ. Возвращаясь къ старинѣ, возстановляя старый механизмъ управленія, московскіе люди, повидимому, не думали что-либо мѣнять и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, напр., въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ временной становится постоянною и, вмѣстѣ, гражданскою властью. Далѣе, держась по старому помѣстной системы, спѣша привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ, «чего при старыхъ великихъ государяхъ не было». Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе придворно—и военно-служилому сословію, какъ главной опорѣ царской власти, все болѣе и болѣе обезпечивая его, правительство мало по малу приходитъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, рейтарскіе полки. Такъ, въ войскѣ Шеина въ 1632 году подъ Смоленскомъ было уже 15 тысячъ регулярнаго войска, устроеннаго по иноземному образцу.

Земскій соборъ при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ признавался существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, при желаніи самого царя имѣть при себѣ въ помощь руководственно-исполнительный органъ. Въ первые годы царствованія Михаила власть государя, какъ сказано, стояла на ряду съ властью русской земли или великой земской Думы; всѣ важныя государственныя мѣры и дѣла исходили и рѣшались по царскому указу и соборному уложенію, о чемъ свидѣтельствуютъ окружныя граматы, издаваемыя отъ имени земской Думы. Участіе выборныхъ въ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ въ первые годы царствованія Михаила было слѣдствіемъ еще не установившагося порядка, молодости и неопытности государя, хотя замѣтно стремленіе къ возстановленію правительственной власти въ прежнемъ ея объемѣ. И никто не противорѣчилъ этому факту общественнаго участія въ дѣлахъ и строительствѣ разореннаго государства, пока новыя условія жизни не упразднили его. Съ возвращеніемъ государева отца Филарета все пошло уже неуклонно полнымъ самодержавнымъ путемъ. Земскіе соборы теперь отнюдь не имѣли значенія верховной власти, какъ было въ смутное время. Новый царь требуетъ отъ созываемыхъ имъ земскихъ соборовъ исполненія обѣщанія поддерживать престолъ, содѣйствовать ему въ окончательномъ очищеніи государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и успокоеніи общества; соборы эти созывались по волѣ самого царя, не въ опредѣленное время, а когда ему было угодно. Когда же самодержавіе при твердомъ своемъ курсѣ признало земскіе соборы неумѣстными, со стороны народа отнюдь не встрѣчается заявленія о необходимости ихъ; слѣдовательно, въ народѣ послѣ смутнаго времени не образовалось понятія о томъ, чтобы царская власть была раздѣлена или съ волею земскаго собора или съ волею бояръ. Формальное возстановленіе царскаго самодержавія въ эпоху Филарета Никитича съ особою наглядностью выразилось въ указѣ 1625 года о новой государевой печати; на ней въ царскомъ титулѣ прибавлено слово «самодержецъ», и этою печатью приказано скрѣплять всякіе правительственные акты. По кончинѣ же Филарета (1 окт. 1633 г.) въ послѣднюю двѣнадцатилѣтнюю эпоху своего царствованія Михаилъ Өеодоровичъ, дѣйствительно, является самовластнымъ правителемъ и при своей продолжительной правительственной опытности тѣмъ легче поддерживалъ то строгое самодержавіе, которое возстановлено и укрѣплено преимущественно трудами Филарета Никитича.

Царь Михаилъ Өеодоровичъ очень много заботился объ образованіи въ Россіи и о насажденіи въ ней фабрично-заводскихъ производствъ. Московское правительство призывало въ Россію на льготныхъ условіяхъ промышленниковъ-иностранцевъ, руководясь стремленіемъ привить въ Россіи разные промыслы, до тѣхъ поръ неизвѣстные въ ней. Среди промышленныхъ иностранцевъ-мастеровъ и фабрикантовъ появились на Руси, прежде всего, т. н. «рудознатцы», оружейники и литейщики, часовщики; при помощи иностранцевъ у насъ тогда были заведены желѣзодѣлательные мѣдноплавильные, стекольные, кожаные и кирпичные заводы. Торговыя льготы и вообще гостепріимное отношеніе къ иностранцамъ правительства, ожидавшаго отъ нихъ экономической пользы для государства, привлекало въ Россію много иноземцевъ. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (загородная на правомъ берегу р. Яузы близъ ея устья) разрослась: въ ней было до тысячи семействъ только протестантскихъ исповѣданій, которымъ, какъ чуждымъ религіозной пропаганды, оказывалось благосклонное отно-

шеніе: между тѣмъ, къ католикамъ въ Москвѣ относились болѣе чѣмъ неприязненно. Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго производства. Въ дворцовыхъ кремлевскихъ садахъ появились въ Россіи новыя растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ въ иностранныхъ, особенно сосѣднихъ государствахъ постоянно были доставляемы изъ Новгорода въ Москву «вѣстовыя письма»— въ родѣ рукописныхъ газетъ. По отношенію къ европейскимъ государствамъ Михаилъ Ѳеодоровичъ заботился, вообще, о поддержаніи дружественныхъ отношеній. Впрочемъ, подъ конецъ его царствованія, когда Московское государство съ торжествомъ вышло изъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, многіе иноземные государи и сами спѣшили вступить съ царемъ Михаиломъ въ самыя тѣсныя отношенія. Такъ, датскій король старался поддержать и упрочить прежнія свои связи съ Московскимъ государствомъ, шведскій король Густавъ-Адольфъ изъ врага обратился въ добраго сосѣда и старался войти въ тѣсный союзъ съ московскимъ государемъ. Французскій король Людовикъ, съ которымъ Московское государство впервые обмѣнялось посольствомъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, приглашалъ его къ союзу противъ Германіи.

Ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла царь Михаилъ выстроилъ на Никольской улицѣ, вмѣсто сгорѣвшаго въ смутную эпоху печатнаго двора, новую типографію и рѣшено было возобновить печатаніе богослужебныхъ книгъ. По мысли государева отца Филарета возобновленъ начатый еще Максимомъ Грекомъ трудъ перваго серьезнаго исправленія богослужебныхъ книгъ, въ которыя вкралось множество ошибокъ, внесенныхъ въ теченіе вѣковъ небрежными и невѣжественными переписчиками. Исправленіе ошибокъ поручено было, по царскому указу 8 ноября 1616 года, преимущественно Діонисію, знаменитому архимандриту Троицкой лавры, прославившемуся въ смутное время защитою ея отъ осаждавшихъ поляковъ. Но Діонисій за исправленіе книгъ былъ обвиненъ несправедливо въ ереси и, послѣ многихъ оскорбленій, осужденъ духовнымъ соборомъ и заключенъ въ Новоспасскій монастырь, и только при Филаретѣ Никитичѣ освободили Діонисія и возвратили на Троицкую архимандрію въ 1620 году. Исправленіе и печатаніе богослужебныхъ книгъ вообще дѣятельно продолжалось въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича какъ при патріархѣ Филаретѣ, такъ и при его преемникѣ Іоасафѣ, при которомъ въ шестилѣтнее управленіе было напечатано книгъ болѣе, чѣмъ въ четырнадцатилѣтнее патріаршество Филарета, при чемъ для справокъ при печатаніи были взяты изъ Кириллова монастыря списки прологовъ и четырехъ миней «добрыхъ старыхъ переводовъ».

Стараніемъ Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета получена въ мартѣ 1625 года отъ персидскаго шаха Аббаса драгоцѣнная для вѣрующихъ святыня—срачица Христова въ золотомъ ковчегѣ, захваченная имъ при покореніи въ Грузіи. Такъ какъ эта святыня доставлена отъ иновѣрнаго царя, то ради испытанія ея подлинности патріархъ съ освященнымъ соборомъ назначили молебны, семидневный постъ и хожденіе съ нею въ дома больныхъ для возложенія, и было много исцѣленій отъ прикосновенія къ нимъ Ризы Господней. Затѣмъ царемъ и патріархомъ разослана была окружная грамата къ областнымъ архіереямъ съ извѣстіемъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и съ повелѣніемъ ежегодно отправлять празднество въ честь положенія Ризы Господней 10 іюля, затѣмъ вскорѣ составленъ былъ и чинъ богослуженія на день этого праздника.

Несомнѣнно, что подъ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича Россія, въ конецъ обезсиленная смутой, значительно оправилась и укрѣпилась. Предѣлы Россіи, сократившись на Западѣ вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ въ силу необходимости полякамъ и шведамъ, при царѣ Михаилѣ распространились на Востокѣ покореніемъ большой части Сибири и путемъ правительственныхъ мѣропріятій русская колонизація здѣсь сдѣлала значительные успѣхи. Чѣмъ далѣе русскіе углублялись въ нѣдра Сибири, тѣмъ все болѣе и болѣе въ малонаселенныхъ краяхъ были устрояемы какъ города и остроги, такъ и русскія села и деревни въ уѣздахъ Верхотурскомъ, Туринскомъ, Тюменскомъ, Березовскомъ, Пелымскомъ, Тобольскомъ, Томскомъ. Такъ, тогда основаны были города: Енисейскъ (1619 г.), Красноярскъ (1622 г.), Илимскъ (1631 г.), Якутскъ (1632 г.), Туруханскъ (1642 г.) и др. Въ царствованіе же Михаила получила начало и Ирбитская ярмарка. Города, построенные Б. Годуновымъ, при царѣ Михаилѣ были укрѣплены и заселены русскими переселенцами, снабжены оружіемъ и ратными людьми. Главнѣе всего, въ городахъ и новооснованныхъ слободахъ построены православные храмы и учреждены монастыри. Знаменитый въ то время епископъ

Кипріанъ былъ назначенъ въ Тобольскъ въ главный пунктъ новообразованной епархіи и онъ (до 1624 г.) много потрудился для церковнаго благоустройства и для обращенія язычниковъ въ христіанство, привезши съ собою въ Сибирь нѣсколько черныхъ и бѣлыхъ священниковъ; онъ же основалъ тамъ нѣсколько св. обителей. Далѣе, принявши Москву разоренною, находившеюся въ развалинахъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ сдѣлалъ ее красивымъ и огромнымъ городомъ, которому дивились пріѣзжавшіе сюда иностранцы. До царя Михаила не существовало въ Москвѣ ни Бѣлаго города, ни деревяннаго Скородома, ни Земляного города, ни слободъ, ни Замоскворѣчья, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ все это было застроено такъ, какъ будто и не было совсѣмъ разрухи лихолѣтья, когда поляками были сожжены три четверти Москвы, за небольшими исключеніями въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Царь Михаилъ возстановилъ обвалившіяся каменныя стѣны и башни Кремля; многія казенныя и церковныя зданія повелѣлъ возобновить (вмѣсто дерева) или вновь построить изъ кирпича; небольшія Спасскія ворота онъ надстроилъ новою башнею, заново возстановилъ разрушенные дворцы. Онъ возстановилъ и украсилъ стѣнною иконописью Успенскій соборный храмъ, при чемъ работа была очень кропотливая: такъ какъ прежде надобно было срисовать все старое стѣнное письмо, а потомъ по тѣмъ же рисункамъ расписывать стѣны заново; противъ Тайницкой башни построилъ нынѣ не существующій Александровскій соборъ; на Красной площади построенъ былъ Казанскій соборъ, въ память освобожденія г. Москвы отъ поляковъ кн. Д. Пожарскимъ; на Варваркѣ, близъ боярскихъ палатъ Романовыхъ, построенъ Знаменскій монастырь, и вообще—много храмовъ было воздвигнуто при царѣ Михаилѣ въ Китай-городѣ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ. Патріархъ Филаретъ сдѣлалъ около Годуновской колокольни Ивана Великаго огромную колокольную пристройку, доселѣ называющуюся Филаретовскою. Въ виду всего этого, Михаила Ѳеодоровича по справедливости слѣдуетъ признать вторымъ основателемъ г. Москвы. Наконецъ, не можемъ не упомянуть и о томъ, что въ самой Россіи немало городовъ было устроено царемъ Михаиломъ,—такъ, на лѣсномъ Воронежѣ г. Козловъ, на р. Тихой Соснѣ г. Усердъ, на Касимовомъ броду Земляной городокъ, г. Тамбовъ, на р. Ломовѣ—г. Ломовъ верхній и нижній, Обоянское, Чугуево городище и др. и въ цѣляхъ оборонительныхъ приняты мѣры для заселенія новыхъ городовъ.

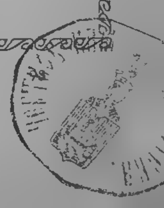
Дѣятельный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ умеръ въ ночь съ 12 на 13 іюля 1645 года, на пятидесятомъ году отъ рожденія. Почувствовавъ себя дурно во время всенощной, въ ночи онъ скончался тихо, оставивши послѣ себя сына Алексѣя и трехъ дочерей, рожденныхъ отъ Евдокіи Лукьяновны, изъ рода дворянъ Стрѣшневыхъ. Предъ кончиною своею царь Михаилъ благословилъ на царство шестнадцатилѣтняго сына своего Алексѣя, которому тотчасъ же, по объявленіи о смерти царя, присягнули придворные чины и Москва, а за нею и вся Россія; безъ всякихъ волненій и недоумѣній встрѣтивъ восшествіе на престолъ второго царя новаго царственнаго Дома Романовыхъ. Тридцать два года четыре мѣсяца и тринадцать дней тихаго, любвеобильнаго, благоразумнаго царствованія Михаила Ѳеодоровича, видимо, принесли свои плоды. Всѣ смуты были закончены, Россія вышла побѣдительницей, и на святой Руси торжествовала та великая идея самодержавія, которая пошатнулась въ періодъ смутнаго времени, но возстановлена самимъ народомъ и твердо установлена царемъ Михаиломъ, какъ залогъ послѣдующаго благополучія Русской земли.

Въ заключеніе очерка царствованія перваго Царя изъ Дома Романовыхъ не можемъ не сказать особо о томъ, что онъ, вопреки представленію нѣкоторыхъ, дѣйствительно, обладалъ самодержавною властію, безъ каковой народъ даже и не могъ мыслить и представлять себѣ русскаго царя-государя. Сверхъ того, что самый уже указанный нами характеръ правленія царя Михаила Ѳеодоровича убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ, мы въ тѣхъ же цѣляхъ обратимъ вниманіе на отношеніе русскихъ къ предложеніямъ поляковъ имѣть въ лицѣ Владислава царя съ ограниченными правами, также и на самое предложеніе великаго московскаго посольства Михаилу полнаго властительства, безъ какихъ-либо ограниченій.

Поляки, какъ уже извѣстно, въ періодъ междуцарствія выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властью короля-государя, не могшаго рѣшать дѣлъ безъ сейма. Такъ Польша и Литва, въ лицѣ ихъ вельможъ и шляхты, еще раньше смерти Сигизмунда II Августа, бездѣтнаго представителя угасавшей династіи Ягеллоновъ, въ особой конституціи, на Люблинскомъ сеймѣ умалили власть своего государя особенно тѣмъ, что

наслѣдственный его престолъ сдѣлали избирательнымъ. На предложеніе поляковъ, въ лицѣ Владислава—получить царя съ ограниченною властью, русскіе представители указывали тогда, что россіяне желаютъ себѣ, по завѣтамъ своей исторіи, такого царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не даетъ слабаго въ обиду сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣми, кто въ Польшѣ творилъ безчинства и всякое насиліе надъ меньшими людьми. Значитъ, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Рѣчи Посполитой или республики, какъ поляки называли свое государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть государя, по особымъ договорамъ, была ограничена вѣчемъ или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысяцкимъ и старостами новгородскихъ концовъ. Русскимъ было небезызвѣстно, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи государемъ Михаила Θеодоровича Романова никто въ великой земской Думѣ не говорилъ, какъ и въ самой избирательной, дошедшей до насъ, граматѣ ни слова не сказано объ ограниченіи его верховной власти Думой боярской, какъ было при избранномъ боярами Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, котораго народъ поэтому называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Народъ русскій, успѣвшій уже настолько проникнуться монархическимъ началомъ, что безъ царя не могъ себѣ представить никакого гражданскаго права, отнюдь не притязалъ, какъ на Западѣ, дѣлить съ государемъ верховную власть, вмѣшиваться въ его государево дѣло, не дерзалъ ограничивать царскую его власть. Русскіе люди, измученные бѣдствіями смуты и не любившіе боярскаго многовластія, жаждали безхитростнаго возстановленія самодержавной царской власти и, нисколько не желая и думать о какомъ-либо ограниченіи царской власти, возстановили государство въ видѣ царства самодержавнаго и вручили юному Михаилу Θеодоровичу никѣмъ и ничѣмъ неограниченную власть Государя-Царя-Самодержца, вручили власть, высоко стоящую надъ народомъ, власть свободную и самостоятельную, власть высочайшую, выше которой признавалась только власть Бога Вседержителя, вручили ему власть отвѣтственную только предъ Богомъ и царской совѣстью, власть, не имѣющую нужды заискивать въ комъ-либо для осуществленія интересовъ государственныхъ и народныхъ. Поэтому русскій народъ никогда не называлъ Михаила Θеодоровича Государемъ волею народа, а всегда величалъ его Богоизбраннымъ и Боговѣнчаннымъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Самодержцемъ, Божіею милостію. И самъ Михаилъ Θеодоровичъ въ своихъ граматахъ и на своихъ печатяхъ именовалъ себя точно такъ: «Божіею милостію Великій Государь и Царь Самодержецъ».

Наконецъ, что касается личности и характера правленія самодержавнаго основателя на Руси династіи Романовыхъ, то его смиренная фигура, конечно, не похожа на обычные типы основателей новыхъ династій, типы энергическихъ честолюбцевъ, не разбирающихъ средствъ для достиженія цѣлей; тѣмъ не менѣе, въ этой простодушной, скромной юношеской фигурѣ Михаила Θеодоровича было много симпатичнаго для русскаго народа, особенно послѣ того, какъ онъ вдоволь насмотрѣлся на разныхъ безпокойныхъ и безпощадныхъ честолюбцевъ смутнаго времени. Эта фигура Михаила, съ ея яснымъ добродушнымъ выраженіемъ, производила успокоительное впечатлѣніе на современное общество и напоминала ему послѣдняго Рюриковича, Θеодора Ивановича, который оставилъ самую свѣтлую память въ народѣ и даже почитался имъ за святого человѣка. Личность царя Михаила какъ нельзя болѣе способствовала укрѣпленію его власти: мягкость, кротость, доброта, благоразуміе, набожность этого государя, особенно часто проявлявшаяся въ богомольныхъ поѣздкахъ по св. обителямъ и путешествіяхъ къ святынямъ, производили на народъ самое выгодное для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ образомъ представляли эту власть въ глазахъ народа: извѣстная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать отъ него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на отвѣтственность лицъ, посредствующихъ между верховною властію и народомъ. Избраніе Михаила Θеодоровича на царство было истинно-благодатнымъ даромъ Провидѣнія, ибо сосредоточеніемъ власти въ его лицѣ прекратились волненія, безначаліе, партіи примирились, самостоятельность Россіи послѣ бурной эпохи московской смуты утвердилась. Пламеннымъ желаніемъ царя Михаила было возвратить Россіи отторгнутыя сосѣдями области, хотя усилія его къ достиженію цѣли

и не были увѣнчаны успѣхомъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ твердъ въ намѣреніяхъ, чрезвычайно дѣятеленъ и оказалъ большія услуги отечеству умиротвореніемъ и улучшеніемъ внутренняго устройства. Въ 16 лѣтъ возраста, возложивши на себя шапку и бармы Мономаха, царь Михаилъ вначалѣ, конечно, не обладалъ ни правительственной опытностію Бориса Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, между тѣмъ, московское государство получилъ въ полномъ разореніи. Принявши подъ свою державу государство и самую Москву, разрушенными почти до основанія, Михаилъ Ѳеодоровичъ, совмѣстно съ опытнымъ въ управленіи своимъ родителемъ, патріархомъ Филаретомъ, какъ уже видѣли, ввелъ государство на свой историческій путь, въ колею твердаго государственнаго порядка, возстановилъ или вновь создалъ русское государство, и за это принадлежитъ ему великая слава, и историки съ большимъ правомъ называютъ царя Михаила вторымъ основателемъ русскаго государства, а не одной только первопрестольной Москвы.

Съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія мы должны относиться къ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, какъ родоначальнику одной изъ самыхъ могущественныхъ династій во всемірной исторіи, какъ основателю той національной династіи, которая довела Россію до теперешняго Императорскаго величія и могущества. Самодержавіе перваго Царя Романова составляло импонирующую идею трехсотлѣтняго царствованія благочестивѣйшаго Дома Романовыхъ и вѣра въ могучую спасительную силу самодержавія проходитъ золотою нитью чрезъ всю исторію Русской Державы подъ скипетромъ царей нашего Августѣйшаго Дома.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

РИСУНКИ

профессора исторической живописи
Императорской Академіи Художествъ

В. П. ВЕРЕЩАГИНА

съ характеристикой царствованія
всѣхъ Государей

ДЕРЖАВНАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ

Избранный земским соборомъ, спасенный Сусанинымъ, Михаилъ Θеодоровичъ вступивъ на престолъ 16ти лѣтъ, своими заботами объ освобожденіи государства отъ смутъ внутреннихъ и враговъ внѣшнихъ, оправдалъ возложенныя на него надежды, опираясь во всемъ на мудрость родителя своего, Патріарха Филарета

Самодержецъ Царь Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

1613—1645 г.

Царствованіе сына Михаила Өеодоровича, Алексѣя Михаиловича, за кротость и доброту прозваннаго Тишайшимъ извѣстно изданіемъ Соборнаго Уложенія, исправленіемъ [заботами Патріарха Никона] церковныхъ книгъ и присоединеніемъ, при посредствѣ Богдана Хмѣльницкаго, Малороссіи. Мягкая и добродушная природа Самодержца привлекала общее къ нему сочувствіе.

Самодержецъ Царь Алексѣй Михаиловичъ.

1645—1676 г.

Сынъ Алексѣя Михайловича, Феодоръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, укрѣпилъ за Россіей Украйну и Запорожье, основалъ первую Духовную Академію и уничтожилъ "богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество".

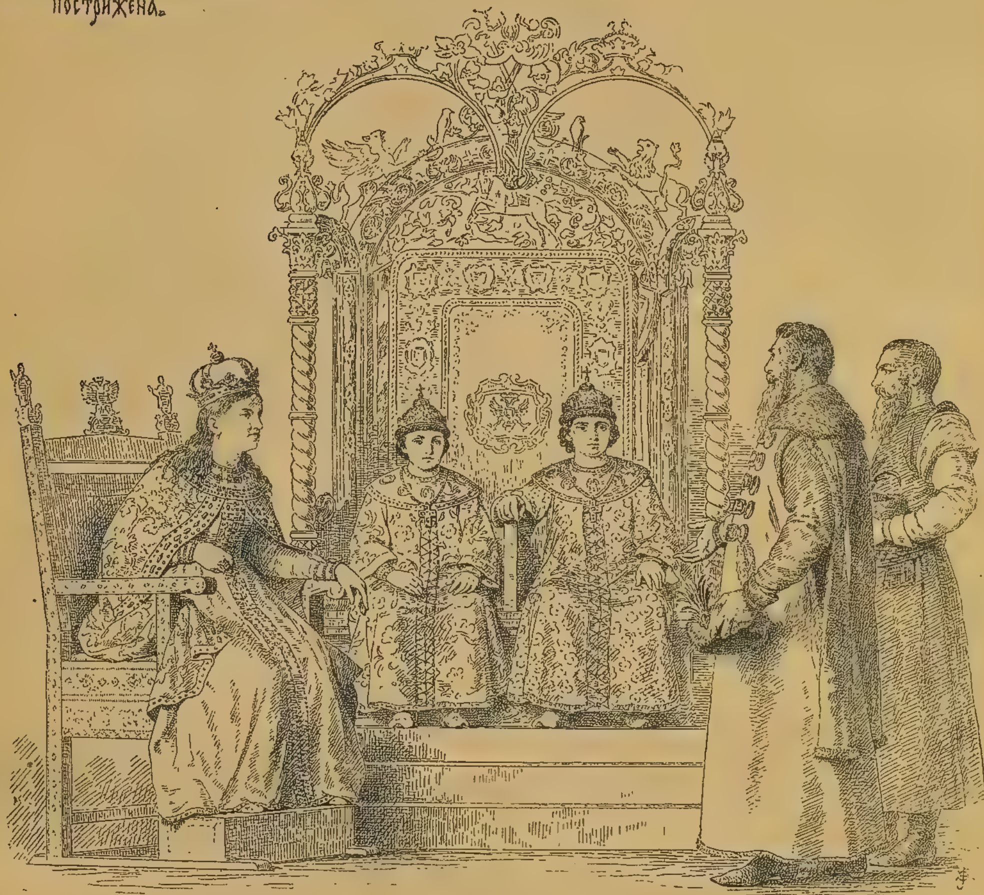

Самодержецъ Царь Феодоръ Алексѣевичъ.

1676—1682 г.

При помощи стрѣльцовъ, достигнувъ провозглашенія правительницей, за малолѣтствомъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, Софія, сестра Ѳеодора Алексѣевича, за свои честолюбивые замыслы, возросшимъ Петромъ была заключена въ монастырь и пострижена.

Въ бытность ея правительницей, Польша просила у Россіи помощи противъ Турціи и состоялся миръ, по которому Кіевъ утвержденъ за Москвою.

Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи.
Правительница Софія Алексѣевна.
1682—1689 г.

Одаренный необычайной любознательностью и геніальными способностями, "Отецъ Отечества", Петръ I-й, основатель С. Петербурга, творецъ русскаго флота, побѣдитель Карла XII, проникнутый заботами о Россіи, явился безсмертнымъ преобразователемъ ея. Сблизивъ Россію съ Европой, самъ служа примѣромъ, онъ насадилъ на родной почвѣ знаніе, трудъ и промышленность, пріучая русскихъ людей дѣйствовать самобытно.

Императоръ Петръ I-й Великій.

1689—1725 г.

Въ кратковременное царствованіе супруги Петра Великаго, Екатерины I-й, приведена въ исполненіе мысль Великаго Преобразователя объ учрежденіи Академіи Наукъ.

Императрица Екатерина I-я Алексѣевна.

1725–1727 г.

Въ царствованіе юнаго внука Петра І-го, Петра II Алексѣевича, государственными дѣлами заправляли: сперва Меншиковъ, а послѣ паденія его - Долгорукій, оба думавшіе болѣе всего о достиженіи честолюбивыхъ цѣлей.

Императоръ Петръ II-й Алексѣевичъ

1727—1730 г.

Дочь Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна, свое стремленіе къ полезной дѣятельности замѣнила уничтоженіемъ учрежденнаго Екатериною I Верховнаго Совѣта, основаніемъ въ Петербургѣ Кадетскаго корпуса и заботами о войскѣ. Но, съ другой стороны, ея царствованіе ознаменовалось возвышеніемъ иноземной партіи и соединено съ страшнымъ воспоминаніемъ о Бироновщинѣ.

Императрица Анна Іоанновна.

1730—1740 г.

Назначенный Анною Іоанновною быть до совершеннолѣтія Іоанна Антоновича регентомъ государства, Биронъ черезъ три недѣли былъ свергнутъ. Занявшая мѣсто правительницы, Анна Леопольдовна, своей безпечностью вызвавъ общее недовольство, должна была уступить престолъ дочери Петра I, Елизаветѣ Петровнѣ.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

1740—1741 г.

Правитель Герцогъ Эрнестъ Биронъ. Правительница Принцесса Анна Леопольдовна.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны кончилось нѣмецкое вліяніе и, какъ при Петрѣ I, выдвинулись на первый планъ русскіе люди: честный Разумовскій, русскій меценатъ Шуваловъ, Бестужевъ-Рюминъ; открыты Университетъ и Академія Художествъ, явился русскій театръ, получила развитіе русская литература, найдя силу въ Ломоносовѣ, учреждены банки, усилена торговля, расширены предѣлы Имперіи.

Пруссія въ войнѣ съ Россіей была на краю гибели.

Императрица Елизавета Петровна.

1741—1761 г.

Въ недолгое царствованіе племянника Елизаветы Петровны, Петра III, уничтожена ненавистная тайная канцелярія, запрещено произносить страшное "слово и дѣло" и прекращено жестокое преслѣдованіе раскольниковъ. Начавшееся вновь явное предпочтеніе всему нѣмецкому вызвало вступленіе на престолъ супруги его, Екатерины II.

Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ.

1761—1762 г.

Воспѣтая Державинымъ, прославившаяся "Наказомъ", Екатерина II представляетъ изумительный примѣръ неутомимой дѣятельности. Въ ея царствованіе Потемкинымъ присоединенъ Крымъ, устроена Новороссія, основанъ Черноморскій флотъ; Румянцевъ, Суворовъ, Орловъ прославили Россію побѣдами, по мысли Бецкаго открыты Воспитательные Дома. Высокопросвѣщенная Императрица покровительствовала наукамъ и литературѣ.

Императрица Екатерина II Алексѣевна Великая.

1762 — 1796 г.

Павелъ Iй Петровичъ, сынъ Петра IIIго, вступивъ на престолъ, проявилъ заботливость о государственныхъ дѣлахъ: вводилъ строгую военную дисциплину, положилъ начало ограниченію помѣщичьей власти, способствовалъ при содѣйствіи Митрополита Платона, присоединенію старообрядцевъ къ единовѣрію, основалъ Дерптскій университетъ и умеръ среди приготовленій къ войнѣ съ Англіей. Суворовъ совершилъ знаменитый итальянскій походъ.

Императоръ Павелъ I. Петровичъ.

1796—1801 г.

Любимый внукъ Екатерины II (воспитанникъ Лагарпа), привлекавшій къ себѣ всѣхъ своей добротой, Александръ I въ началѣ царствованія былъ озабоченъ планами разныхъ преобразованій, потомъ вынужденный вступить въ тяжелую борьбу съ Наполеономъ I, имѣя искусныхъ полководцевъ: Кутузова, Барклая-де-Толли, спасъ не только Россію, но явился и "Благодѣтелемъ" Европы.

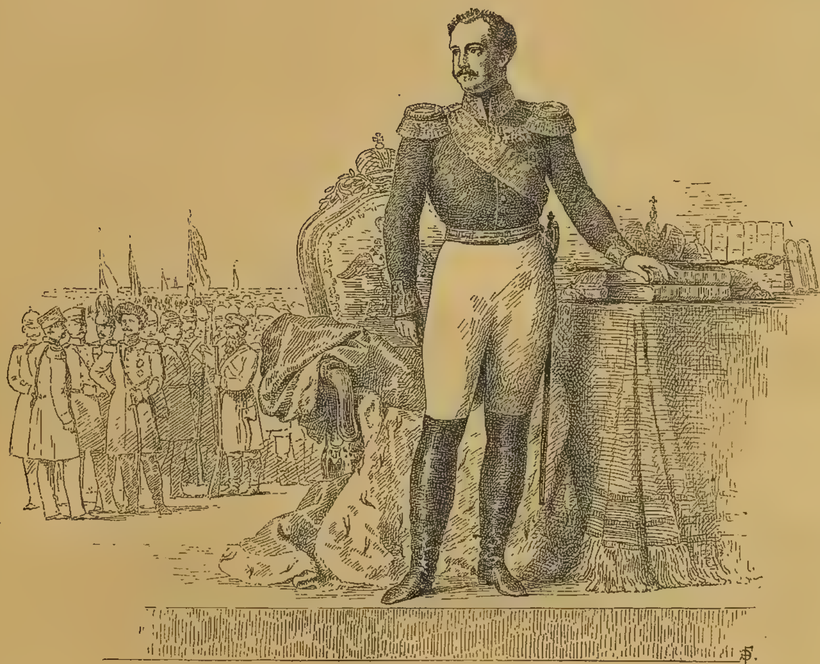

Императоръ Александръ I Павловичъ.

Благословенный.

1801—1825 г.

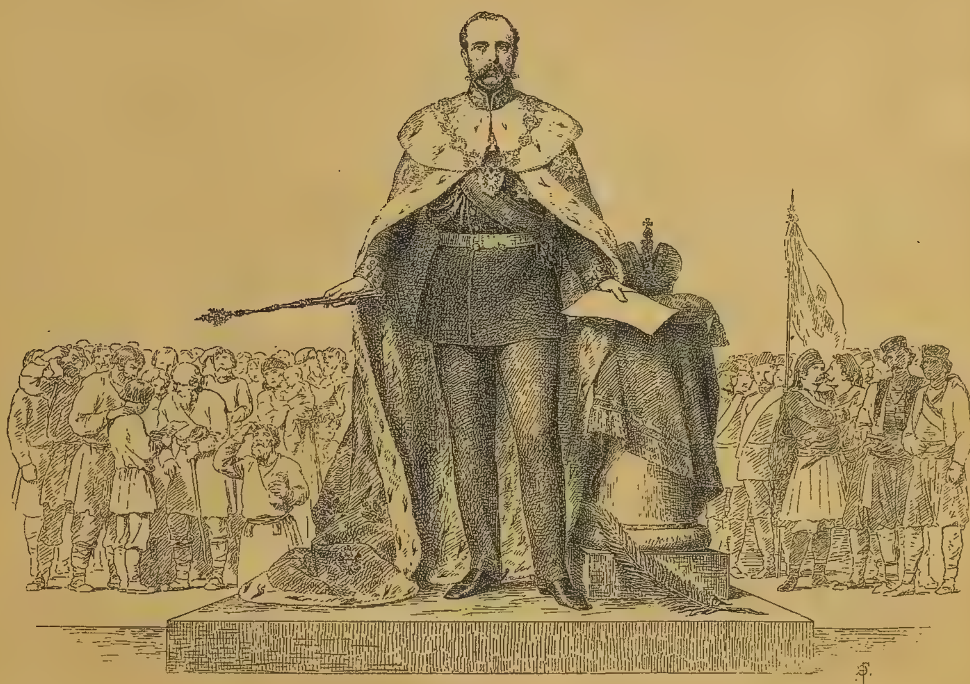
Обладая сильной волей и заботясь о величіи Россіи, Николай I, братъ Александра Благословеннаго, державшійся внутренней охранительной политики и давшій Россіи „Полное Собраніе Законовъ" и „Сводъ Законовъ" [труды Сперанскаго], велъ почти постоянныя войны, изъ которыхъ послѣдняя Крымская, прославила русское войско геройской защитой Севастополя.
Его времени принадлежатъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Крыловъ.

Императоръ Николай I Павловичъ.

1825—1855 г.

Александръ II, воспитанникъ поэта Жуковскаго, незабвененъ своими благодѣяніями для русскаго народа: освободилъ крестьянъ отъ рабства, далъ скорый, правый, милостивый и для всѣхъ равный, гласный судъ, земскія учрежденія и Городовое Положеніе, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія. Покореніе Кавказа, Туркестана и освобожденіе Балканскихъ славянъ — славныя страницы исторіи царствованія этого Государя — Благодѣтеля и Мученика.

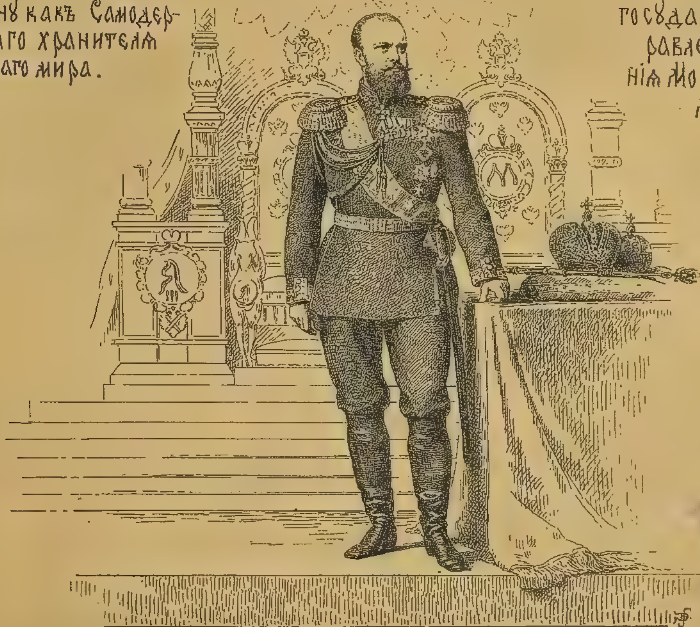
Императоръ Александръ II Николаевичъ.

Царь Освободитель.

1855 — 1881 г.

Императоръ Александръ III Александровичъ изъ тринадцати лѣтъ своего царствованія сдѣлалъ эпоху неслыханнаго благоденствія и славы Россіи. Вся Европа признала Его величайшимъ Монархомъ своего времени и оплакала Его кончину какъ Самодержавнаго хранителя всеобщаго мира.

Высокій подъемъ русскаго самосознанія, объединеніе государства, постройка великаго желѣзнодорожнаго пути чрезъ всю Сибирь, союзъ съ Франціей, учрежденіе Министерства земледѣлія и цѣлый рядъ преобразованій во внутреннемъ государственномъ управленіи — вотъ дѣянія Монарха названнаго Миротворцемъ.

Императоръ
Александръ III Александровичъ
Царь Миротворецъ
1881—1894 г.

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!

